

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 24. № 3

2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тема номера: / Theme:

Методы исследования текста: скрытая информация и интерпретации

Textual Analysis: Implicit Information and Interpretations

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 24. No. 3

2025

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
2025
Том 24. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL
OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS
2025
Volume 24. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025. Vol. 24. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Theme:

Textual Analysis: Implicit Information and Interpretations

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval,*

I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on June 27, 2025.

Date of publication: Oct. 14, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 10.9. Published pages 11.7.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 62. «C» 19.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025. Т. 24. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера:

Методы исследования текста: скрытая информация и интерпретации

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 27.06 2025 г.

Дата выхода в свет: 14.10 2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 10,9.

Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 62. «С» 19.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

СКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ТЕКСТЕ: ПОНЯТИЯ, МОДЕЛИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баранов А.Н. Имплиcitная семантика в тексте: практика лингвистической экспертизы	5
Болотнова Н.С. Методика анализа поэтического текста на основе теорий текстовых ассоциаций и регулятивности	19
Иванов П.К., Катыхшев П.А., Зайцева О.В. Интерперсональность и риторические функции идеологем в тексте политического блога	29
Комалова Л.Р. Лексико-семантическая модель перцептивного образа акта агрессии: опыт конструирования тематического словаря	43

ЭКСПЛИКАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИИ

Радбиль Т.Б. Манипулирование имплицитными смыслами в русскоязычных поликодовых текстах рекламы медицинских товаров и услуг	54
Новичихина М.Е., Меркулова И.А. Скрытая информация в аспекте лингвистической экспертизы товарного знака	68
Иваненко Г.С. Конверсивный анализ как прием экспликации текстовой информации	79
Трущелёв П., Горбачева А.В., Лебедева М.Ю. Прагматические основания лингвистической экспертизы учебного текста	94
Кузнецов И.А. Модели имплицитной связности в современных отечественных медиатекстах: корпусно-дискурсивный анализ фатической диалогической речи	106

CONTENTS

IMPLICIT INFORMATION IN THE TEXT: CONCEPTS, MODELS, RESEARCH METHODS

Baranov A.N. Implicit Semantics in Text: Evidence from Forensic Linguistics	5
Bolotnova N.S. Poetic Text Analysis Methods Based on Theories of Textual Associations and Regulativity	19
Ivanov P.K., Katyshev P.A., Zaytseva O.V. Interpersonality and Rhetorical Functions of Ideologems in Political Blog Text	29
Komalova L.R. Lexicosemantic Model of Aggressive Act Perceptual Image: Thematic Dictionary Construction Experience	43

IMPLICIT INFORMATION INTERPRETATION AND EXPLICATION

Radbil T.B. Manipulating Implicit Meanings in Russian Polycode Texts of Advertising Medical Products and Services	54
Novichihina M.E., Merkulova I.A. Implicit Information in the Aspect of Linguistic Expert Examination of a Trademark	68
Ivanenko G.S. Conversion Analysis as a Technique for Explicating Information	79
Trushchelev P., Gorbacheva A.V., Lebedeva M.Yu. Pragmatic Criteria for Linguistic Examination of Expository Text	94
Kuznetsov I.A. Models of Implicit Coherence in Modern Domestic Media Texts: Corpus-Discursive Analysis of Phatic Dialogic Speech	106

СКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ТЕКСТЕ: ПОНЯТИЯ, МОДЕЛИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ =

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.1>

UDC 81'42:343.98

LBC 81.055.1

Submitted: 02.12.2024

Accepted: 31.03.2025

IMPLICIT SEMANTICS IN TEXT: EVIDENCE FROM FORENSIC LINGUISTICS

Anatoly N. Baranov

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the phenomena of implicit semantics that are important for research in the field of forensic linguistics. In the procedure of semantic analysis of implicit semantics, it is suggested to distinguish between obligatory and optional components of meaning. Obligatory meanings are necessary for correct understanding of the semantics of the text. Such parts of sense facet ensure the semantic coherence of the text and the absence of contradictions in it. Optional phenomena of implicit semantics are not compulsory for correct understanding. The text remains semantically coherent and consistent, even if the addressee has not identified any optional interpretations of its content. Explicitness and implicitness are communicative statuses that are inherent for certain semantic components of the text. The results of the study presented in the article indicate the need for in-depth research into the phenomena of implicit semantics of speech forms from the standpoint of addressee's obligatory identification of meanings, which form the basis of the semantics of the text – its coherence and meaningfulness. Another important dimension of implicit semantics is the possibility of reliable verbalization of the revealed phenomena of the sense facet. Obligation and verbalization of meaning form two relatively independent properties of the implicit semantics of speech forms. The explicit and the implicit do not form a contradictory opposition. The interaction between them requires further study.

Key words: forensic linguistics, implicit semantics, presupposition, semantics of hint, criminal discourse.

Citation. Baranov A.N. Implicit Semantics in Text: Evidence from Forensic Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 5-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.1>

УДК 81'42:343.98

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 02.12.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

ИМПЛИЦИТНАЯ СЕМАНТИКА В ТЕКСТЕ: ПРАКТИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Анатолий Николаевич Баранов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье обсуждаются феномены имплицитной семантики, существенные для проведения исследований в области лингвистической экспертизы текста. В процедуре семантического анализа имплицитной семантики следует различать обязательные и факультативные смыслы. Обязательные смыслы необходимы для корректного понимания семантики текста. Такие части плана содержания обеспечивают семан-

тическую связность текста и отсутствие в нем противоречий. Факультативные феномены имплицитной семантики не существенны для корректного понимания текста. Он остается семантически связным и согласованным, даже если какие-то факультативные интерпретации его содержания не восстанавливаются адресатом. Эксплицитное и имплицитное представляют собой коммуникативные статусы, которыми обладают те или иные смысловые компоненты текста. Исследованный материал указывает на необходимость углубленного исследования феноменов имплицитной семантики речевых форм с точки зрения обязательности выявления адресатом тех или иных компонентов содержания, образующих смысловую «ткань» текста – его связность и осмысленность. Важнейшим измерением имплицитной семантики признается возможность достоверной вербализации феноменов плана содержания. Обязательность и вербализуемость создают два относительно независимых свойства имплицитной семантики речевых форм. Эксплицитное и имплицитное в плане содержания не противопоставлены как члены контрадикторной оппозиции. Взаимодействие между ними требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, имплицитная семантика, пресуппозиция, семантика намека, криминальный дискурс.

Цитирование. Баранов А. Н. Имплицитная семантика в тексте: практика лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 5–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.1>

Введение:

имплицитное в языке и речи

Для описания плана содержания речевых высказываний (и текста в целом) в современной лингвистической семантике используется метафора слоеного пирога. Действительно, мир смысла многомерен (что бы это ни значило), а речь одномерна и упорядочена по временной оси. Таким образом, говорящий вынужден определенным образом «упаковывать» многомерное содержание в линейно выстроенную структуру речевого акта. Чем больше говорящий хочет сообщить в своем речевом акте, тем сложнее структурируется план содержания: что-то оказывается более важным и соответственно более эксплицитным, явным, а что-то передается имплицитно, скрытно, часто, так сказать, по умолчанию. Имплицитная семантика, или имплицитная информация¹, – это та часть плана содержания речевого акта (и совокупности речевых актов – текста), которая отличается от поверхностной формы высказывания и требует для понимания адресатом проведения дополнительных мыслительных операций, отличных от стандартной процедуры понимания. Осуществление дополнительных процедур приводит к тому, что имплицитная часть семантики сообщения становится доступной для понимания адресатом и вводится в его модель мира, становясь частью системы представлений о действительности.

Как известно, наиболее явная часть семантики высказывания сосредоточена в его пропозиции, или ассерции. Имплицитных слоев плана содержания существенно больше. Они различаются по степени эксплицитности и, соответственно, доступности информации для адресата. К имплицитным слоям семантики речевого акта принято относить пресуппозиции, семантические следствия, условия успешности речевых актов, имплицитные дискурсы и пр. (см. довольно подробный обзор и обсуждение этих феноменов: [Падучева, 1977; 1981]).

К феноменам имплицитной семантики относятся также некоторые категории коммуникативной организации смысла высказывания. В последней наиболее часто упоминаются противопоставления темы и ремы, данного и нового, а также категории фокуса контраста (контрастирования), точки зрения, определенности – неопределенности и некоторые другие (см. подробнее, в частности: [Чейф, 1982]). К сфере имплицитной семантики относятся те части коммуникативной структуры, для которых реализуются коммуникативный статус данного, неопределенного, находящегося вне фокусировки внимания, не охватываемого точкой зрения. Коммуникативные категории хотя и реже попадают в исследования по лингвистической экспертизе, тем не менее важны для изучения товарных знаков, для выбора правильной альтернативы при многозначности понимания текста, при изучении коммуникативного взаимодействия реплик в разговоре.

Отдельная группа феноменов имплицитной семантики порождается сложностью са-

мой коммуникации и погруженностью общения в материальный мир – в систему социальных отношений и принятых шаблонов поведения (речевого и неречевого). Так, импликатуры дискурса, или коммуникативные импликатуры, возникают не как чисто лингвистические феномены, а в результате взаимодействия содержания речевого акта с конкретными условиями речевого общения. В силу этого семантическое следствие выводится из семантики высказывания и текста, а импликатура дискурса дополнительно предполагает учет знаний говорящего (в том числе его представлений об адресате), осведомленность относительно того, как происходит общение – непосредственно или опосредованно, присутствуют ли в ситуации общения третьи лица и т. д. В связи с этим Н.Д. Арутюнова отмечает: «Субъектом импликации является пропозиция, субъектом импликатуры – говорящий или (по метонимическому переносу) взятое в контексте речи высказывание» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 29]. Смыслы, реконструируемые на основании импликатур, согласно данному пониманию, относятся к косвенным.

Коммуникативные импликатуры и многие другие феномены имплицитной семантики выводятся не по правилам формальной логики, а по закономерностям естественной логики, которые позволяют получить лишь вероятностный результат, хотя в конкретной ситуации общения реконструируемая семантика такого типа по большей части вполне определена и не допускает иных интерпретаций (ср., например, категорию косвенных речевых актов, часто маркируемую грамматическими средствами языка).

Как распределять семантическую информацию по различным слоям плана содержания, определяется, во-первых, особенностями грамматики и синтаксиса языка, во-вторых, дискурсивными практиками, принятыми в соответствующем типе дискурса, в-третьих, особенностями аудитории (адресата и, возможно, участием третьих лиц), в-четвертых, особенностями ситуации общения, в-пятых, коммуникативным намерением говорящего. Речевой опыт говорящего также вносит свои коррективы в результирующий вид речевого сообщения, передающего необходимую «порцию» информации в конкретной коммуникативной ситуации.

В теоретической лингвистике основное внимание обращалось на определение состава феноменов имплицитной семантики и возможность их использования для экспликации смысла речевого сообщения. При этом обязательность выявления семантических следствий, пресуппозиций, импликатур дискурса, коннотаций и других категорий имплицитной семантики не осознавалась как конкретная задача семантического описания. В лингвистической экспертизе текста эта задача оказывается важнейшей, поскольку необязательные, факультативные и плохо формулируемые смыслы не могут рассматриваться как диагностические при установлении лингвистических характеристик высказывания и текста для решения экспертных задач.

Ниже обсуждаются более подробно критерии обязательности компонентов смысла и их вербализуемости, что существенно для лингвистической экспертизы текста, но по непонятным причинам выпадало из сферы интересов теоретической семантики.

Кроме того, рассматриваются некоторые феномены имплицитной семантики, критически важные для исследования текста в рамках лингвистической экспертизы.

Обязательность и вербализуемость имплицитных смыслов

Итак, в отличие эксплицитной информации, имплицитная может быть обязательной и факультативной. Возникает закономерный вопрос: каковы критерии обязательности, то есть в каких случаях некоторый смысл должен квалифицироваться исследователем (экспертом) как обязательный, а в каких – как факультативный? Такая постановка вопроса существенна и для семантической теории. Слово *обязательный* обычно требует распространения за счет предложной группы с предлогом *для*: *обязательный для чего?* В данном случае речь идет об **обязательности для понимания текста**.

В лингвистике текста и семиотике текст рассматривается как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Николаева, 1990]. Связность проявляется в семантических свя-

зях между предложениями и более крупными компонентами текста – сверхфразовыми единствами, абзацами, главами, разделами и под. (см. обсуждение категории связности текста: [Николаева, 1978]). Эти связи проявляются на уровне синтаксиса предложения в использовании анафорических местоимений, на уровне фраз и последовательностей предложений – в актуальном членении (в такой смене тем и рем, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего) [Падучева, 1982], в существовании высказываний, связанных по коммуникативной (иллокутивной) функции (вопрос – ответ, требование – реакция на требование, удивление – реакция на удивление и т. п.)².

Цельность текста следует квалифицировать скорее как психологическую категорию. Иными словами, это вопрос восприятия и последующей интерпретации (действительно, известный монолог Валерия Брюсова «О закрой свои бледные ноги», очевидно, рассматривался автором как законченное и цельное произведение, хотя даже адресат из стиха не ясен). Тем не менее можно предложить и некоторый относительно формальный аналог цельности текста: текст является цельным, если количество внутренних семантических связей в нем существенно превышает количество интертекстуальных связей. Разумеется, определение даже порядка превышения представляет собой значительную научную проблему. Однако для заявленной здесь исследовательской задачи это не имеет решающего характера, поскольку цельность текста в рамках алгоритмизированных процедур лингвистической экспертизы не может рассматриваться как объективная характеристика семантики текста. В то же время семантическая связность проверяется: незаполненные семантические связи, противоречия, неоднозначность текста, коммуникативные неудачи (см., например: [Городецкий, Кобозева, Сабурова, 1985; Milroy, 1984; Schegloff, Jefferson, Sacks, 1977]) – все это устанавливается с помощью имеющегося концептуального аппарата лингвистической семантики и прагматики.

Так, многочисленные интерпретации строки Брюсова «О закрой свои бледные ноги» факультативны и не влияют на понима-

ние этого мини-текста как такового. Согласно одной из них, монолог имеет религиозный подтекст: это обращение к распятию [Эрберг, 1979, с. 124; Шершеневич, 1990]. Другие исследователи усматривают здесь сексуальную составляющую: «Угол зрения на человека и, кажется, на все человеческие отношения, то есть на самую жизнь здесь открывается не сверху, идет не от лица, проникнут не смыслом, но поднимается откуда-то снизу, от ног, и проникнут ощущениями и желаниями, ничего общего со смыслом не имеющими» [Розанов, 1899, с. 130].

Очевидно, что интерпретации данного текста являются внешними по отношению к его содержанию, которое, сохраняя очевидную неопределенность и, вероятно, неполноту, внутренне семантически связно и согласованно. Таким образом, собственно лингвистическое понимание монолога Брюсова не требует внешних интерпретаций, которые могут быть сколь угодно разнообразными и определяться в итоге моделью мира читателя – багажом его знаний и опыта. Иными словами, судебной перспективы эти интерпретации не имеют. Например, пропаганду порнографии здесь усмотреть невозможно, поскольку эротическое прочтение монолога факультативно и определяется субъективными представлениями адресата (в рассмотренном случае – философом и литературным критиком В.В. Розановым), его коммуникативным намерением, болезненным состоянием и другими экстралингвистическими факторами.

Рассмотрим другой пример – уже из криминального дискурса. В разговоре «по понятиям» между двумя предпринимателями один из них (назовем его «Взыскующий») убеждает собеседника («Неплательщика») в необходимости выплатить некоторому третьему лицу, не участвующему в беседе (назовем его «Претендент»), некоторую сумму денег – долг, который Неплательщик не признает. Беседа длится более часа: Взыскующий использует разветвленную систему аргументов в пользу своего требования. Он указывает на вред, который может нанести Претендент общему бизнесу Взыскующего и Неплательщика, обращает внимание на необходимость соблюдения неписанных норм ведения бизнеса (*Нельзя быть кидолой!*), говорит об опасно-

сти огласки темных делишек, к чему может привести судебное разбирательство между Претендентом и Неплательщиком, отмечает правомерность финансовых претензий Претендента, подчеркивает, что Претендент пользуется уважением в среде авторитетных предпринимателей – все это длится довольно долго, поскольку Неплательщик последовательно отвергает уговоры Взыскующего и претензии Претендента. Вдруг Взыскующий как бы совсем невпопад, среди прочего, сообщает:

(1) Взыскующий: Посмотри, что про нас в газете пишут, что мы, пятьдесят человек убили, сто человек изувечили на фиг³ (Материалы автора).

Для постороннего наблюдателя эта реплика выпадает из общего разговора, довольно монолитного по тематике и почти прозрачного по коммуникативным намерениям участников. Казалось бы, налицо нарушение «принципа кооперации» Г.П. Грайса, лежащего в основе любой речевой коммуникации, который в самом общем виде формулируется так: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 222]. Иными словами, участники ситуации общения должны исходить из рациональности речевого поведения с точки зрения достигаемых коммуникативных целей, что предполагает презумпцию осмысленности коммуникативных ходов участников и обязательное обсуждение возникающих неясностей для того, чтобы избежать опасности коммуникативных неудач. Однако разговор между Взыскующим и Неплательщиком продолжается – никто из участников не говорит о непонимании, не пытается уточнить, о чем идет речь, что имеется в виду и т. п. Следовательно, фраза (1) не нарушает «принципа кооперации» и вписывается в смысловой контекст диалога, поэтому ее можно квалифицировать как намек на то, что произойдет с Неплательщиком, если он откажется удовлетворить настоятельные рекомендации Взыскующего по возврату долга Претенденту.

Вносит свой вклад в структуру намека и то, что в конце разговора Взыскующий участливо выражает обеспокоенность физической сохранностью Неплательщика:

(2) Взыскующий: Я за тебя буду спокоен, ты не будешь оборачиваться ходить, что кто-то подойдет, что-то сделает (Материалы автора).

Ни один из участников разговора не фиксирует коммуникативную неудачу в связи с произнесением реплик (1) и (2). Понятно почему – намек организован по типовой (регулярной) схеме: ‘Если говорящий, требуя от собеседника чего-то, немотивированно говорит о реальном или возможном физическом воздействии – в том числе на него, то это указание на использование физического воздействия на адресата, если он откажется делать требуемое’. **Регулярный намек**, в отличие от истинного намека, должен обязательно вычисляться адресатом для достижения корректного понимания текста. Действительно, если реплики (1) и (2) не прочтутся как санкция в угрозе (о семантике и прагматике угрозы см. подробнее: [Баранов, 2021]), то разговор теряет семантическую связность, поскольку непонятно, в связи с чем Взыскующий упоминает о brutальных победах стороны, которую он представляет в переговорах. Выпадает из общего контекста коммуникации и озабоченность Взыскующего относительно физической безопасности Неплательщика.

Совершенно иначе выглядит семантическая структура **истинного намека**. Это такой способ косвенной передачи информации, который основан на усложнении описания информации языковыми формами в одной или нескольких связанных между собой фразах, а с содержательной – допускает вариативность реконструкции своего содержания в процессе угадывания, в основе которого лежат нерегулярные правила вычисления смысла. Важнейшее отличие истинного намека от регулярно состоит в том, что его выявление или невыявление не влияет на семантическую связность текста и его непротиворечивость. Примером истинного намека может служить подзаголовок «Сценка из нерицарских времен» к пьесе-шутке А.В. Вампилова «Свидание». Сюжет пьесы анекдотичен. Юноша и девушка, будучи знакомы только по телефону, спешат на первое свидание друг к другу. Юноша вдруг обнаруживает, что его ботинок просит каши, и он договаривается с сапожником о быстром ремонте. У девушки, проходящей мимо, ломается каблук, и она просит юношу

уступить ей место, но тот не соглашается, происходит ссора. В конце концов, герои, страшно обиженные друг на друга, узнают, что спешили на свидание друг к другу.

Комментарий к пьесе представляет собой намек-аллюзию на «Сцены из рыцарских времен» А.С. Пушкина, причем содержание намека-аллюзии весьма неопределенно. Это может быть установление аналогии по объему (оба произведения сравнительно невелики), указание на сходство в поведении персонажей (герои ведут себя совсем не по-рыцарски), указание на сходство в развитии событий – неуспех главного героя и т. д. Существенно, что незнание последней драмы А.С. Пушкина никак не влияет на семантическую связность текста пьесы Вампилова. Иными словами, это параллельный слой восприятия, который, как и различные интерпретации моностиха Брюсова, факультативен и определяется исключительно моделью мира адресата (читателя, зрителя и пр.). Рассмотрение факультативных имплицитных слоев плана содержания текста в лингвистической экспертизе возможно только при условии того, что эти смыслы действительно актуализовались в сознании участников ситуации общения, чему есть экстралингвистические или собственно лингвистические доказательства (материалы уголовного дела, данные в распоряжение эксперта как необходимая вводная информация; контекст, речевое поведение участников и т. д.).

Еще один аспект имплицитной информации, существенный для исследований в лингвистической экспертизе, – это ее вербализуемость. Под вербализацией имеется в виду возможность достаточно правдоподобного воспроизведения скрытого смысла в виде высказывания, содержащего пропозицию, которая передает скрытое содержание. В рассмотренном выше примере разговора «по понятиям» между Взыскующим и Неплательщиком имплицитная семантика – санкция угрозы – хорошо вербализуема в репликах типа: 'Не договоришься с Претендентом по поводу долга, опасайся за свою жизнь и здоровье' – разумеется, с точностью до синонимических преобразований.

Вполне возможны ситуации, когда в имплицитной части семантики языкового выра-

жения какое-то содержание присутствует, но вербализовать его в явной форме не представляется возможным. Пример такого рода – «наведение» имплицитной семантики приемами речевого воздействия. Так, прием «введения в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд» (см. подробнее: [Баранов, 2007, с. 179–183]) широко используется в политическом дискурсе. Например, известный лозунг *Голосуй или проиграешь!* предвыборной кампании Б.Н. Ельцина 1996 г. на постерах сопровождался изображением наручников (см. рис. 1) или арестантской куртки (см. рис. 2) в непосредственной близости от слова *проиграешь*:

Очевидно, что проигрыш в этом рекламном слогане интерпретировался как что-то явно отрицательное, но не обязательно имелось в виду реальное тюремное заключение. Это можно было интерпретировать и как ограничения гражданских свобод, и как полицейское государство, и как обобщенно (даже символически) передаваемую идею опасности. Иными словами, негативный компонент содержания присутствует, но точно вербализовать и выразить его суть невозможно. Аналогичными свойствами обладает метафора: метафорические номинации могут влечь позитивную или негативную оценку, но и в этом случае часто (впрочем, не всегда) точная вербализация негативной составляющей затруднена, ср. кличку *Паша-мерседес* одного из бывших министров обороны РФ или номинацию Линдона Джонсона как антигероя игры в дартс (то есть представление его в виде мишени, в которую бросают нечто вроде маленьких дротиков).

Плохо вербализуемы многие культурные ассоциации. Несколько больше повезло в этом смысле культурным и социальным стереотипам.

Сочетания значений двух рассмотренных параметров – «обязательность vs факультативность», «вербализуемость vs невербализуемость» – задают следующие возможные комбинации, характеризующие сферу имплицитной семантики:

- 1) обязательная и вербализуемая информация;
- 2) обязательная и невербализуемая информация;
- 3) факультативная и вербализуемая информация;

Рис. 1. Рекламный постер президентской кампании Б.Н. Ельцина 1996 г. с изображением наручников
Fig. 1. Advertising poster of the 1996 presidential campaign of B.N. Yeltsin with an image of handcuffs

Рис. 2. Рекламный постер президентской кампании Б.Н. Ельцина 1996 г. с изображением арестантской куртки
Fig. 2. Advertising poster for the 1996 presidential campaign of B.N. Yeltsin with an image of a prisoner's jacket

4) факультативная и невербализуемая информация.

Факультативная информация (как вербализуемая, так и невербализуемая) не может рассматриваться в большом классе дел, связанных со ст. 152 ГК РФ (защита чести, достоинства и деловой репутации). Действительно, факультативные части плана содержания индивидуальны в том смысле, что разные носители языка по-разному восстанавливают для себя эту область семантики языковых выражений. Следовательно, и сам факт наличия негативных сведений в таких случаях достоверно доказать невозможно. Некоторую полезную информацию могут дать социологические опросы, однако этот инструментарий находит-

ся за пределами собственно лингвистического исследования. При этом использование факультативной информации вполне допустимо в лингвистических экспертизах по товарным знакам. Факультативная вербализуемая информация допустима в исследованиях по широкому классу дел о вымогательстве, даче взятки, угрозах и т. п., если она подтверждена контекстом, ситуацией и экстралингвистическими факторами коммуникативного взаимодействия.

Проблематично опираться в делах о защите чести и достоинства на обязательную, но точно не вербализуемую информацию. Причины те же, что рассматривались выше: осложненность точной вербализации скрытого смысла затрудняет или вообще делает не-

возможным доказательство наличия в тексте негативных сведений. Здесь вполне допустимы опросы, но они должны быть идеальны с точки зрения техники эксперимента.

Рассмотрим различные формы выражения семантической информации, в сопоставлении эксплицитной формы с имплицитной, ориентируясь, преимущественно, на исследования текста в рамках ст. 152 ГК РФ (защите чести, достоинства и деловой репутации).

Форма выражения смысла как коммуникативный статус

Языковая форма (способ) представления семантики в речевом акте и в тексте в целом определяется комплексом тех представлений, которые связывает говорящий с передаваемой информацией. Как и определенность и неопределенность, тема и рема, данное и новое – см. упоминавшиеся выше категории коммуникативной организации высказывания – **эксплицитное и имплицитное в семантике текста являются «коммуникативным статусом»**. Ср. характерные терминологические словоупотребления: *выражение с коммуникативным статусом определенного и неопределенного, данного и нового* и т. д. Коммуникативный статус эксплицитного получают те фрагменты семантической информации, которые выявляются адресатом речевого сообщения без привлечения специальных правил реконструкции семантики текста. В противоположность этому, коммуникативный статус имплицитного характеризует те компоненты плана содержания высказывания (и текста), которые предполагают реконструкцию содержания по регулярным и тем более по нерегулярным правилам.

В сфере лингвистической экспертизы по юридическим основаниям (которые здесь нет возможности обсуждать) различаются утверждения, мнения, предположения, оценочные суждения, вопросы, намеки и т. п. От утверждений, которые могут быть проверены на предмет соответствия действительности, отграничивают мнения, предположения, оценочные суждения, намеки и собственно вопросительные конструкции и иные формы представления информации (например, языковую игру, каламбур, иронию), которые нельзя верифици-

ровать. Утверждение как феномен лингвистической экспертизы определяется следующим образом: «Утверждение – это вербально передаваемая кому-л. информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов, 2007, с. 32].

Сформулированное определение учитывает тот факт, что в лингвистической экспертизе по ст. 152 ГК РФ предложения, в которых глагол имеет грамматическую форму будущего времени, к утверждениям не относятся, поскольку их, очевидным образом, нельзя проверить на соответствие действительности. Надо сказать, что некоторые специалисты по лингвистической экспертизе указывают на то, что лингвист не вправе судить о возможности верификации высказывания, приводя примеры предложений типа *Бог существует; Учение Маркса всесильно, потому что оно верно*, включенных в системы идеологий (в широком понимании). Идеологизированные высказывания действительно трудно верифицировать, поскольку они носят мировоззренческий характер. Тем не менее с лингвистической точки зрения они проверяемы на истинность и ложность. Вопрос лишь в том, кто будет проверять их истинность: адепты соответствующих идеологий посчитают их истинными, а противники, вероятно, нет. В любом случае это прерогатива суда: именно он решает с учетом всех доказательств, каждое из которых, как известно, не имеет заранее установленной силы, может ли быть верифицируемо то или иное высказывание. Дополнительно следует отметить, что идеологизированные предложения, конечно, обнаруживают некоторые прагматические сходства с категорией оценки.

Утверждения различны по своему коммуникативному статусу: есть утверждения

явные, прямые, или эксплицитные, и скрытые, или имплицитные. Явные утверждения чаще всего бывают представлены в форме высказываний, в которых сказуемые выражены глаголами или глагольными именными сочетаниями в форме изъявительного наклонения при отсутствии модальных и вводных слов – маркеров мнения или предположения (*вероятно, скорее всего, возможно* и т. п.). Коммуникативный статус эксплицитных утверждений предполагает, что их понимание не требует от адресата дополнительных усилий – семантических преобразований исходного текста и близкого контекста, направленных на поиск каких-либо скрытых смыслов высказывания. Явные (прямые, эксплицитные) утверждения полностью или почти полностью соответствуют внешней форме высказывания. К ним относятся разные по структуре предложения, в том числе с эллипсисом – опущением отдельных компонентов высказывания, легко восстанавливаемых из контекста. Так, во фразе (3) в последнем предложении опущено подлежащее, которое по регулярным семантическим правилам реконструируется из контекста:

(3) Романовский встретился в ресторане с коллектором банка Петровским. В беседе жаловался на падение доходов бизнеса и предложил свою схему покрытия долга, намекнув на возможность отката (Материалы автора).

Функционально эквивалентны эксплицитным (явным) утверждениям **номинализации** – семантико-синтаксические свертки предложений. Полная номинализация представляет собой сведение к существительному целого предложения. Чаще всего существительные-номинализации являются отглагольными, формируя именную группу: *Иван пришел* → *Приход Ивана*. Иными словами, каждая номинализация семантически содержит пропозицию, которая регулярно восстанавливается при семантико-грамматическом анализе.

Следует иметь в виду, что номинализации могут быть и результатом семантико-синтаксической свертки предложений-высказываний, которые не допускают проверки на соответствие действительности. Ср., например: *Опасения Петра относительно перспектив*

своего бизнеса → *Петр опасается, что его бизнес не имеет будущего*; *Возможное присутствие Василия на месте убийства* → *Василий мог быть на месте убийства*. Такие реконструированные предложения не могут рассматриваться как утверждения в указанном понимании, будучи соответственно мнениями, предположениями и т. п.

Утверждения с коммуникативным статусом скрытые или имплицитные представлены в таких высказываниях, в которых информация имеет вид обязательного следствия, определяемого контекстом. Понимание такой информации, как уже отмечалось выше, предполагает осуществление читателем дополнительных смысловых преобразований, направленных на поиск скрытых смыслов. Такие преобразования часто требуют обязательного учета предшествующего или последующего контекста, в котором распределена или в который включена скрытая информация. Обязательные следствия необходимы для понимания предложения или фрагмента текста, в который они входят: не выявление читателем обязательных следствий приводит к тому, что текст оказывается семантически неполным – несвязным, семантически аномальным и т. д.

По критерию обязательности к скрытым утверждениям относится еще один вид имплицитной информации – пресуппозиции. Так, фраза *Почему Н. скрывает от избирателей свои доходы?* – содержит пресуппозицию «Н. скрывает от избирателей свои доходы» как условие осмысленности вопроса. Действительно, если Н. не скрывает от избирателей свои доходы, то вопрос теряет осмысленность. Риторический вопрос *Кто после разоблачения столь наглой лжи поверит Н.?*, в свою очередь, содержит пресуппозицию ‘После разоблачения столь наглой лжи Н. никто не поверит’. Пресуппозиции также относятся к скрытым утверждениям, поскольку их понимание необходимо для обеспечения смысловой связности и законченности текста.

Следует иметь в виду, что в лингвистической семантике существуют различные понимания пресуппозиции – фактически это различные их типы. В известной работе Е.В. Падучевой выделяются семантические и прагматические пресуппозиции («презумп-

ции»)⁴. Определение семантической пресуппозиции (со ссылкой на [Strawson, 1952; Keenan, 1971; Van Fraassen, 1968]) формулируется так: «Компонент *P* суждения *S* является презумпцией *S*, если ложность *P* в некоторой ситуации делает утверждение *S* в этой ситуации неуместным, аномальным» [Падучева, 1977, с. 92].

Прагматическая пресуппозиция определяется Е.В. Падучевой по-другому – как некоторое обязательство поведения говорящего в разговоре: «Предложение *S* имеет прагматическую презумпцию *P*, если оно обязывает говорящего иметь прагматическую презумпцию *P* при любом употреблении *S* в высказывании, то есть если высказывание *S* окажется, при отсутствии этой презумпции у говорящего, неуместным – неискренним, провокационным и прочее» [Падучева, 1977, с. 93]. Очевидно, что прагматические пресуппозиции не могут рассматриваться как часть инструментария лингвистической экспертизы. Действительно, они предполагают прямой доступ к сознанию говорящего, который, предположительно, должен «иметь прагматическую презумпцию *P* при любом употреблении *S* в высказывании». По-видимому, глагол *иметь* в словосочетании определения «иметь прагматическую презумпцию *P*» используется в смысле ‘иметь в сознании’, однако непосредственный доступ в сознание говорящего у лингвиста отсутствует, поскольку в лингвистике нет методов изучения сознания человека – только через посредство речевых форм и речевого поведения говорящего. Таким образом, только категория семантической пресуппозиции может найти применение в семантическом анализе текста в рамках лингвистической экспертизы.

Мнение передает информацию не о самой действительности (фактах), а о том, какой образ действительности есть у говорящего. «Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая факты, или бессознательно, не отдавая отчета в том, почему он так считает» [Как провести..., 2006, с. 50]. Многие специалисты в области лингвистической экспертизы отмечают, что дифференцировать такие формы представления как мнение и предположение порой бывает сложно, а потому в литературе высказы-

вается даже точка зрения, что «предположение по сути является одной из форм выражения мнения» [Как провести..., 2006, с. 52].

Мнения и предположения сопровождают-ся в тексте соответствующими лексическими маркерами (модальными словами – *вероятно, может быть, возможно* и пр.; глаголами – *казаться, предполагать, думать* и пр.).

От скрытых утверждений, представляющих собой обязательное следствие, то есть информацию, содержащуюся в тексте объективно и выявляемую любым читателем вне зависимости от его образованности, отношения к описываемому действию или событию и т. п., необходимо отличать **факультативные следствия**. Они образуют необязательную часть семантики высказывания и текста, так как могут реконструироваться читателем с некоторой степенью вероятности, но их определение зависит от ряда субъективных факторов, например от уровня осведомленности читателя, его знаний, политических и иных убеждений и т. п. Функционально факультативные следствия аналогичны предположениям.

Оценочные суждения передают отношение субъекта (говорящего) к ситуации и ее участникам, а также к абстрактным категориям (в частности к моральным нормам, ценностям и т. п.) в терминах оценок. Для выражения оценочных суждений используются, как правило, слова, содержащие в своей семантике оценочный компонент – прежде всего слова, выражающие общую оценку (например, *хороший, плохой, красивый, безобразный* и пр.)⁵. В ряде случаев оценка передается и прилагательными частной оценки – *тупой* (об умственных способностях), *гениальный, вызывающий* (о поведении человека, о внешнем облике, одежде), *сомнительный* (об истинности) и пр.

Оценочные суждения, будучи в традиционной классификации повествовательными предложениями, тем не менее с когнитивной точки зрения субъективны. Они относятся к сфере оценок, мотивированных ценностными категориями, и в силу этого, в отличие от обычных утверждений, не могут быть проверены на соответствие действительности. Например, утверждение *Роман – взяточник* можно проверить на соответствие действительности, а оценочное суждение *Ольга красива* – нет, поскольку красота человека явля-

ется оценочной субъективной категорией, связанной с соответствующей ценностью.

Одна из важнейших проблем в лингвистической экспертизе – определение семантической сферы действия мнения, предположения и речевого акта оценивания. Рассмотрим фрагмент:

(4) Как утверждает источник, якобы в его распоряжении имеются бумаги, свидетельствующие о том, что в 2000 году главный бенефициар холдинга Иван Петровский находился в федеральном розыске по уголовной статье. Как утверждает источник, инициатором розыска было УВД по г. Коломна (Материалы автора).

Значение частицы *якобы* в обычном употреблении связано с предположением и выражением сомнения (то есть мнением). В приведенном примере ее сфера действия распространяется не только на предложение, в которое она входит, но и на последнее высказывание примера: *Как утверждает источник, инициатором розыска было УВД по г. Коломна*. Такой вывод поддерживается, во-первых, тем, что источник информации не меняется, во-вторых, тем, что последнее высказывание непосредственно следует после высказывания с частицей *якобы* и, в-третьих, тем, что описывается одна и та же ситуация.

Однако в других контекстах семантическая сфера действия частицы *якобы* может ограничиваться частью высказывания и не выходить за его пределы:

(5) Производители угля сначала якобы продали свой бизнес, но не получили за него ни копейки реальных денег, а потом выкупили обратно его за втрое большую сумму, что позволило вывести за рубеж 390 млн долларов США (Материалы автора).

В примере (5) сфера действия частицы *якобы* распространяется только на идею продажи бизнеса, то есть автор текста сомневается, что продажа была настоящей, а не притворной (*не получили за него ни копейки реальных денег*). При этом вывод за рубеж 360 млн долларов США подается в тексте как утверждение (как принято говорить в работах по лингвистической экспертизе – как «суждение о факте»).

Вопрос – это высказывание, имеющее целью побудить адресата сообщить говоря-

щему некоторую информацию, которой последний не обладает, или выразить мнение по поводу некоторого события, факта и т. п. *Кто пришел? Что делать? Как вы оцениваете результаты переговоров?* Чаше всего лексическими маркерами вопроса являются, как известно, вопросительные местоимения, наречия – *кто, что, какой, куда, почему, где* и т. п. Кроме того, в конце вопросительной конструкции ставится, как правило, вопросительный знак.

В отличие от собственно вопросительной конструкции, риторический вопрос не побуждает к предоставлению информации, а содержит утверждение. Например, истинный вопрос *Куда я летом поеду с детьми?* допускает множество ответов: *К бабушке. К морю. В Бельгию* и т. п., в то время как риторический вопрос *Куда я денусь с четырьмя детьми?* передает утверждение ‘Мне некуда деваться с четырьмя детьми, мое положение безвыходное’.

Для квалификации формы (способа) выражения семантической информации существенно также, что описывает информация в высказывании, поскольку не все высказывания, формально-грамматически являющиеся утверждениями, можно проверить на соответствие действительности. Возможность проверки на соответствие действительности является важнейшим признаком утверждения в рамках дел по ст. 152 ГК РФ.

Невозможно проверить на соответствие действительности высказывания, описывающие события, относящиеся к будущему времени, а также суждения о внутреннем мире человека, его эмоциях, представлениях, желаниях и пр. Так, высказывание *Петр бросит свою жену* не поддается верификации верифицировать в момент произнесения. Аналогично высказывания с некоторыми интерпретационными глаголами типа *Иван не стремится получить качественное образование* или *Ольга обо мне не думает* описывают ментальный мир людей с точки зрения внешнего наблюдателя⁶. Сознание других людей не поддается простой логической процедуре. Разумеется, высказывания о внутреннем мире человека могут быть суждениями о факте в том случае, если соответствующая информация как-то документирована и может быть проверена на соответствие действительности.

Заключение

Прикладная лингвистика оказывается не только оселком, на котором проверяются положения лингвистической теории, но и важным драйвером изменения теоретических подходов к явлениям языка и речи, о чем писал во второй половине XX в. В.А. Звегинцев [Звегинцев, 1968; 1973]. Лингвистическая экспертиза текста – одно из приложений языкознания, которое, помогая обществу в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ), обращает внимание на те области семантики высказывания и текста, которые находятся на периферии исследований в области лингвистической семантики и прагматики.

Разграничение коммуникативных статусов эксплицитного и имплицитного аналогично противопоставлениям определенного и неопределенного, данного и нового. Разобранный в данной статье материал определенно указывает на необходимость углубленного исследования феноменов имплицитной семантики речевых форм, в первую очередь, с точки зрения обязательности сообщения говорящим и обязательности выявления адресатом тех или иных смыслов, образующих смысловую «ткань» текста – его связность и осмысленность. Как показывает практика лингвистической экспертизы, еще одно важнейшее измерение имплицитной семантики – достоверность формулирования, экспликации (вербализации) выявляемых феноменов плана содержания. Обязательность и вербализуемость формируют два относительно независимых свойства имплицитной семантики речевых форм.

Эксплицитное и имплицитное в плане содержания не противопоставлены как члены контрадикторной оппозиции. Между этими полюсами формы выражения смысла лежат феномены с разной степенью эксплицитности – имплицитности. Взаимодействие между ними требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее термин «информация» используется как вариант термина «семантика» применительно к сфере лингвистической экспертизы, что отражает словоупотребление, принятое в лингвистической экспертизе текста.

² В теории речевых актов говорят об иллокутивном вынуждении реплик в тексте (диалоге) [Баранов, Крейдлин, 1992].

³ Здесь вместо *на фиг* – идиома с обценным компонентом.

⁴ Представлено еще и собственно логическое понимание, согласно которому *P* есть пресуппозиция предложения *S*, если и только если из *S* следует *P* и из *не S* следует *P*. Однако собственно логическое понимание, как показывает Е.В. Падучева, ущербно, поскольку, в частности, приводит к тому, что все тавтологии оказываются пресуппозициями высказывания [Падучева, 1977].

⁵ Семантика оценочных категорий исследуется в нормативной этике и теории оценок – лингвистической и философской. См. по этому поводу: [Мур, 1984; Вольф, 1985; Ивин, 1970].

⁶ Отметим, что не все глаголы, относящиеся по Ю.Д. Апресяну к интерпретационным [Апресян, 2009, с. 176 и далее], описывают внутренний мир человека и тем самым не могут рассматриваться как утверждения о факте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В., 1985. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс. С. 3–42.
- Апресян Ю. Д., 2009. Исследования по семантике и лексикографии. В 2 т. Т. 1. Парадигматика. М.: Яз. слав. культуры. 567 с.
- Баранов А. Н., 2007. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС. 360 с.
- Баранов А. Н., 2021. Угроза в криминальном дискурсе. Семантика и прагматика. М.: Азбуковник. 219 с.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е., 1992. Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллокутивного вынуждения // Вопросы языкознания. № 2. С. 42–49.
- Вольф Е. М., 1985. Функциональная семантика оценки. М.: Наука. 228 с.
- Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г., 1985. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск: Сиб. отд-ние АН СССР. С. 144–146.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс. С. 217–237.
- Звегинцев В. А., 1968. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение. 338 с.
- Звегинцев В. А., 1973. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Моск. ун-та. 248 с.

- Ивин А. А., 1970. Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та. 229 с.
- Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов, 2006 / под ред. М. В. Горбаневского. М. : Юрид. мир. 112 с.
- Мур Дж. Э., 1984. Принципы этики. М. : Прогресс. 327 с.
- Николаева Т. М., 1978. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс. С. 5–42.
- Николаева Т. М., 1990. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 507.
- Падучева Е. В., 1977. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М. : ВНИТИ. С. 91–124.
- Падучева Е. В., 1981. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации // Научно-техническая информация. Серия 2. № 11. С. 23–30.
- Падучева Е. В., 1982. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41, № 4. С. 305–312.
- Розанов В. В., 1899. О символистах и декадентах // Религия и культура : сб. ст. СПб. : Изд. П. Перцова. С. 128–139.
- Чейф У., 1982. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 227–316.
- Шершеневич В., 1990. Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги : Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / сост. С. В. Шумихин, К. С. Юрьев. М. : Моск. рабочий. С. 456–457.
- Эрберг К., 1979. Воспоминания / публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 г. Л. : Наука. С. 99–146.
- Keenan E. L., 1971. Two Kinds of Presupposition in Natural Language // Studies In Linguistic Semantics / ed. by Ch. J. Fillmore, D. T. Langendoen. N. Y. : Irvington. P. 45–54.
- Milroy L., 1984. Comprehension and Context: Successful Communication and Communicative Breakdown // Applied Sociolinguistics. L. : Academic Press. P. 7–31.
- Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H., 1977. The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation // Language. Vol. 53, № 2. P. 361–382.
- Strawson P. F., 1952. Introduction to Logical Theory. L. : Routledge. 278 p.
- Van Fraassen B. C., 1968. Presupposition, Implication and Self-Reference // Journal of Philosophy. Vol. 65, № 5. P. 136–152.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., Paducheva E.V., 1985. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origins, Problems and Categories of Pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., pp. 3–42.
- Apresyan Yu.D., 2009. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. V 2 t. T. 1. Paradigmatika* [Studies in Semantics and Lexicography. In 2 vols. Vol. 1. Paradigmatics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 567 p.
- Baranov A.N., 2007. *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, URSS Publ. 360 p.
- Baranov A.N., 2021. *Ugroza v kriminalnom diskurse. Semantika i pragmatika* [Threat in Criminal Discourse. Semantics and Pragmatics]. Moscow, Azbukovnik Publ. 219 p.
- Baranov A.N., Kreydlin G.E., 1992. Yazykovoe vzaimodeystvie v dialoge i ponyatie illokutivnogo vyzhdeniya [Linguistic Interaction in Dialogue and the Concept of Illocutionary Compulsion]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 42–49.
- Volf E.M., 1985. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Nauka Publ. 228 p.
- Gorodetskiy B.Yu., Kobozeva I.M., Saburova I.G., 1985. K tipologii kommunikativnykh neudach [Towards a Typology of Communication Failures]. *Dialogovoe vzaimodeystvie i predstavlenie znaniy* [Dialogue Interaction and Knowledge Representation]. Novosibirsk, Sib. otd-nie AN SSSR, pp. 144–146.
- Graire G.P., 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., pp. 217–237.
- Zvegintsev V.A., 1968. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 338 p.
- Zvegintsev V.A., 1973. *Yazyk i lingvisticheskaya teoriya* [Language and Linguistic Theory]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 248 p.
- Ivin A.A., 1970. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of the Logic of Evaluation]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 229 p.

- Gorbanevskiy M.V., ed., 2006. *Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudey, yuristov SMI, advokатов, prokurorov, sledovateley, doznateley i ekspertov* [How to Conduct a Linguistic Expertise of a Disputed Text? Memo for Judges, Media Lawyers, Advocates, Prosecutors, Investigators, Inquirers, and Experts]. Moscow, Yurid. mir Publ. 112 p.
- Mur Dzh.E., 1984. *Printsipy etiki* [Principles of Ethics]. Moscow, Progress Publ. 327 p.
- Nikolayeva T.M., 1978. *Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Text Linguistics. Current State and Prospects]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [New in Foreign Linguistics. Iss. 8. Text Linguistics]. Moscow, Progress Publ., pp. 5-42.
- Nikolayeva T.M., 1990. *Tekst* [Text]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 507.
- Paducheva E.V., 1977. *Ponyatie prezumpitsii v lingvisticheskoy semantike* [Concept of Presupposition in Linguistic Semantics]. *Semiotika i informatika. Vyp. 8* [Semiotics and Computer Science. Iss. 8]. Moscow, VNITI Publ., pp. 91-124.
- Paducheva E.V., 1981. *Prezumpitsii i drugie vidy neeksplicitnoy informatsii* [Presuppositions and Other Types of Non-Explicit Information]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2* [Scientific and Technical Information. Series 2], no. 11, pp. 23-30.
- Paducheva E.V., 1982. *Pragmaticheskie aspekty svyaznosti dialoga* [Pragmatic Aspects of Dialogue Coherence]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literaturny i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Literary and Linguistic Series], vol. 41, no. 4, pp. 305-312.
- Rozanov V.V., 1899. *O simvolistakh i dekadentakh* [About Symbolists and Decadents]. *Religiya i kultura: sb. st.* [Religion and Culture. Collection of Articles]. Saint Petersburg, Izd. P. Pertsova, pp. 128-139.
- Chafe W., 1982. *Dannoe, kontrastivnost, opredelyonnost, podlezhashchee, topiki i tochka zreniya* [Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 227-316.
- Shershenevich V., 1990. *Velikolepnyy ochevidets* [Magnificent Eyewitness]. Shumihin S.V., Yuryev K.S., eds. *Moy vek, moi druzya i podругi: Vospominaniya Mariengofa, Shershenevicha, Gruzina* [My Century, My Friends: Memories of Mariengof, Shershenevich, Gruzinov]. Moscow, Mosk. rabochiy Publ., pp. 456-457.
- Erberg K., 1979. *Vospominaniya* [Memories]. *Ezhegodnik RO Pushkinskogo doma na 1977 g.* [Yearbook of the Pushkin House Regional Society for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 99-146.
- Keenan E.L., 1971. *Two Kinds of Presupposition in Natural Language*. Fillmore Ch.J., Langendoen D.T., eds. *Studies in Linguistic Semantics*. New York, Irvington, pp. 45-54.
- Milroy L., 1984. *Comprehension and Context: Successful Communication and Communicative Breakdown*. *Applied Sociolinguistics*. London, Academic Press, pp. 7-31.
- Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H., 1977. *The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation*. *Language*, Vol. 53, no. 2, pp. 361-382.
- Strawson P.F., 1952. *Introduction to Logical Theory*. London, Routledge. 278 p.
- Van Fraassen B.C., 1968. *Presupposition, Implication and Self-Reference*. *Journal of Philosophy*, vol. 65, no. 5, pp. 136-152.

Information About the Author

Anatoly N. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Experimental Lexicography, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ruslang@ruslang.ru, baranov_anatoly@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>

Информация об авторе

Анатолий Николаевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия, ruslang@ruslang.ru, baranov_anatoly@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.2>

UDC 811.161.1'42:82-1

LBC 81.411.2-5

Submitted: 02.12.2024

Accepted: 31.03.2025

POETIC TEXT ANALYSIS METHODS BASED ON THEORIES OF TEXTUAL ASSOCIATIONS AND REGULATIVITY

Nina S. Bolotnova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Abstract. The development of methodology for semantic interpretation of texts of different types is one of the most pressing problems of modern linguistics. This is due to the need to solve the problems of understanding between people and the effectiveness of communication based on textual activity. Despite the existence of different methods, the identification of the deep meaning of texts of different types requires further study according to the new communicative-and-cognitive scientific paradigm. Poetic texts deserve special attention due to their imagery and aesthetic function. The identification of the superficial and deep meaning of poetic texts is carried out by analyzing their regulative nature and the theory of textual associations developed in communicative stylistics, applying the methods of semantic-and-stylistic and contextual analysis, as well as receptive experiment. The article describes the initial thesis and features of text associations and text regulation theories within communicative-activity approach. The stages of using these theories in the analysis of primary and secondary textual activity are defined, the methodology for studying poetic text, aimed at identifying its aesthetic meaning, is specified. The analysis procedure includes the specification of the regulatory means and structures used by the author, the modelling of the textual associative-and-semantic fields stimulated by them and their interrelationships in the lexical macrostructure of the text, and the definition of the hyperconcept as a result of the reader's interpretative activity. The methodology is shown using poems by F.I. Tyutchev and N.A. Zabolotsky. The experiment resulted in establishing the dependence of the reader's ability to feel the subtext and deep meaning of the poetic text on the ability/inability to perceive the semantic centers actualized in the poem. It is shown that the keywords used in it serve as important milestones in stimulating the reader's associative activity, on the basis of which an idea of the aesthetic content of the text and its theme is formed. The proposed approach to poetic text analysis based on theories of textual associations and regulativity as a systemic quality of the text enables further development of methodology for semantic interpretation of texts of different types.

Key words: methods of analysis, poetic text, communicative stylistics, theory of textual associations, theory of regulation, superficial meaning, deep meaning.

Citation. Bolotnova N.S. Poetic Text Analysis Methods Based on Theories of Textual Associations and Regulativity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 19-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.2>

УДК 811.161.1'42:82-1

ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи: 02.12.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА ОСНОВЕ ТЕОРИЙ ТЕКСТОВЫХ АССОЦИАЦИЙ И РЕГУЛЯТИВНОСТИ

Нина Сергеевна Болотнова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Разработка методологии смысловой интерпретации текстов разных типов относится к наиболее актуальным проблемам современной лингвистики. Это связано с необходимостью решения глобальных проблем понимания между людьми и эффективности общения на основе текстовой деятельности. Несмотря на наличие разных методик, определение глубинного смысла текстов разных типов требует дальней-

шего изучения в русле новой коммуникативно-когнитивной научной парадигмы. Особого внимания заслуживают поэтические тексты в силу их образности и наличия эстетической функции. Выявление поверхностного и глубинного смыслов поэтических текстов осуществляется с применением методики анализа регулятивности и теории текстовых ассоциаций, разработанной в коммуникативной стилистике, методов семантико-стилистического и контекстуального анализа, а также рецептивного эксперимента. В статье описаны исходные положения и особенности теорий текстовых ассоциаций и регулятивности текста при коммуникативно-деятельностном подходе к нему. Установлены этапы применения данных теорий в анализе первичной и вторичной текстовой деятельности, конкретизирована методика изучения поэтического текста, позволяющая изучать его эстетический смысл. Процедура анализа включает конкретизацию регулятивных средств и структур, моделирование стимулированных ими текстовых ассоциативно-смысловых полей и их взаимосвязи в лексической макроструктуре текста, определение гиперконцепта как результата интерпретационной деятельности читателя. Методика иллюстрируется на материале стихотворений Ф.И. Тютчева и Н.А. Заболоцкого. В результате эксперимента установлена зависимость способности читателя чувствовать подтекст и глубинный смысл поэтического текста от умения / неумения воспринимать актуализированные в стихотворении смысловые центры. Показано, что ключевые слова служат важными вехами в стимулировании ассоциативной деятельности читателя, на основе которой и формируется представление об эстетическом содержании текста и его теме. Предложенный подход к анализу поэтического текста на основе теорий текстовых ассоциаций и регулятивности как системного качества текста перспективен для дальнейшей разработки методики смысловой интерпретации текстов разных типов.

Ключевые слова: методика анализа, поэтический текст, коммуникативная стилистика, теория текстовых ассоциаций, теория регулятивности, поверхностный смысл, глубинный смысл.

Цитирование. Болотнова Н. С. Методика анализа поэтического текста на основе теорий текстовых ассоциаций и регулятивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 19–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.2>

Введение

Сегодня коммуникативно-деятельностный подход к тексту как форме коммуникации является определяющим для исследования текстов разных типов. Очевидна необходимость формирования и развития текстовой компетенции современной языковой личности и ее общей и речевой культуры, позволяющей приобщаться к текстовой информации, определять поверхностный и глубинный смыслы текста. Несмотря на то, что существуют разные методики смыслового анализа текста [Журкова, 2019; Мякшева, 2023; Пигаркина, 2022; и др.], данная проблема требует дальнейшего внимания исследователей.

Коммуникативная стилистика текста, развивающаяся в Томском государственном педагогическом университете, включает разработку теоретических и прикладных аспектов изучения текстовой деятельности в разных сферах общения [Болотнова, 2021; Болотнова, Болотнов, Карпенко, 2024].

Теоретическая база коммуникативной стилистики текста, опирающаяся на достижения смежных областей знания (психолингвистики, лингвистической прагматики, филологи-

ческой герменевтики), развивается в трех направлениях, связанных с теориями текстовых ассоциаций, регулятивности и смыслового развёртывания текста. В зависимости от вида текстовой деятельности процедуры, основанные на данных теориях, используются по-разному. Для первичной текстовой деятельности (создание текста) значима теория текстовых ассоциаций, связанная с актуализацией ассоциативной деятельности автора на начальном этапе порождения текста. Для вторичной текстовой деятельности (восприятия, интерпретации, понимания текста) важна теория регулятивности, отражающая процесс «управления» познавательной деятельностью адресата имеющимися в тексте средствами.

Целью данной статьи является описание методики анализа поэтического текста с опорой на теоретическую базу коммуникативной стилистики как одного из современных направлений в изучении текстов разных типов.

Материал и методы

В соответствии с заявленной темой остановимся на роли теории текстовых ассоциаций в приобщении читателя (слушателя) к

заклученной в поэтическом тексте информации. Она может быть содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной, подтекстовой [Гальперин, 1981].

Учитывая специфику рассматриваемого нами типа текстов, отметим, что в центре нашего внимания находится особый тип информации – эстетическая информация, способная вызвать лирическую эмоцию у читателя. Еще Б.А. Ларин, характеризуя своеобразие поэтического текста, отмечал в нем «комбинаторные приращения» смысла, «семантическую осложненность» лирики, ее «смысловую многорядность» [Ларин, 1974], особенно велика здесь роль лексических средств и ассоциативных связей слов, которые определяют их коммуникативный потенциал. Он трактуется как «закрепленная в сознании носителей языка благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления потенциальная способность слов прямо или косвенно соотноситься с определенными ситуациями общения, передавая “квант” знания о явлениях реального мира или сознания и определенный прагматический заряд (он может быть и нулевым)» [Болотнова, 2021, с. 67].

Для анализа смыслового развертывания текстов разных типов (с учетом особой роли ассоциативной деятельности в процессе общения) в коммуникативной стилистике была разработана теория текстовых ассоциаций. Она включает «изучение лингвистической обусловленности текстовых ассоциаций, исследование их типологии, анализ своеобразия ассоциативных полей различных слов и текстов разных типов, моделирование ассоциативного развертывания художественного текста в аспекте первичной и вторичной коммуникативной деятельности, анализ роли ассоциаций в смысловой интерпретации текста и т. д.» [Болотнова, 2021, с. 282–283].

За исходные в теории текстовых ассоциаций были взяты следующие положения:

1) при создании текста исключительно важная роль принадлежит ассоциативной деятельности человека, которая активизирует его языковые способности к порождению текста [Караулов, 1987; 1993];

2) особенно важную роль в коммуникации, которая происходит на основе создания и восприятия текстов, выполняют лексические

средства, согласно мнению психологов [Выготский, 1996; Зимняя, 1985; Леонтьев, 1974], лингвистов и литературоведов [Бахтин, 1995; Виноградов, 1972; Ларин, 1974; Лотман, 1996];

3) ассоциативные связи слова определяют его потенциал и участие в коммуникации [Болотнова, 2021, с. 67–70], формируют «предречевую готовность» человека, по мнению Ю.Н. Караулова [2002, с. 751], создают базу для порождения текста, отражая «синтаксический потенциал» слова [Караулов, 2002, с. 770] и выполняя текстообразующие функции [Степанова, 2006].

Теория текстовых ассоциаций включает, наряду с общепринятыми в психолингвистике понятиями (*ассоциация*, *ассоциативное поле слова*), разработанный в коммуникативной стилистике понятийно-терминологический аппарат: *ассоциат*, *ассоциативное поле текста*, *ассоциативная структура текста*, *ассоциативные переключки*, *ассоциативные параллели* и т. д. [Болотнова, 2021]. При этом особый акцент делается на понятии *лексическая структура текста*, которая определяется как «коммуникативно ориентированная на адресата, концептуально обусловленная ассоциативно-семантическая сеть, отражающая различные связи и отношения словных и неоднословных единиц лексического уровня» [Болотнова, 2021, с. 87].

Необходимо различать использование данной теории и анализ лексической структуры текста с точки зрения первичной и вторичной текстовой деятельности личности. В процессе создания текста у автора активизируются ассоциативные связи ключевых слов, актуальных с учетом заявленной им темы речевого сообщения. Взаимосвязь между ключевыми словами в рамках общей лексической структуры текста определяет его смысловое развертывание.

В процессе вторичной текстовой деятельности – смыслообразовании – актуальна опора на теорию регулятивности текста, включая использованные автором *регулятивные средства*, *регулятивные структуры*, *доминанты* и *способы регулятивности*, *регулятивные стратегии текстового развертывания* [Болотнова, 2021]. В разработке теории регулятивности [Болотнова, 1998; Болотнова и др., 2011; и др.], мы опирались на концепцию Е.В. Сидорова, который выделил свя-

занные между собой системные качества текста как формы коммуникации: информативность, регулятивность, структурность, интегративность [Сидоров, 1987]. Под регулятивностью, вслед за исследователем, нами понимается системное качество текста, отражающее его способность «управлять» интерпретационной деятельностью адресата в соответствии с интенцией автора. В качестве иллюстративного материала использованы стихотворения Ф.И. Тютчева и Н.А. Заболоцкого. Анализ интерпретационной деятельности проведен на основе данных рецептивного эксперимента, проведенного нами со студентами-филологами Томского государственного педагогического университета.

Результаты и обсуждение

Текст как форма коммуникации, рассчитанный на восприятие и понимание адресатом, содержит различные информативные сигналы (регулятивные средства разных уровней и регулятивные структуры, отражающие взаимосвязь данных средств с учетом творческого замысла автора, использующего особую регулятивную стратегию текстового развертывания). Регулятивность текста имеет системный характер, стимулирует сотворчество адресата, его адекватное восприятие и интерпретацию. В поэтических текстах в силу их образности она имеет нежесткий, ассоциативно-образный характер. При их восприятии и интерпретации важно быть вдумчивыми читателями, способными воспринимать различные языковые и неязыковые сигналы автора адекватно, «под лингвистическим микроскопом» (выражение Н.М. Шанского).

Последующее приобщение к смысловому развертыванию текста происходит за счет активизации ассоциативной деятельности адресата. На основе теорий текстовых ассоциаций и регулятивности можно определить следующие этапы в методике анализа поэтического текста:

1) рассмотрение имеющихся в тексте регулятивных средств и структур как стимулов, определяющих ассоциативную деятельность адресата, и выявление ключевых, намеренно актуализированных автором, а значит, концептуально значимых и определяющих «точки контакта» автора с адресатом;

2) изучение актуализованных в лексической структуре текста ассоциативных связей данных регулятивных средств на уровне эксплицитных текстовых ассоциатов, иногда совпадающих с типовыми ассоциациями по данным ассоциативных словарей, иногда имплицитных, которые не вербализованы в тексте, но «достраиваются» в сознании адресата благодаря имеющимся в тексте опорным словам или словам-актуализаторам данных ассоциатов;

3) формирование различных объединений текстовых ассоциатов «по горизонтали» (на уровне текстовой синтагматики) и «по вертикали» (на уровне текстовой парадигматики) на основе их связи по актуальному для текста смыслу, а также общности (формальной, семантической, формально-семантической) и типовой сочетаемости;

4) выявление ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов в рамках лексической структуры текста и их взаимосвязи на основе текстовых парадигм разных типов (формальных, смысловых, формально-смысловых);

5) формирование представлений об общей системе концептов, вербализованных в тексте, отражающих концептуальную картину мира автора текста и его творческий замысел;

6) определение гиперконцепта, фокусирующего обобщенный смысл текста как результат познавательной деятельности адресата.

Рассмотрим в качестве примера посвященное Елене Денисьевой стихотворение Ф.И. Тютчева 1852 г. «Последняя любовь» (Тютчев, 1986, с. 196):

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пусть скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О, ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

В этом поэтическом тексте имеются призванные активизировать ассоциативную деятельность читателя различные регулятивные средства и структуры на уровне отдельных элементов текста, стилистических приемов и типов выдвижения. Автор использует широкий арсенал данных средств и структур, к которым относятся:

– обращения, повторы, синтаксический параллелизм (*Сияй, сияй, прощальный свет / Любви последней, зари вечерней!; Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье; О, ты, последняя любовь!*);

– эпитеты (*прощальный, вечерняя, последняя*);

– метафоры (*на склоне лет, бродит сиянье, скудеет кровь, не скудеет нежность*);

– сравнение (*Любви последней, зари вечерней*);

– антитеза (*Полнеба обхватила тень, / Лишь там, на западе, бродит сиянье; Пускай скудеет в жилах кровь, / Но в сердце не скудеет нежность...; Ты и блаженство, и безнадежность*);

– аллегория, эстетически отражающая последний этап в жизни, которая идет к закату, освещенному светом любви (*Полнеба обхватила тень, / Лишь там, на западе, бродит сиянье*).

Регулятивной доминантой в тексте является повтор. С учетом выделенных нами ранее типов [Болотнова, 2021, с. 286–291] лексическую структуру данного поэтического текста можно определить, во-первых, как *структуру дедуктивного типа*, так как ключевая для понимания идейно-художественного смысла микроструктура находится в заключительных строчках. Во-вторых, как *структуру усиительно-конвергентного типа*, так как весь комплекс различных средств регулятивности подчинен ключевой идее – воспеванию последней любви. В-третьих, как *структуру контрастивного эксплицитного типа*, связанную с ключевым концептом «последняя любовь» и его непосредственной актуализацией в процессе смыслового развертывания текста на основе противопоставления текстовых смысловых парадигм, которые стимулированы ключевыми лексемами «последняя» и «любовь» в названии стихотворения.

Содержание ключевого концепта «последняя любовь» и его текстовое ассоциативно-смысловое поле отражаются в сознании читателя на основе текстовой парадигматики и синтагматики в процессе смыслового развертывания текста и восприятия общей лексической структуры текста.

В стихотворении «Последняя любовь» содержание ключевого концепта формируется благодаря эстетической актуализации текстовых ассоциатов, которые стимулированы ключевыми лексемами в названии. Как было отмечено нами ранее, «в лингвистическом аспекте применительно к текстовым словам-стимулам правомерно рассматривать ассоциации как актуализируемую в сознании читателя связь между элементами лексической структуры текста и соотнесенными с ними явлениями действительности или сознания, а также миром других слов. В текстовом преломлении, таким образом, ассоциация отражает связь между словом-стимулом и ассоциатом. Ассоциат определяется как смысловой коррелят к стимулу, соотнесенный в сознании воспринимающего текст субъекта с реалией художественного мира или сознания» [Болотнова, 2021, с. 259].

С лексемой *последняя* в названии стихотворения соотносятся ассоциаты, образующие смысловую текстовую парадигму: *на склоне лет, суеверней, нежней, прощальный свет, тень, вечерний день, скудеет кровь, последняя любовь, безнадежность*. Другая ключевая лексема в названии произведения – *любовь* – включает ассоциаты: *нежней, сияй (2), свет, очарованье, нежность, блаженство*. На основе данных смысловых текстовых парадигм формируется ассоциативно-смысловое поле концепта «последняя любовь».

Еще одним ключевым концептом в произведении является концепт «время», который репрезентируется текстовыми ассоциатами: *последняя (2), на склоне лет, прощальный свет, вечерний день, помедли (2), продлись (2)*. Благодаря им в сознании читателя формируется представление о содержании концепта, которое отражает объективность, неумолимость времени, вопреки желанию лирического героя его остановить.

Взаимосвязь данных текстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов стимулирует представление о гиперконцепте

текста, его общем эстетическом смысле, являющемся результатом познавательной деятельности читателя. Автор выразил его в ключительных строчках стихотворения, воспевающих последнюю любовь, которая, вопреки неумолимому ходу времени, освещает жизнь человека.

Рассмотрим еще один аспект интерпретационной деятельности при восприятии текста. Для художественных произведений особенно актуальны понятия поверхностного и глубинного смысла. Под *смыслом текста* нами понимается «субъективное отражение содержательного плана текста в сознании адресата на основе его информационного тезауруса и ценностных ориентиров» [Болотнова, 2021, с. 189]. Поверхностный смысл текста связан с отражением в сознании читателя содержательно-фактуальной информации, которая формируется на основе восприятия тематического и сюжетного уровней текста. Глубинный смысл отражает восприятие не только содержательно-фактуальной информации, но и содержательно-концептуальной и подтекстовой (термины И.Р. Гальперина). Глубинный смысл формируется на основе осмысления читателем всех уровней общей системы текста. Обратимся к конкретному примеру.

В небольшом стихотворении Н.А. Заболоцкого 1930 г. «Осеннее утро» (Заболоцкий, 1989, с. 252) из цикла «Осенние пейзажи» актуализируется не только поверхностный, но и глубинный смысл:

Обрываются речи влюбленных,
Улетает последний скворец.
Целый день осыпаются с кленов
Силуэты багровых сердец.
Что ты, осень, наделала с нами!
В красном золоте стынет земля.
Пламя скорби свистит под ногами,
Ворохами листвы шевеля.

Поверхностный смысл стихотворения можно определить как описание осеннего пейзажа. На это указывают использованные автором регулятивные средства: не только оба названия – стихотворения и цикла, но и прямое обращение к осени (*Что ты, осень, наделала с нами!*). Тему осени актуализируют в сознании читателя и регулятивные структуры на уровне текстовой парадигматики и син-

тагматики: *улетает последний скворец, ворох листвы, силуэты багровых сердец* (используется образная номинация кленовых листьев), *в красном золоте стынет земля* (называние метафор).

Глубинный смысл стихотворения связан с художественно-образной конкретизацией эмоционального состояния лирического героя, созвучного грустному осеннему пейзажу.

Подтекстовый смысл об утрате любви у лирического героя возникает в сознании читателя на основе ярких изобразительно-выразительных регулятивных средств. Прежде всего это метафоры *обрываются речи влюбленных, пламя скорби* и образная перифраза *силуэты багровых сердец*.

При восприятии стихотворения в интерпретационной деятельности читателя важны не только синтаксические средства регулятивности, например, использование восклицательного предложения с обращением: *Что ты, осень, наделала с нами!* Автор стимулирует ассоциации адресата и благодаря глагольной лексике, акцентируя внимание на семантике *завершения, потери, расставания* у глаголов *обрываются, улетает, осыпаются*.

Таким образом, судя по средствам эстетической актуализации, использованным автором, в процессе восприятия стихотворения возникает смысловая многоплановость поэтического текста, связанная с приемом психологического параллелизма описания осени и душевного состояния лирического героя Н.А. Заболоцкого.

В процессе интерпретационной деятельности приобщение к поверхностному и глубинному смыслу текста зависит как от особенностей самого текста, так и от языковой способности, тезауруса и общей и языковой культуры читателя. Это наглядно показал проведенный нами рецептивный эксперимент на восприятие поэтического текста «Осеннее утро» Н.А. Заболоцкого. В эксперименте приняли добровольное участие 55 информантов – студентов-филологов 1-го и 2-го курсов Томского педагогического университета. Эксперимент проводился в форме опроса, участникам были разъяснены его цель и задачи. Результаты обрабатывались вручную.

По итогам эксперимента 18 человек (32,7 % от общего числа) на вопрос «О чем

этот текст (какова его тема)?» указали тему осени, то есть усвоили только поверхностный смысл стихотворения. Об этом можно судить по ответам: *осень* (8), *начало осени* (3), *пришла осень, летняя пора миновала, наступила осень, переходный период года, поздняя осень, уход осени, наступление зимы; осеннее изменение мира, осенняя пора* (1).

Подтекстовая информация и глубинный смысл текста были восприняты 37 информантами (67,3 %). При этом в ряде ответов были представлены одновременно темы осени и уходящей любви: *конец осени, завершение любви; несчастная любовь, осень; осень, любовь; осень, угасание чувств; увядание природы и чувств; осень и человеческие чувства* (по 1 ответу).

Некоторые из полученных в эксперименте ответов имели философский смысл: *быстротечность жизни; начало конца*. Была актуализирована и эмоциональная тональность текста: *осень олицетворяет разлуку* (1), *скорбь* (2 ответа).

Тема любви и ее ухода отмечена в ответах: *расставание* (7 ответов); *расставание влюбленных* (6), *ушедшая любовь* (6), *любовь* (4); *угасающая любовь* (2), *угасание любовных чувств* (1), *завершение любовных отношений* (1).

Общий эстетический (идейно-художественный) смысл стихотворения определен адекватно тексту подавляющим числом информантов (всего участвовало 52 человека, 3 информанта не представили ответы), хотя и с разными смысловыми акцентами, что подтверждает наличие элемента субъективности в восприятии и интерпретации текста, особенно поэтического, для которого характерны эстетическая информация и образность.

Среди ответов, отражающих связь с глубинным смыслом текста (они составили 67,3 % от общего числа), были представлены: *любовь переменчива, как и времена года; со временем все угасает: чувства, жизнь, остается только скорбь; все в жизни не вечно, любовь увядает, как листья осенью; любви свойственно увядание, как и природе; через осенний пейзаж показана горечь потери; любовь может исчезнуть, как жизнь осенью; любовь умирает осенью, как и природа; увядание при-*

роды и чувств героя; все имеет свой конец – цветения и чувства тоже; земля и чувства стынут и др.

Судя по некоторым ответам на вопрос «Что хотел сказать автор (какова идея стихотворения)?», то есть при определении идеи произведения, у данных информантов возникла корреляция только с поверхностным смыслом текста. Эти ответы составили 13,5 % от общего числа: *автор хотел отразить, какие чувства появляются у людей с приходом осени* (2); *передать осеннее настроение, что происходит с землей в данный момент; показать осеннюю пору; автор не хочет прощаться с таким замечательным временем года, как осень; происходит смена месяца, герою грустно от холода; сравнить осеннюю пору с временной смертью*.

В ряде ответов, имеющих общий характер, не была актуализирована тема любви (19,2 %): *показать взаимосвязь смены цикла (осени) и человека* (2); *показать связь человека и природы* (2); *передать, как ощущается наступление осени, как она влияет; надо пережить грустные эмоции; показать, что с наступлением осени происходит расставание с тем, что было ранее; с приходом осени происходит угасание жизни; показать душевные терзания, которые может вызывать осень; с приходом осени все исчезает, погибает* (1).

Наряду с определением темы и идеи произведения, участникам эксперимента было предложено подчеркнуть ключевые, по их мнению, слова в данном поэтическом тексте. Полученные результаты позволяют утверждать, что существует четкая корреляция между выделенными информантами ключевыми словами и отмеченными ими темой и идеей стихотворения. Приведем несколько примеров.

Ключевые слова, отмеченные одним из участников эксперимента: *обрываются речи влюбленных, последний скворец, силуэты багровых сердец, пламя скорби*. Тема – *любовь*; идея – *увядание былых чувств, завершение романтических отношений, печаль и неизбежность*.

Сравним выделенные другим информантом в ответе ключевые слова: *улетает скворец, осень, стынет земля, пламя скорби, ворохами листвы*. Тема – *осень, пришла*

осень; идея – с приходом осени все исчезает, погибает, увядает.

Ключевые слова, отмеченные третьим участником эксперимента: *влюбленных, багровых сердец, стынет земля, пламя скорби.* Тема – *несчастливая любовь, осень; идея – расставание влюбленных осенью.*

Судя по приведенным выше примерам ответов и многим другим, способность чувствовать подтекст и глубинный смысл, таким образом, зависит от умения / неумения воспринимать художественные детали, актуализованные в тексте, определять его смысловые центры. Ключевые слова служат важными вехами в стимулировании ассоциативной деятельности читателя, на основе которой и формируется представление об эстетическом содержании текста и его теме.

Таким образом, проведенный нами эксперимент подтвердил возможность разных прочтений одного и того же текста с акцентом на его поверхностном или глубинном смыслах и зависимость смысловой интерпретации поэтического текста от его специфики, а также от общей культуры читателей и их языковой способности.

Заключение

Коммуникативно-деятельностный подход к поэтическому тексту, основанный на методике анализа регулятивности как системного качества текста и теории текстовых ассоциаций, позволил выявить различные средства и способы организации диалога с читателем в рассмотренных стихотворениях.

Регулятивные средства и структуры, актуализирующие в поэтическом тексте эстетические сигналы автора, важные для «точек контакта» с читателем, стимулируют его ассоциативную деятельность. На основе ассоциативных связей ключевых элементов лексической структуры формируются ассоциативно-смысловые поля актуальных для текста концептов. Осмысляя их взаимосвязь в процессе интерпретационной деятельности, читатель формирует представление об общем эстетическом смысле текста.

Для постижения не только поверхностного, но и глубинного смысла текста и приобщения к творческому замыслу автора необ-

ходимы развитая языковая способность адресата, его общая и речевая культура и информационный тезаурус. Несмотря на то что интерпретационная деятельность читателя в определенной степени субъективна, имеющиеся в тексте регулятивные сигналы эстетической информации позволяют адекватно понять творческий замысел автора.

Таким образом, использование теорий текстовых ассоциаций и регулятивности текста позволяет исследовать его смысловое развертывание и понимать его общий смысл с опорой на имеющиеся в тексте эстетические сигналы, нацеленные на диалог с адресатом и «сотворчество» с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1995. Человек в мире слова. М. : Изд-во Рос. открытого ун-та. 140 с.
- Болотнова Н. С., 1998. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*. Вып. 7. С. 179–189.
- Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Бакланова Е. А. и др., 2011. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллектив. моногр. / под ред. Н. С. Болотновой. Томск : Изд-во ТГПУ. 492 с.
- Болотнова Н. С., 2021. Коммуникативная стилистика текста : слов.-тезаурус. М. : Флинта. 384 с.
- Болотнова Н. С., Болотнов А. В., Карпенко С. М., 2024. Коммуникативная стилистика текста : биобиблиограф. указ. по науч. направлению. Томск : Изд-во ТГПУ. 316 с.
- Виноградов В. В., 1972. Русский язык : Грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк. 614 с.
- Выготский Л. С., 1996. Мышление и речь: психологические исследования. М. : Лабиринт. 416 с.
- Гальперин И. Р., 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука. 138 с.
- Журкова М. С., 2019. Смысловое моделирование художественного текста (на примере романов-антиутопий) // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 56–62. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10108
- Зимняя И. А., 1985. Вербальное мышление (психологический аспект) // *Исследование речевого мышления в психолингвистике* / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М. : Наука. С. 72–85.
- Караулов Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 263 с.
- Караулов Ю. Н., 1993. Ассоциативная грамматика русского языка. М. : Рус. яз. 330 с.

- Караулов Ю. Н., 2002. Послесловие. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. М. : АСТ-Астрель. С. 750–782.
- Ларин Б. А., 1974. Эстетика слова и язык писателя. Л. : Худож. лит. 285 с.
- Леонтьев А. А., 1974. Основы теории речевой деятельности. М. : Наука. 367 с.
- Лотман Ю. М., 1996. О поэтах и поэзии : Анализ поэтического текста. СПб. : Искусство-СПб. 848 с.
- Мякшева О. В., 2023. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 3. С. 704–717. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718
- Пигаркина Е. А., 2022. Смысл, значение текста и представление о нем // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. № 47. С. 205–209.
- Сидоров Е. В., 1987. Проблемы речевой системности. М. : Наука. 140 с.
- Степанова В. В., 2006. Слово в тексте : Из лекций по функциональной лексикологии. СПб. : Наука : САГА. 272 с.

ИСТОЧНИКИ

- Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы : стихотворения / сост. и вступ. ст. Н. Н. Заболоцкого. М. : Худож. лит., 1989. 352 с.
- Тютчев Ф. И. Последняя любовь // Тютчев Ф. И. Стихотворения / сост. Л. Озерова. М. : Худож. лит., 1986. С. 196.

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1995. *Chelovek v mire slova* [Man in the World of Words]. Moscow, Izd-vo Ros. otkrytogo un-ta. 140 p.
- Bolotnova N.S., 1998. O teorii regul'yativnosti khudozhestvennogo teksta [On the Theory of Regulatory Activity of the Fiction Text]. *Stylistika*, iss. 7, pp. 179-189.
- Bolotnova N.S., Babenko I.I., Baklanova Ye.A. et al., 2011. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost v tekstovoy deyatel'nosti: kollektiv. monogr.* [Communicative Stylistics of the Text: Lexical Regulation in Text Activity. Collective Monograph]. Tomsk, Izd-vo TGPU. 492 p.

- Bolotnova N.S., 2021. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slov.-tezaurus* [Communicative Stylistics of Text. Thesaurus]. Moscow, Flinta Publ. 384 p.
- Bolotnova N.S., Bolotnov A.V., Karpenko S.M., 2024. *Kommunikativnaya stilistika teksta: biobibliogr. ukaz. po nauch.napravleniyu* [Communicative Stylistics of the Text. Bio-Bibliographic Index in the Scientific Direction]. Tomsk, Izd-vo TGPU. 316 p.
- Vinogradov V.V., 1972. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language: Grammatical Teaching About the Word]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 614 p.
- Vygotskiy L.S., 1981. *Myshleniye i rech: psikhologicheskoye issledovaniye* [Thinking and Speech: Psychological Studies]. Moscow, Labyrint Publ. 416 p.
- Galperin I.R., 1981. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ. 138 p.
- Zhurkova M.S., 2019. Smyslovoye modelirovaniye khudozhestvennogo teksta (na primere romanov-antiutopiy) [Meaning Modeling of a Literary Text (On the Material of Dystopia Novels)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 1 (423), Philological Sciences, iss. 115, pp. 56-62. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10108
- Zimnyaya I.A., 1985. Verbalnoye myshleniye (psikhologicheskoy aspekt) [Verbal Thinking (Psychological Aspect)]. Tarasov E.F., ed. *Issledovaniye rechevogo myshleniya v psikholingvistike* [Study of Speech Thinking in Psycholinguistics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 72-85.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ. 263 p.
- Karaulov Yu.N., 1993. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ. 330 p.
- Karaulov Yu.N., 2002. Poslesloviye. Russkiy assotsiativnyy slovar kak novyy lingvisticheskoy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [Afterword. Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source and Tool for Analyzing Language Ability]. Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V. et al. *Russkiy assotsiativnyy slovar. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii* [Russian Associative Dictionary. In 2 Vols. Vol. 1. From Stimulus to Reaction]. Moscow, AST-Astrel Publ., pp. 750-782.
- Larin B.A., 1972. *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the Word and the Language of the Writer]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ. 285 p.

- Leontyev A.A., 1974. *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the Theory of Speech Activity]. Moscow, Nauka Publ. 367 p.
- Lotman Yu.M., 1996. *O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta* [About Poets and Poetry: Analysis of Poetic Text]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb Publ. 848 p.
- Myakshcheva O.V., 2023. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta kak klyuch k yego osmysleniyu: kognitivno-diskursivnyy aspekt [Linguistic Analysis of a Literary Text as a Key to Its Comprehension: Cognitive and Discursive Aspect]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], no. 3, pp. 704-717. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718
- Pigarkina Ye.A., 2022. Smysl, znachenie teksta i predstavleniye o nem [Sense and Meaning of a Text, and Its Representation]. *Inostrannyye*

yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty, no. 47, pp. 205-209.

- Sidorov Ye.V., 1987. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of Speech Systemicity]. Moscow, Nauka Publ. 140 p.

- Stepanova V.V., 2006. *Slovo v tekste: Iz lektsiy po funktsionalnoy leksikologii* [Word in Text. From Lectures on Functional Lexicology]. Saint Petersburg, SAGA Publ. 272 p.

SOURCES

- Zabolotskiy N.A. *Stolbtsy i poemyy: stikhotvoreniya* [Columns and Poems]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1989. 352 p.
- Tyutchev F.I. *Poslednyaya lyubov* [Last Love]. Tyutchev F.I. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, p. 196.

Information About the Author

Nina S. Bolotnova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, nsb@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>

Информация об авторе

Нина Сергеевна Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия, nsb@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.3>

UDC 81'42:32

LBC 81.055.1

Submitted: 29.11.2024

Accepted: 31.03.2025

INTERPERSONALITY AND RHETORICAL FUNCTIONS OF IDEOLOGEMES IN POLITICAL BLOG TEXT

Petr K. Ivanov

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Olga V. Zaytseva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the rhetorical analysis of ideologically marked speech units in the political blog texts. It aims to study their actualization as markers of interpersonality. Based on reviewing the theoretical information about ideologemes as a key unit of political language, the methodology of researching blog publications within the framework of textual content hierarchy is developed and applied. As a result, the most frequent ideologemes in the Telegram channels of contemporary Russian politicians, as well as the distribution patterns of ideologemes in the text are determined. It is proved that ideologemes are more often used in strong textual positions, which in the case of Telegram channels include the title (if any), the opening and closing paragraphs of the publication. The key functions of ideologemes when actualizing them in strong text compositions were revealed, showing their interpersonal nature: axiologically significant representation of the main theme of the publication (in the initial text position) and increasing the influential potential of prognostic, commissive and slogan components of the publication (in the final text position). It is established that ideologemes are used as one of the key means of suggestion in political texts. The methodology of identifying dominant ideologemes based on the distribution of ideologically labeled units in strong text positions is proposed and tested. The hypothesis that ideologeme signs are key elements of political discourse at the level of textual construction is confirmed.

Key words: political language, political communication, blog, interpersonality, strong text positions, suggestion, ideologeme.

Citation. Ivanov P.K., Katyshev P.A., Zaytseva O.V. Interpersonality and Rhetorical Functions of Ideologemes in Political Blog Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 29-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.3>

УДК 81'42:32

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 29.11.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОСТЬ И РИТОРИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИДЕОЛОГЕМ В ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЛОГА

Петр Константинович Иванов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Павел Алексеевич Катышев

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Ольга Валерьевна Зайцева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена риторическому анализу идеологически маркированных речевых единиц в текстах политического блога, направленному на исследование их актуализации в качестве маркеров интерперсональности. С учетом теоретических сведений об идеологеме как ключевой единице политического языка разработана и применена методология исследования блог-публикаций с точки зрения концепции содержательной иерархии текста. Установлены наиболее частотные идеологемы в Telegram-каналах, которые ведутся от лица современных российских политиков (М.В. Захаровой и Д.А. Медведева), а также закономерности распределения идеологем в тексте. Выделены ключевые функции идеологем в сильных текстопозициях, проявляющие их интерперсональную природу: аксиологически значимое представление основной темы публикации (в начальной текстопозиции) и повышение воздействующего потенциала прогностических, комиссивных и лозунговых составляющих публикации (в завершающей текстопозиции). Показано, что идеологемы используются как одно из ключевых средств внушения в политических текстах. Предложена и апробирована методика выявления доминантных идеологем, основывающаяся на распределении идеологически маркированных единиц по сильным текстовым позициям. Подтверждена гипотеза о том, что знаки-идеологемы – ключевые элементы политического дискурса на уровне текстопостроения. *Вклад авторов.* П.К. Ивановым и П.А. Катышевым предложена методологическая концепция исследования. Отбор эмпирического материала, его обработка осуществлены П.К. Ивановым и О.В. Зайцевой. Интерпретация результатов исследования проведена авторами совместно.

Ключевые слова: политический язык, политическая коммуникация, блог, интерперсональность, сильные позиции текста, внушение, идеологема.

Цитирование. Иванов П. К., Катышев П. А., Зайцева О. В. Интерперсональность и риторические функции идеологем в тексте политического блога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 29–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.3>

Введение

В антропоцентрической лингвистике язык и речь рассматриваются в разных функциях, в том числе и как инструменты воздействия и реализации власти. Значительный опыт осмысления социальных функций языка накоплен в теории речевых актов [Блакар, 1987], теории дискурса, в частности критического дискурс-анализа [Дейк, 2013], теории речевого воздействия – от античной традиции до неориторики [Шелестюк, 2014]. Следует отметить, что в силу междисциплинарности таких исследований, обусловленной многомерностью самого их объекта, о наличии системной методологии антропоцентрической лингвистики говорить рано, как, впрочем, и о существовании тех или иных окончательных выводов о том, каким именно образом осуществляется воздействие, опосредованное языком. Так, имеющиеся классификации способов (методов) и приемов воздействия, при общей перспективности теории воздействия как интегральной методологии лингвопрагматики, весьма разнообразны и часто имеют между собой мало общего (ср. классификации И.А. Стернина и Е.В. Шелестюк: [Стернин, 2012; Шелестюк, 2016]), а описываемые в них семиотические механизмы зачастую от-

сылают к различным этапам семиозиса – от процессов отбора, не получающих выражения в речи, до использования суперсегментных фонетических средств, оформляющих высказывание на этапе его реализации в речи (см., например: [Шелестюк, 2014]).

В связи с этим открытым остается и вопрос о сущностных и функциональных свойствах языковых единиц, способствующих формированию их воздействующего потенциала. Тот факт, что любая коммуникация может рассматриваться как процесс воздействия на сознание реципиента, не исключает наличия в языковой системе единиц, в большей степени подходящих для изменения картины мира собеседника, часто даже специализирующихся на выполнении этой функции, чем, по-видимому, обусловлено использование в современной научной литературе термина «воздействующие типы дискурса» (см., например: [Новосад, Юрина, 2024]), а также исключение информирования из многих классификаций способов (методов) воздействия (см., например: [Шелестюк, 2014]; принципиально другой подход, рассматривающий информирование как один из способов воздействия [Леонтьев, 2008, с. 159–161]). Именно на этом представлении, в частности, строится классический вариант теории функциональных стилей, в контексте

которой различаются по доминирующей функции (сообщение, воздействие и общение), с одной стороны, научный и официально-деловой стиль, с другой – публицистика и художественная литература, с третьей же – разговорная речь [Виноградов, 1963, с. 56]. В качестве языковых (речевых) признаков того или иного стиля прежде всего представляются «внешние» его признаки, то есть определенные языковые средства (например, лексические: термины, метафорические и образные выражения, оценочная или бытовая лексика), несмотря на принципиальную допустимость употребления иных, «чужих» для данного дискурса средств, как с актуализацией интердискусивности, так и без нее. Ключевому же дифференциальному параметру – собственно функциональному (целевому) – в научной и учебной литературе часто уделяется меньше внимания.

Политический дискурс, являясь одним из типичных «воздействующих» типов дискурса (если принимать этот термин), содержит свой набор внутренних (функциональных) и внешних (языковых) признаков. К числу последних можно отнести использование идеологем – особого рода языковых и ментальных единиц, с точки зрения семасиологии содержащих в своем значении идеологический компонент [Чудинов, 2012, с. 92], а с позиций когнитивной науки – представляющих собой единицы идеологической картины мира [Малышева, 2009, с. 34].

Описанию этой единицы политического языка, определению ее системных свойств и риторическому анализу употребления и посвящена настоящая работа.

Изучение идеологемы как специфической единицы политического дискурса ведется в отечественной лингвистике (и прежде всего в ней) с 1990-х годов. Доминирующими в современной науке можно признать два основных подхода к ее описанию: лингвосемиотический [Чудинов, 2012; Купина, 1995; Гусейнов, 2003; Журавлев, 2004] и лингвокогнитивный [Малышева, 2009; Нахимова, 2011а; 2011б; Безродная, 2013].

Согласно первому подходу, идеологема представляет собой прагматически маркированную единицу, актуальное значение которой, во-первых, включает идеологический компо-

нент, во-вторых, реализуется по-разному в зависимости от идеологической приверженности говорящего и особенностей конситуации [Иванов, Катышев, 2022, с. 50–51]. Подчеркивается также, что идеологемы существуют на границе языкового и неязыкового знания, вследствие чего актуализуются при соотношении концептосферы языка с аксиосферой общественного сознания; под аксиосферой при этом понимается «свойственная данной эпохе система концептуальных приоритетов и ценностей» [Журавлев, 2004, с. 78–79].

В соответствии со вторым, лингвокогнитивным подходом идеологема рассматривается как «ментальная единица» [Нахимова, 2011а, с. 153] или «универсалия мыслительная, когнитивная, единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе языковыми единицами различных уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева, 2009, с. 34]. Различая когнитивную и языковую стороны идеологической единицы, Е.Г. Малышева ссылается на А.А. Мирошниченко, еще в 1990-е гг. предложившего для их описания термины *лингвема* и *идеологема* – «праксема языка» и «праксема сознания», в результате соотношения которых формируется «лингво-идеологема». При этом, как указывает А.А. Мирошниченко, «идеологема является концептом, а лингвема – индикатором лингво-идеологемы» [Мирошниченко, 1995, с. 7] (ср. представление о концепте и его имени в ряде исследовательских моделей современной концептологии [Фрумкина, 1995, с. 90]). Важным для лингвокогнитивного описания идеологем является то, что прагматика данных единиц и их языковых репрезентаций отличается большей конвенциональностью в сравнении с неидеологизированными концептами [Безродная, 2013, с. 144], что объясняет устойчивость и воспроизводимость подобных знаков и сближает их с прецедентными феноменами.

Вопрос о соотношении идеологем и прецедентных феноменов заслуживает особого рассмотрения. Как указывают ученые, придерживающиеся лингвокогнитивного и когнитивно-дискурсивного подходов к исследованию языка, в ряде случаев идеологемы приобретают все признаки прецедентных фено-

менов. Именно такой вывод делает, например, С.М. Карпенко в отношении идеологем советской эпохи *советский народ* и *рабочий класс*, анализируя их употребление в постсоветской публицистике и имея в виду такие признаки прецедентных феноменов, как сверхличностный характер, аксиологичность, образность, воспроизводимость [Карпенко, 2021, с. 16]. Е.А. Нахимова в диссертационном исследовании, выполненном на материале онимов, также указывает, что идеологема должна рассматриваться как феномен (ментальная единица), который формирует концептуальные схемы и категории, обуславливающие процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте [Нахимова, 2011б, с. 194], при этом одно из изучаемых прецедентных имен (*Сталин*) включается автором в класс идеологем в противоположность именам-мифологемам (*Александр Невский*), аксиологемам (*Керенский*) и хрононимам (*Смутное время*).

Если признать, что в основе прецедентности лежит связь языковой единицы и стоящего за ней представления с чем-то конкретным, однозначно опознаваемым всеми носителями языка как хорошо известный им непосредственно или понаслышке элемент лингвокультуры [Караулов, 1987, с. 215–216; Назарова, Золотарев, 2015, с. 18–19], то, действительно, по меньшей мере некоторые номинативы могут быть отнесены к обоим классам. Это обусловлено самой сущностью имен собственных: они обозначают нечто единичное. Однако нельзя сказать то же самое об апеллятивах, в особенности о тех, которые используются для описания современных нам реалий, и тем более о тех, которые возникают на наших глазах. Прецедентность свойственна идеологемам-апеллятивам лишь в том смысле, в каком они являются, по М.М. Бахтину, диалогическими единицами, то есть регулярно воспроизводятся в дискурсе, тем самым актуализуя в памяти носителя языка его прежний речевой опыт (в том числе через систему прецедентных текстов, но не всегда); в то же время прецедентность как способность отсылать к конкретной реалии, конечно, не характеризует идеологемы, давно вошедшие в основной словарный фонд языка, например, та-

кие как *марксист*, *коммунист* и пр. Лишь некоторые идеологически маркированные единицы из числа апеллятивов прецедентны, «хрестоматийны» в полном смысле слова: например, термин *вертикаль власти* может рассматриваться как прецедентный, поскольку отсылает к политической системе, появление которой связывается с конкретным главой государства, с конкретным историческим периодом и, следовательно, вполне конкретными реалиями. В то же время значительная часть идеологем прецедентностью не обладает.

В связи с этим весьма значимыми для определения сущностных свойств идеологемы оказываются и более ранние исследования [Купина, 1995; Гусейнов, 2004]. В работе Н.А. Купиной, посвященной рассмотрению советской идеологии, отраженной в словарных статьях «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, постулируется наличие в лексикографическом описании языковых единиц идеологического макрокомпонента, который представляет собой «цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания), рекомендуемых Словарем в качестве нормативных, типовых» [Купина, 1995, с. 8]. Совокупность этих элементов словарного метаязыка, по утверждению автора исследования, должна рассматриваться как сверхтекст, через систему аксиологически маркированных оппозиций охватывающий всю действительность определенной эпохи. В том же направлении выполнен труд Г.Ч. Гусейнова, в котором (вероятно, за счет расширения материала исследования) доказано, во-первых, что идеологемой могут выступать единицы любого порядка – от графемы до прецедентного текста, во-вторых, что «сверхтекстом идеологического языка является и язык идеологии, и язык сопротивления этой идеологии» [Гусейнов, 2004, с. 30].

Краткий обзор литературы позволяет сделать на данном этапе следующие обобщения.

1. Идеологема представляет собой языковую единицу с идеологическим компонентом значения. Он может быть выделен как часть прагматической (коннотативной) стороны значения языкового знака и должен рас-

смаатриваться в связи с другими ее составляющими (оценкой, эмоционально-экспрессивными семами, стилистической отнесенностью), однако с достаточной ясностью отличаться от других типов языковых единиц, которые, будучи прагматически маркированными, не содержат идеологических сем.

2. Идеологический компонент значения должен рассматриваться как элемент определенной идеологической системы – сверхтекста, к которому отсылает идеологически маркированная языковая единица.

3. Идеологемой может быть названа единица любого языкового уровня, а также целый текст или его фрагмент.

В ряде исследований, кроме того, подчеркивается, что идеологема представляет собой единицу, формирующуюся исключительно дискурсивно или, иными словами, приобретающую свои прагматические характеристики только при соотнесении ее с идеологическим сверхтекстом [Журавлев, 2004, с. 38–39]. Это возможно при актуализации знака в речи субъекта – транслятора определенной идеологической позиции [Иванов, Катышев, 2023, с. 139].

История изучения идеологем демонстрирует движение от понимания этих единиц как элементов словарного фонда языка и знаковых элементов в широком смысле [Купина, 1995; Гусейнов, 2004; Чудинов, 2012; Карамова, 2015] через изучение их метаконтекстуальных связей и диахронической динамики [Мирошниченко, 1995; Журавлев, 2004] к лингвокогнитивному их описанию как элементов идеологии, составляющих часть языковой картины мира [Малышева, 2009; Нахимова, 2011а; 2011б; Безродная, 2013; Клушина, 2014; Радбиль, 2017].

В настоящее время наиболее распространены исследования идеологем, в основании которых лежит метод контент-анализа; решение научных задач в этих работах опирается на обработку больших массивов текстов, направленную на выявление ключевых понятий политического дискурса, особенностей их ассоциативно-полевой организации и языковой репрезентации (см., например: [Романова, 2019; Юрина, Жакупова, Мукашева, 2022]). При этом идеологемы как риторизованные единицы, участвующие в построении

конкретных экземпляров политического дискурса, прежде не становилось предметом отдельного изучения.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ идеологем в свете риторической проблематики: рассмотрение их не только как особого пласта словарного фонда языка, но и как специфического речевого средства воздействия, использующегося продуцентами политического дискурса и, возможно, организующего этот дискурс особым образом. Замысел такого рода и определяет ход настоящего исследования. Его гипотеза связана с тем, что знаки-идеологемы являются ключевыми элементами политического текста не только на парадигматико-концептуальном уровне, но и на уровне текстопостроения.

Материал и методы

Несмотря на то, что в современной отечественной науке накоплен значительный опыт исследования идеологем, вопросы, касающиеся выявления подобного рода единиц, разграничения идеологем и других прагматически маркированных языковых знаков, остаются открытыми. Не претендуя на сколько-нибудь полное их разрешение, кратко представим основные методологические презумпции, необходимые для организации нашего исследования.

1. Выявление идеологем. В лингвистико-ориентированных исследованиях обычно говорят о двух классах идеологем:

1) о единицах, смысловое содержание которых неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов. При этом выделяют слова с различиями лишь в эмоционально-оценочной окраске (*буржуазия*, *демократия*, *капитализм*, *коммунизм*) и слова, имеющие отличия в когнитивных компонентах значения (чаще всего с точки зрения денотата: *народ* как люди физического труда в понимании российских коммунистов и *народ* как все население страны для их политических оппонентов);

2) о наименованиях, «которые используются только сторонниками определенных политических взглядов» [Чудинов, 2012, с. 92–93].

Инвариантным признаком, таким образом, выступает однозначная соотнесенность слова или его значения с дискурсом и субъек-

тами речи, участвующими в его воспроизводстве, – подобно тому, как слово с определенной функционально-стилистической окраской неизбежно отсылает к той или иной сфере использования языка и ее акторам.

Методика выявления этих двух классов языковых знаков была предложена П. Зэмшалом. Она представляет собой одну из вариаций семантического эксперимента и включает две операции: сравнение коннотаций, которые единица актуализует в различных идеологических дискурсах (только единица, меняющая оценочность при помещении в иной, обычно полярный, идеологизированный дискурс, должна быть признана идеологемой); поиск контекстов, которые меняли бы оценочность слова, в пределах одного дискурса (только единица, неироничное употребление которой с противоположной оценкой в пределах одного идеологизированного дискурса невозможно, должна быть признана идеологемой) [Зэмшал, 2014, с. 140–141]. В результате этих операций обнаруживаются первый и второй классы идеологем соответственно; эта методика использовалась и в настоящем исследовании.

2. Идеологемы и иные прагматически маркированные знаки. Проблема соотношения идеологемы с другими единицами эмического ряда в современной науке не решена, что, по-видимому, обусловлено рядом факторов. С одной стороны, полноценное исследование этой единицы, которая, бесспорно, эгоцентрична [Падучева, 2019] и способна не только в речи, но и – потенциально – на уровне абстрактной языковой системы самостоятельно манифестировать антропокомпонент [Иванов, Катышев, 2023], требует особой междисциплинарной методологии, учитывающей всю антропоцентрическую многомерность идеологемы. С другой – сопоставительный ряд антропоцентрических единиц не замкнут и включает множество феноменов, которые по-прежнему заслуживают отдельного исследования. Например, только в работах по идеологемам упоминаются и при этом по-разному определяются следующие типы знаков: прагмема [Мирошниченко, 1995; Журавлев, 2004]; мифологема, культурема [Купина, 1995; Журавлев, 2004; Нахимова, 2011а; Иванова, Чанышева, 2018]; аксиологема, лингвокульту-

рема, политема, символема [Журавлев, 2004]. Недостаточная ясность понятий при научном описании политического языка, объясняется и относительной новизной этого направления исследований.

Принципиально значимыми в актуальном контексте являются следующие обстоятельства. Во-первых, идеологема представляет собой ценностно маркированную единицу, то есть одну из разновидностей аксиологем, а также формируется и реализуется как отсылка к фоновому знанию, является представителем некоего идеологически значимого концепта – элемента идеологии. То и другое убедительно обосновывается С.А. Журавлевым в его диссертационном исследовании [Журавлев, 2004, с. 36–43]. В рамках риторической парадигмы дальнейшая демаркация не столь важна, и достаточно формальной проверки контекстом: мифологема, культурема, символема обладают тем же набором свойств, или, по крайней мере, эти свойства представляют часть их классификационных параметров.

Во-вторых, действительно существенны различия между прагмемами и идеологемами: прагмема представляет собой «устойчивую лингвистическую единицу – системообразующий элемент в лексико-семантической иерархии языка», а идеологема – это «подвижная, нерелевантная единица, квалификативная адекватность которой выявляется в контексте путем дискурсивного анализа» [Журавлев, 2004, с. 38]; аналогичное этому разграничение проводит и Г.Н. Складаревская, говоря о различиях между когнитивным и идеологическим компонентами в прагматической части значения слова [Складаревская, 1995]. Это важно, потому что в процессе риторизации данные типы единиц могут употребляться совместно, в том числе формируя или поддерживая значения друг друга, и еще – в меньшей степени – потому что отдельные экземпляры идеологизированного дискурса могут и вовсе не содержать идеологем, и тогда именно на прагмемы ложится нагрузка по формированию категории интерперсональности в тексте.

Материал исследования составили публикации в Telegram-каналах, ведущихся от имени М.В. Захаровой, директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации

(<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova>), и Д.А. Медведева, заместителя председателя Совета безопасности Российской Федерации (https://t.me/medvedev_telegram). Публикации были отобраны методом целенаправленной выборки, ограничительной процедурой для которой выступала методика П. Зэмшала, представленная выше. Для исследования была сформирована первичная выборка, которая включала 100 текстов, опубликованных в период с 22 ноября по 8 декабря 2024 г. в Telegram-канале «Мария Захарова» и 37 текстов, опубликованных в период с 28 июня по 4 декабря 2024 г. в Telegram-канале «Дмитрий Медведев», общим объемом 137 публикаций. Из данной выборки были исключены публикации-репосты и публикации, целью которых является отсылка к материалу, размещенному на другом информационном ресурсе. Из оставшихся публикаций искомые речевые единицы были обнаружены в 40 экземплярах (по 20 в каждом из Telegram-каналов). Набор выявленных единиц был скорректирован с учетом гнездового принципа, в соответствии с которым группы слов и словосочетаний, объединенных мотивационными отношениями, считались как одна номинативная единица (например, *террор* – *террористический*; *нацисты* – *неонацисты* – *украинские нацисты* – *украионацисты*). Итоговое количество выявленных единиц составило 31 слово и выражение, которые в общей сложности встретились 157 раз.

В соответствии с выдвинутой гипотезой можно предположить, что между двумя сторонами существования идеологем: как когнитивных феноменов, организующих целостную систему представлений (идеологию), и как речевых единиц, обладающих повышенным воздействующим потенциалом, – должна наблюдаться корреляция. Учитывая общую вовлекающую направленность политического текста [Шейгал, 2004; Катышев, Боженкова, 2020; Чжао Янь, 2020], идеологемы должны занимать ключевое место в его структуре и оформлять его подобно тому, как оформляют когнитивные пространства уже вовлеченных людей, сторонников той или иной идеологии. Иными словами, прежде чем оформиться и закрепиться в сознании реципиента, идеологемы должны реали-

зоваться дискурсивно в таких условиях, которые предполагают их ключевой статус в тексте с точки зрения его риторического построения.

Для проверки данного предположения в настоящем исследовании была применена концепция содержательной иерархии текста, подразумевающая существование в тексте сильных позиций, содержанием которых «является очень важная для текста в целом информация» [Арнольд, 2019, с. 223, 238], за счет своего расположения привлекающая особое внимания читателя. Данная концепция, разработанная в научных школах интерпретации художественного текста и стилистики декодирования [Арнольд, 2019; Кухаренко, 1988], в дальнейшем стала использоваться и для изучения нефикциональных дискурсов (см., например: [Богоявленская, 2013; Ильина, Толмачева, 2024; Парешнева, 2022]).

К числу сильных позиций по формальному критерию в данном случае были отнесены заголовки (при его наличии), первый и последний абзацы текста. С учетом того, что в большом количестве публикаций заголовки отсутствуют, он (при наличии) и первый абзац рассматривались как единая начальная текстопозиция. В случае с публикациями, которые носят обзорный характер, то есть в них актуализуется несколько тем (обычно их актуализация сопровождается нумерацией), сильные позиции выделялись в каждом из обособленных фрагментов (первое и последнее предложение абзаца). Такие публикации встретились только в Telegram-канале «Дмитрий Медведев».

Исследование проводилось с использованием методов математической статистики.

Результаты

Общее количество словоупотреблений в рассматриваемой выборке составило 9 663 словоформы с соотношением 3 174 / 6 489 словоформ в сильных / несильных позициях соответственно. Задача – вычислить ожидаемую частотность идеологем в сильных и несильных позициях текста и определить статистическую значимость отклонения наблюдаемой частотности от ожидаемой в зависимости от качества текстопозиции по критерию хи-квадрат.

С учетом того, что часть идеологем представляет собой неоднословные единицы, в каждой из идеологем был выделен опорный компонент, который однозначно или почти однозначно позволяет идентифицировать конкретную идеологему в пределах исследуемой коллекции текстов, что позволило условно посчитать каждое употребление идеологемы как одну словоформу.

Результаты подсчета количества употреблений идеологем представлены в табли-

це 1 (идеологемы даны в порядке уменьшения их частотности).

Была выдвинута нулевая гипотеза о том, что количество идеологем, встречающихся в тексте, не зависит от качества текстовой позиции. Результаты подсчета ожидаемых величин представлены в таблице 2.

Результаты подсчета расхождения между наблюдаемыми и ожидаемыми величинами представлены в таблице 3. Коэффициент Пирсона составил 6,98. Для проверки нулевой гипотезы

Таблица 1. Количество идеологем в анализируемой выборке

Table 1. The number of ideologems in research sample

Идеологема	Количество (в абсолютном выражении)				
	Общее количество употреблений	В канале «Мария Захарова»	В канале «Дмитрий Медведев»	В сильной позиции	В не-сильной позиции
киевский режим	31	27	4	13	18
нацизм	29	11	18	16	13
террор	17	12	5	4	13
бандеровский	13	1	12	4	9
б. Украина	11	0	11	4	7
боевики	8	8	0	2	6
русофобия	7	2	5	5	2
либерализм	4	2	2	0	4
предатель	4	0	4	2	2
демократия	3	2	1	1	2
хохол	3	0	3	2	1
права человека	2	1	1	0	2
хунта	2	1	1	0	2
западные покровители / кураторы	2	2	0	1	1
геноцид	2	2	0	1	1
антироссийский	2	1	1	2	0
возврат территорий	2	0	2	0	2
англосаксонский	2	0	2	1	1
государственный переворот	1	1	0	0	1
распространение фейков	1	1	0	1	0
сила в правде	1	1	0	1	0
разгон протестов	1	1	0	1	0
украинский сценарий	1	1	0	1	0
государство-агрессор	1	1	0	1	0
коллективный Запад	1	1	0	0	1
Мировое большинство	1	1	0	1	0
янки	1	0	1	0	1
Пиндостан	1	0	1	1	0
пшек	1	0	1	1	0
рейх	1	0	1	0	1
страна 404	1	0	1	1	0
Всего	157	80	77	67	90

Таблица 2. Ожидаемые величины распределения идеологем по позициям текста

Table 2. Theoretical frequencies of distribution of ideologemes by text positions in research sample

Тип единицы	Сильная позиция	Несильная позиция	Всего
Идеологема	51,58595	105,4141	157
Не идеологема	3123,414	6382,586	9506
Всего	3175	6488	9663

Таблица 3. Расхождения между наблюдаемыми и ожидаемыми величинами

Table 3. Deviations between observed and theoretical frequencies

Тип единицы	Сильная позиция	Несильная позиция
Идеологема	4,61	2,25
Не идеологема	0,08	0,04

было определено число степеней свободы – 1. Коэффициент Пирсона для данного числа степеней свободы составляет 3,841 при уровне значимости 0,05 и 6,635 при уровне значимости 0,01. Полученный коэффициент превышает оба этих порога.

Таким образом, результаты анализа демонстрируют статистически значимое расхождение между наблюдаемыми и ожидаемыми величинами, что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу и принять альтернативную: идеологемы в рамках исследуемой выборки распределены в текстах неравномерно, и в сильных текстопозициях используются чаще.

Дискуссия

Двусторонняя сущность идеологем обуславливает возможность их анализа по меньшей мере на двух уровнях: когнитивном и языковом. Первый из них подразумевает реконструкцию процессов, связанных с предпочтением той или иной номинативной единицы другим, и его изучение проводится методами макродискурсивного анализа (в терминологии Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка). Процедуры такого анализа подробно описаны в основополагающих работах по методологии критических дискурсивных исследований [Дейк, 2013; Йоргенсен, Филлипс, 2008] и предполагают прежде всего применение методик контент-анализа и диахроническое изучение дискурса. Второй уровень касается особенностей семасиологической структуры идеологем, актуализованных в дискурсе, и ча-

стично описан в предыдущих работах авторов [Иванов, Катышев, 2022; 2023].

Полученные результаты позволяют говорить о третьем возможном векторе исследования: анализе особенностей употребления идеологем как риторического средства, то есть одного из приемов речевого воздействия, который используется авторами политических текстов.

Такое распределение идеологем в тексте дает возможность сделать предположение о том, что их риторизация связана прежде всего с реализацией внушения как способа воздействия в политической коммуникации. Риторические функции идеологем зависят от конкретной позиции в тексте в целом и внутри микроконтекста. На основе исследованного материала можно выделить две их основные функции.

1. Первичная номинация предмета обсуждения в тексте, при которой обозначаемая реалья изначально представляется как аксиологически значимая. Эта функция реализуется при помещении идеологем в начальные фрагменты публикаций, например:

(1) О тех, кто стоит за **киевским режимом**. Во имя (теперь уже не «победы», они обходят эту тему стороной) ими сформулированного «стратегического поражения России» администрация уходящего президента США Байдена и европейские («ястребами» их назвать сложно) какие-то «полудохлые куры» сделали ставку на дальнейшую эскалацию, пытаясь до вступления в должность нового американского президента максимально накачать **киевский режим** оружием и тем самым гарантированно обеспечить продолжение боевых действий в 2025 году (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/9375>).

2. Повышение речевоздействующего потенциала прогностических и комиссивных речевых актов, а также лозунгов. Данная функция свойственна идеологемам, помещенным в завершающие фрагменты текста, например:

(2) К 2034 году ни одного из нынешних руководителей стран НАТО не останется на своих местах. Часть из них будет на пенсии или в лучшем из миров / в аду (выбрать требуемое). И самой **страны 404** не будет (https://t.me/medvedev_telegram/514);

(3) Все причастные к этим и другим злодеяниям **киевского режима** будут установлены и обязательно ответят по всей строгости закона (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/9429>);

(4) Поэтому лучший способ сделать 5 ноября приятное кандидатам на высший американский пост – продолжать громить **киевский нацистский режим!** (https://t.me/medvedev_telegram/541).

Будучи введенными в этих функциональных позициях, идеологемы организуют тексты подобно парадигматической структуре идеологического свертхтекста. Наиболее частотные в рамках выборки идеологемы (*киевский режим*, *нацизм*) одновременно являются одними из тех, которые чаще всего актуализуются в сильных позициях (13 / 18, 16 / 13 соответственно). Учитывая тематику рассматриваемых каналов, можно сделать вывод о доминантном статусе данных идеологем: через них открывается доступ к идеологическому свертхтексту, определяющему особенности коммуникации в исследуемых Telegram-каналах.

Для проверки данного вывода нами было дополнительно проведено исследование макродискурсивных практик на примере наиболее частотной идеологемы – *киевский режим*. Поскольку данная идеологема используется для обозначения высшей государственной власти Украины, она чаще всего ко-референтна таким номинациям, как *Киев* и *Украина*. То обстоятельство, что Telegram-канал «Мария Захарова» был запущен еще 1 июня 2021 г., позволило сравнить относительную частотность этих трех номинаций: идеологически маркированной и двух нейтральных.

Сравнение проводилось двумя способами. Первый связан с подсчетом количества сообщений, в которых использовалась хотя бы одна из этих номинаций. Результаты исследования показали, что в период с 01.06.2021 по

23.02.2022 количество сообщений, в которых использовалось выражение *киевский режим* составляло 14 % от общего количества сообщений об Украине, тогда как в остальных 76 % публикаций использовались только номинации *Киев* и *Украина* (37 / 228 публикаций соответственно). В период же с 24.02.2022 по 08.12.2024 относительное количество сообщений, включающих выражение *киевский режим*, возросло до 33 % (693 сообщения); количество сообщений только с номинациями *Киев* и *Украина* составило 67 % (1 389 публикаций).

Второй способ проверки сделанного вывода о макродискурсивных параметрах материала, доступный без лексико-морфологической разметки исследуемой коллекции текстов (для настоящего исследования она не проводилась), был связан с подсчетом относительной частотности выражения *киевский режим* и номинации *Украина* (номинация *Киев* была исключена по причине того, что она как вершина словообразовательного гнезда не могла быть автоматически выявлена в коллекции текстов без ее лексико-морфологической разметки). Результаты применения этой процедуры также согласуются со сделанным выводом: относительная частотность выражения *киевский режим* до 23.02.2024 составляла всего 8 % от общего количества случаев употребления одной из этих двух единиц (40 / 470 соответственно); в период с 24.02.2022 по 08.12.2024 относительная частотность данной единицы возросла до 30 % (988 / 2 315 соответственно).

Таким образом, проверка при помощи методики макродискурсивного анализа позволяет судить о достоверности сделанного вывода.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в дополнение к двум существующим направлениям анализа идеологем (когнитивному, реализующемуся в первую очередь при помощи методик контент-анализа, и лингвистическому, связанному с анализом актуального значения идеологически маркированных единиц в микроконтексте) может быть предложен третий, риторический подход к изучению таких единиц.

Методологическая новизна такого подхода связана с тем, что идеологемы могут рассматриваться на уровне конкретных экземпляров политического дискурса как элементы риторической структуры политического текста. При этом анализ способа их риторизации, учет их расположения в конкретных текстах позволяют не только выявить их роль в формировании воздействующего потенциала текста, но и делать значимые выводы об их статусе в идеологическом сверхтексте без применения методологии макродискурсивного анализа.

Перспектива подобных исследований связана с детализацией риторико-функциональной нагрузки идеологически маркированных единиц, изучением их роли в формировании дискурсивной категории интерперсональности посредством выявления доминирующих модусов их актуализации в дискурсе (опыт подобного изучения представлен в: [Иванов, Катыхов, 2023]). Роль идеологем в текстопостроении в сочетании с особенностями реализации в них эгоцентрических категорий языка и речи может рассматриваться как один из основных параметров описания идиостиля автора политического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В., 2019. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М. : ФЛИНТА. 448 с.
- Безродная А. Ю., 2013. Различие понятий «концепт» и «идеологема» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 3. С. 138–145.
- Блакар Р. М., 1987. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс. С. 88–125.
- Богоявленская Ю. В., 2013. Парцелляция в сильных позициях медиатекста // Политическая лингвистика. № 1 (43). С. 128–132.
- Виноградов В. В., 1963. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 255 с.
- Гусейнов Г. Ч., 2004. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М. : Три Квадрата. 272 с.
- Дейк, Т. ван, 2013. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ. 344 с.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж., 2008. Дискурс анализ. Теория и метод. Харьков : Гуманит. центр. 352 с.
- Журавлев С. А., 2004. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола. 203 с.
- Зэмшал П., 2014. Несколько замечаний относительно понятия идеологема // Политическая лингвистика. № 2 (48). С. 138–142.
- Иванов П. К., Катыхов П. А., 2022. О семасиологических свойствах идеологем. Гуманитарные технологии в современном мире : X Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 19–22 мая 2022 г.). Калининград : Полиграфыч. С. 49–51.
- Иванов П. К., Катыхов П. А., 2023. Идеологема в политической коммуникации: интерперсональный аспект // Виртуальная коммуникация и социальные сети. Т. 2, № 3 (7). С. 138–143.
- Иванова С. В., Чанышева З. З., 2018. Идеологическая составляющая содержания как объект лингвистической экспертизы политического текста // Политическая лингвистика. № 1 (67). С. 180–190. DOI: 10.26170/pl18-01-22
- Ильина Э. О., Толмачева И. Ж., 2024. Средства связности «сильных позиций» текста в языке СМИ // Наука и инновационные разработки – Северу. М. : Спутник+. С. 439–442.
- Карамова А. А., 2015. Идеологемы: определение понятия и типология // Современные проблемы науки и образования. № 2-1. С. 397.
- Караулов Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 261 с.
- Карпенко С. М., 2021. Прецедентные феномены советской эпохи в современном публицистическом дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 4 (216). С. 15–23. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-4-15-23
- Катыхов П. А., Боженкова Н. А., 2020. Позиция вовлечения в нелегитимной дискурсивной практике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 5. С. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>
- Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
- Купина Н. А., 1995. Тоталитарный язык : слов. и реч. реакции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 144 с.
- Кухаренко В. А., 1988. Интерпретация текста. М. : Просвещение. 192 с.
- Леонтьев А. А., 2008. Психология общения. М. : Смысл : Academia. 365 с.
- Малышева Е. Г., 2009. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. № 4. С. 32–40.

- Мирошниченко А. А., 1995. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 189 с.
- Назарова Р. З., Золотарев М. В., 2015. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 15, № 2. С. 17–23.
- Нахимова Е. А., 2011а. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. № 2. С. 152–156.
- Нахимова Е. А., 2011б. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 276 с.
- Новосад К. Ю., Юрина Е. А., 2024. Феномен лингвокреативности и его реализация в дискурсе СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17, № 7. С. 2445–2451. DOI: 10.30853/phil20240348
- Падучева Е. В., 2019. Эгоцентрические единицы языка. М. : ЯСК. 440 с.
- Парешнева В. О., 2022. Метафорика и интертекст в сильных текстовых позициях политического медиадискурса // Гуманитарные и юридические исследования. Т. 9, № 2. С. 332–338. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.22
- Радбиль Т. Б., 2017. Язык и мир: парадоксы взаимотражения. М. : ЯСК. 592 с.
- Романова Т. В., 2019. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности. Н. Новгород : ДЕКОМ. 120 с.
- Скляревская Г. Н., 1995. Прагматика и лексикография // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность : сб. ст. М. : ИРЯ РАН. С. 63–71.
- Стернин И. А., 2012. Основы речевого воздействия. Воронеж : Истоки. 178 с.
- Фрумкина Р. М., 1995. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М. : ИЯ РАН. С. 74–117.
- Чжао Янь, 2020. Речевое вовлечение в президентском дискурсе (на материале выступлений В.В. Путина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 175 с.
- Чудинов А. П., 2012. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Шейгал Е. И., 2004. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис. 324 с.
- Шелестюк Е. В., 2014. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М. : ФЛИНТА : Наука. 344 с.
- Юрина Е. А., Жакупова А. Д., Мукашева А. О., 2022. Интерпретационный и воздействующий потенциал ключевых идеологем президентско-

го дискурса Н.А. Назарбаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 76. С. 199–229. DOI: 10.17223/19986645/76/9

REFERENCES

- Arnold I.V., 2016. *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, FLINTA Publ. 448 p.
- Bezrodnaya A.Yu., 2013. Razlichie ponyatiy «kontsept» i «ideologema» [On Differences Between the Notions “Concept” and “Ideologeme”]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin], no. 3, pp. 138-145.
- Blakar R.M., 1987. Yazyk kak instrument sotsialnoy vlasti (teoretiko-empiricheskie issledovaniya yazyka i ego ispolzovaniya v sotsialnom kontekste) [Language as a Means of Social Power]. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya* [Language and the Modeling of Social Interaction]. Moscow, Progress Publ., pp. 88-125.
- Bogoyavlenskaya Yu.V., 2013. Partsellyatsiya v silnykh pozitsiyakh mediateksta [Subdivision in Strong Positions of Media Text]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (43), pp. 128-132.
- Vinogradov V.V., 1963. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 255 p.
- Guseynov G.Ch., 2004. *Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh* [Soviet Ideologemes in Russian Discourse of the 1990s]. Moscow, Tri Kvadrata Publ. 272 p.
- Dijk T. van, 2013. *Diskurs i vlast: reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM Publ. 344 p.
- Yorgensen M.V., Fillips L.G., 2008. *Diskurs analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov, Gumanit. tsentr Publ. 352 p.
- Zhuravlev S.A., 2004. *Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse: dis. kand. ... filol. nauk* [Ideologemes and Their Actualization in Russian Lexicographic Discourse. Cand. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola. 203 p.
- Zemshal P., 2014. Neskolko zamechaniy otnositelno ponyatiya ideologemy [Few Words on the Term Ideologeme”]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (48), pp. 138-142.
- Ivanov P.K., Katyshev P.A., 2022. O semasiologicheskikh svoystvakh ideologem [On Semasiological Properties of Ideologemes]. *Gumanitarnye*

- tekhnologii v sovremennom mire: X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kaliningrad, 19–22 maya 2022 g.)* [Humanitarian Technologies in the Modern World. Proceedings of the International Scientific Conference (Kaliningrad, May 19–22, 2022)]. Kaliningrad, Poligrafych Publ., pp. 49–51.
- Ivanov P.K., Katyshev P.A., 2023. Ideologema v politicheskoy kommunikatsii: interpersonalnyy aspekt [Ideologeme in Political Communication: Interpersonal Aspect]. *Virtualnaya kommunikatsiya i sotsialnye seti* [Virtual Communication and Social Networks], vol. 2, no. 3 (7), pp. 138–143.
- Ivanova S.V., Chanyшева Z.Z., 2018. Ideologicheskaya sostavlyayushchaya soderzhaniya kak obyekт lingvisticheskoy ekspertizy politicheskogo teksta [Ideological Component of Content as an Object of Linguistic Expertise of Political Text]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (67), pp. 180–190. DOI: 10.26170/pl18-01-22
- Ilina E.O., Tolmacheva I.Zh., 2024. Sredstva svyaznosti «silnykh pozitsiy» teksta v yazyke SMI [Means of Connecting the Strong Positions” of the Text in the Language of the Media]. *Nauka i innovatsionnye razrabotki – Severu* [Science and Innovation to the North]. Moscow, Sputnik+ Publ., pp. 439–442.
- Karamova A.A., 2015. Ideologemy: opredelenie ponyatiya i tipologiya [Ideologemes: Notion Definition and Typology]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 2-1, p. 397.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ. 261 p.
- Karpenko S.M., 2021. Precedentnyye fenomeny sovetskoy epokhi v sovremennom publitsisticheskom diskurse (na materiale Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka) [Precedent Phenomena of the Soviet Era in Contemporary Public Discourse (Study of National Corpus of the Russian Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 4 (216), pp. 15–23. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-4-15-23
- Katyshev P.A., Bozhenkova N.A., 2020. Pozitsiya вовлечения v nelegitimnoy diskursivnoy praktike [Engagement Stance in the Illegitimate Discourse Practice]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>
- Klushina N.I., 2014. Teoriya ideologem [The Theory of Ideologeme]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 4(50), pp. 54–58.
- Kupina N. A., 1995. *Totalitarnyy yazyk: slov. i rech. reakcii* [Totalitarian Language. Vocabulary and Speech Reactions]. Yekaterinburg, Ural University Publishing House. 144 p.
- Kukhareno V.A., 1988. *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 192 p.
- Leontyev A.A., 2008. *Psikhologiya obshcheniya* [Communication Psychology]. Moscow, Smysl Publ., Academia Publ. 365 p.
- Malysheva E.G., 2009. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredeleniye i klassifikatsiya [Ideologeme as Lingo-Cognitive Phenomenon: Definition and Classification]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 4, pp. 32–40.
- Miroshnichenko A.A., 1995. *Lingvo-ideologicheskyy analiz yazyka massovykh kommunikatsiy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Ideological Analysis of the Language of Mass Communications. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don. 189 p.
- Nazarova R.Z., Zolotarev M.V., 2015. Precedentnyye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii precedentnykh fenomenov [Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 15, no. 2, pp. 17–23.
- Nakhimova E.A., 2011a. Ideologema Stalin v sovremennoy massovoy kommunikatsii [Ideologeme Stalin in Contemporary Mass Media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2, pp. 152–156.
- Nakhimova E.A., 2011b. *Precedentnyye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication: Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Study]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ. 276 p.
- Novosad K.Yu., Yurina E.A., 2024. Fenomen lingvokreativnosti i ego realizatsiya v diskurse SMI [Phenomenon of Linguistic Creativity and Its Implementation in the Media Discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 17, no. 7, pp. 2445–2451. DOI: 10.30853/phil20240348
- Paducheva E.V., 2019. *Ehgoцентрические единицы языка* [Egocentric Units of Language]. Moscow, YaSK Publ. 440 p.
- Pareshneva V.O., 2022. Metaforika i intertekst v silnykh tekstovykh pozitsiyakh politicheskogo mediadiskursa [Metaphorics and Intertexts in the

- Key Text Positions of Political Media Discourse]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Research], vol. 9, no. 2, pp. 332-338. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.22
- Radbil T.B., 2017. *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the World: Paradoxes of Interreflection]. Moscow, YaSK Publ. 592 p.
- Romanova T.V., 2019. *Ideologemy i aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki natsionalnoy mentalnosti* [Ideologemes and Axiologemes of Russian Linguistic Consciousness as a Reflection of Constants and Dynamics of National Mentality]. Nizhniy Novgorod, DEKOM Publ. 120 p.
- Sklyarevskaya G.N., 1995. *Pragmatika i leksikografiya* [Pragmatics & Lexicography]. *Yazyk-sistema. Yazyk-tekst. Yazyk-sposobnost: sb. st.* [Language-System. Language-Text. Language-Capability. Collection of Articles]. Moscow, IRYa RAN, pp. 63-71.
- Sternin I.A., 2012. *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [Fundamentals of Speech Impact]. Voronezh, Istoki Publ. 178 p.
- Frumkina R.M., 1995. Est li u sovremennoy lingvistiki svoya epistemologiya [Does Modern Linguistics Have its own Epistemology?]. Stepanov Yu.S. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science in the Late 20th Century]. Moscow, IYa RAN, pp. 74-117.
- Chzhao Yan, 2020. *Rechevoe vovlechenie v prezidentskom diskurse (na materiale vystupleniy V.V. Putina): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech Engagement in Presidential Discourse (On the Material of V.V. Putin's Speeches). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 175 p.
- Chudinov A.P., 2012. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 256 p.
- Sheygal E.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 324 p.
- Shelestyuk E.V., 2014 *Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech Impact: Ontology and Research Methodology]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ. 344 p.
- Yurina E.A., Zhakupova A.D., Mukasheva A.O., 2022. Interpretatsionnyy i vozdeystvuyushchiy potentsial klyuchevykh ideologem prezidentskogo diskursa N.A. Nazarbaeva [Interpretive and Influential Potential of Key Ideologemes in the Presidential Discourse of Nursultan Nazarbayev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 76, pp. 199-229. DOI: 10.17223/19986645/76/9

Information About the Authors

Petr K. Ivanov, Senior Lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, pkivanov@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0381-7775>

Pavel A. Katyshev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, pakatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Olga V. Zaytseva, Main Expert, Department of Organization of Scientific Work and Training of Scientific Personnel, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, deyalderwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>

Информация об авторах

Петр Константинович Иванов, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, pkivanov@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0381-7775>

Павел Алексеевич Катышев, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, pakatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Ольга Валерьевна Зайцева, главный специалист отдела организации научной работы и подготовки научных кадров, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, deyalderwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.4>

UDC 81'374.3

LBC 81.054

Submitted: 29.11.2024

Accepted: 31.03.2025

LEXICOSEMANTIC MODEL OF AGGRESSIVE ACT PERCEPTUAL IMAGE: THEMATIC DICTIONARY CONSTRUCTION EXPERIENCE¹

Liliya R. Komalova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The paper explores the process of constructing a thematic explanatory dictionary *Verbal Structure of Communicative Act of Aggression* that reveals the perceptual image of an act of aggression. Two volumes of the dictionary represent a semantic cross-section of native Russian speakers' ideas about the structure and dynamics of an act of aggression, as fixed in the language norm (on the basis of "dictionary" associates) and usage (on the basis of "text" associates). The language material was obtained using a modified associative experiment with the involvement of a group of Russian-speaking subjects; data were collected from Russian-language dictionaries of various profiles for the first volume of the dictionary, and from institutional media texts for the second volume. The analysis and generalization of the resulting vocabulary charts made it possible to group the associates into lexicosemantic categories, which in sum represent the subjects' ideas about the structure and dynamics of an act of aggression. The resulting lexicosemantic model indicates a quantitative predominance of the category "nominations of types and forms of aggression" in the verbalized image of an act of aggression. In the perceptual image of an act of aggression based on "dictionary" associates, a significant role is also given to the categories "individual-personal qualities of an aggressive subject" and "aggression as an emotional state." The process of associating based on institutional media texts also enabled identification of categories "third party involved in an act of aggression" and "instruments for implementing and regulating aggression." The research revealed a significant predominance of vocabulary with destructive connotations; given that in scientific and methodological literature aggression is considered an ambivalent phenomenon.

Key words: linguistic modelling, lexicosemantic category, perceptual image, Lexicography, aggression.

Citation. Komalova L.R. Lexicosemantic Model of Aggressive Act Perceptual Image: Thematic Dictionary Construction Experience. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 43-53. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.4>

УДК 81'374.3

ББК 81.054

Дата поступления статьи: 29.11.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЦЕПТИВНОГО ОБРАЗА АКТА АГРЕССИИ: ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ¹

Лилия Ряшитовна Комалова

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия;
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье описан перцептивный образ акта агрессии на материале сконструированного тематического толкового словаря. Два выпуска словаря «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии» содержат семантический срез закрепленных в языковой норме («словарные» ассоциаты) и узусе («текстовые» ассоциаты) представлений носителей русского языка о структуре и динамике акта агрессии. Сбор языкового материала осуществлялся при помощи модифицированного ассоциативного эксперимента (с привлечением группы русскоговорящих испытуемых) из русскоязычных словарей различного профиля

для первого выпуска словаря и из текстов институциональных СМИ для второго выпуска. Результаты анализа и обобщение полученных словников дали возможность сгруппировать ассоциаты в лексико-семантические категории, которые совокупно репрезентируют представления испытуемых о структуре и динамике акта агрессии. Результирующая лексико-семантическая модель свидетельствует о количественном преобладании в вербализованном образе акта агрессии категории «номинации видов и форм агрессии» (статистическая проверка достоверности данных осуществлялась с помощью непараметрического критерия знаков Мак-Немара). В перцептивном образе акта агрессии на основе «словарных» ассоциатов значимая роль отводится также категориям «индивидуально-личностные качества агрессивного субъекта» и «агрессия как эмоциональное состояние». Процесс ассоциирования на основе текстов институциональных СМИ позволил дополнительно выделить такие категории, как «третье лицо, вовлеченное в акт агрессии» и «инструменты реализации и регулирования агрессии». Установлено существенное преобладание лексики с деструктивной коннотацией, при том, что в научной и методической литературе агрессия рассматривается как амбивалентное явление.

Ключевые слова: лингвистическое моделирование, лексико-семантическая категория, перцептивный образ, лексикография, агрессия.

Цитирование. Комалова Л. Р. Лексико-семантическая модель перцептивного образа акта агрессии: опыт конструирования тематического словаря // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 43–53. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.4>

Введение

В современной лингвистике феномен агрессии рассматривается на всех уровнях языка (см., например: [Шейгал, 2004; Кошкарлова, 2008; Mansilla, Mellado, 2015; Плотникова, 2018; Петрова, Рацибурская, 2022; и др.]). Данные исследования в совокупности представляют довольно пеструю картину: они в большей мере ориентированы на изучение генезиса отдельных языковых единиц и механизмов и в меньшей мере учитывают специфику и многогранность самого явления агрессии. В связи с этим актуальным и новым представляется подход, опирающийся на теории агрессии, разработанные специалистами в области естественных и общественных наук (см., например: [Buss, 1961; Bandura, 1973; Berkowitz, 1993; Лоренц, 2009; и др.]). Он позволяет рассматривать агрессию как деструктивное / конструктивное / инструментальное явление, характеристику личности (агрессивность), эмоциональное состояние, деятельную реакцию на ситуацию и способ мышления (подробно о подходе см.: [Комалова, 2020, с. 17–93]).

В настоящем исследовании в фокусе внимания находится агрессия не как девиация от нормального поведения, психопатологический диагноз, а как поведение законопослушного человека, реализующего ее в повседневной жизни и, часто, даже не осознающего себя в роли агрессора. В связи с этим ключевой фигурой для оценки агрессии становится ее объект – жертва, которая воспринимает те

или иные действия / поступки, в том числе речевые как агрессивные, а субъекта (актора) – как агрессора. Результатом восприятия становится поступательно конструируемый перцептивный образ агрессора / других участников акта агрессии, запечатленный в языковой картине мира реципиента и актуализируемый в моменты, когда во внешней среде возникают индикаторы агрессии.

Имея в виду тот факт, что стереотипно агрессию принято рассматривать как деструктивный феномен, в отношении которого применяются различные санкции и ограничения, мы полагаем, что для проведения экспертизы, удостоверяющей факт проявления агрессии, потребуется устойчивый измерительный инструментарий. В судебной практике эксперты-лингвисты прибегают к доказательной базе на всех уровнях языка, однако наиболее востребованной выступает лексическая основа высказывания (см., например: [Вайсгербер, 2004]). В связи с этим в настоящей работе объектом исследования выступает подмножество лексических единиц, на основе которых в различных языковых контекстах и коммуникативных ситуациях реципиенты формируют представление об агрессии, образ агрессора, в частности, воспроизводят модель коммуникативного акта агрессии. На основе того, что значительную часть опыта современный человек черпает из источников, опосредующих реальный контакт с ситуацией (СМИ, Интернет, «сарафанное» радио, клубы по интересам, группы сверстников) [Дридзе, 1984],

можно предположить, что транслируемые подобными информационными «агентами» установки влияют на структуру и содержание индивидуальной картины мира реципиента.

Мы полагаем, что распознавание лексико-семантической модели перцептивного образа акта агрессии при анализе текстов институциональных медиа будет способствовать более глубокому пониманию эффекта психологического заражения, возникающего у массового реципиента, укажет на возможные текстовые триггеры при актуализации ответной (речевой и/или поведенческой) реакции и поможет точнее интерпретировать поведение людей, ставших объектами манипулирования образом врага. В связи с этим теоретической целью проводимой исследовательской работы является описание текущей лексико-семантической модели перцептивного образа акта агрессии с опорой на лексикографические источники и на тексты институциональных СМИ. Практической целью проводимого нами исследования выступает создание тематического многоуровневого словаря, обобщающего вербализованные представления реципиентов об акте агрессии.

Материал и методы

В силу того, что, по утверждению ученых, понятие «агрессия» до сих пор имеет достаточно размытые границы, трудно операционализируется, поскольку в его составе обязательным компонентом является намеренность действий, цель которых – причинение ущерба объекту агрессии (подробно см.: [Берковиц, 2001; Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014]), акцент в настоящем исследовании делается на перцептивный образ агрессии, то есть представление о том, что такое агрессия, а не на оценку реального ущерба в результате акта агрессии. В частности нас интересует вербализация представлений об агрессии в различных текстовых и дискурсивных источниках, которые служат своего рода «рефлексивными записями» человечества относительно своего опыта. В связи с этим проводится анализ вербальных единиц, ассоциируемых с агрессией, отраженных в словарях и актуализирующихся в текстах современных институциональных СМИ.

Как отмечает О.В. Головашина, современные лингвисты считают ассоциативность важнейшим качеством слова [Головашина, 2015, с. 67], понимая под ней «способность единиц лексического уровня вызывать в сознании носителей языка ассоциации с системой мира, миром понятий и явлениями окружающей действительности» [Бабенко, 2004, с. 26]. Связи между образами действительности, репрезентируемыми в языковом сознании носителей определенной лингвокультуры, называются ассоциациями. По мнению психолингвистов, практически любое слово-стимул может вызвать систему реакций (ассоциатов²).

Словари являются источниками нормативных знаний / представлений о языке, который, в свою очередь, в вербальной форме репрезентирует знания о мире, языковое сознание носителей языка, языковую структуру действительности. В связи с этим поиск ответа на вопрос о возможности построения лексико-семантической модели перцептивного образа акта агрессии необходимо начать с обращения к существующим толковым словарям. Медийная массовая среда характеризуется как более реактивная, отражающая актуальное состояние общественной жизни, ее наиболее устойчивые модели социального взаимодействия, в том числе репрезентанты видов и форм агрессии, реализуемой в речи и вербальными средствами. В связи с этим, как мы уже отмечали, целесообразно говорить о текстах СМИ как о лингвокультурологических источниках воспроизводства моделей агрессивного поведения [Комалова, 2020, с. 31].

В соответствии с рабочей гипотезой исследования мы предполагаем, что зафиксированные в словарях и актуализирующиеся в текстах современных институциональных СМИ представления об акте агрессии соотносятся друг с другом при условии, что в сознании реципиентов они строятся на основе ассоциативных связей.

Указанные особенности разных типов источников обусловили выбор двух выпусков словаря «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь» (Потапова, Комалова, 2015; 2017) в качестве материала исследования. Поскольку методика отбора языковых фактов для сло-

варя связана с этапами описания лексико-семантической модели перцептивного образа акта агрессии, она охарактеризована в следующем разделе статьи.

Результаты и обсуждение

Моделирование перцептивного образа акта агрессии, основанное на вербальных реакциях (ассоциатах) группы респондентов на вербальные стимулы (словарные единицы и тексты институциональных СМИ), целесообразно начать с последовательного описания процедуры сбора ассоциатов и их анализа, которая применялась при составлении словаря «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь» (Потапова, Комалова, 2015; 2017).

Словник *первого выпуска* словаря (Потапова, Комалова, 2015) был сформирован авторами на материале 30 русскоязычных словарей различного профиля: толковых, специальных, энциклопедических, словарей синонимов, антонимов, фразеологизмов, заимствований, словарей идиоматики, сленга, жаргона, аргос. Реципиентам³ (группа из 48 женщин и 8 мужчин, средний возраст составил 20 лет) предлагалось просмотреть словарные единицы этих словарей и указать те лексемы, которые, по их мнению, ассоциируются с агрессией. Всего для словника было отобрано 526 единиц.

Далее ко всем отобраным таким образом лексемам были добавлены дефиниции, представленные в толковых словарях. После проведения анализа словарных дефиниций количество лексем, относимых к «словарным» ассоциатам агрессии, было уточнено до 776 единиц. В состав корпуса были включены наиболее частотные единицы, в первое и второе значение которых входят компоненты, соотносимые с системным подходом к исследованию агрессии (см. подробно: [Комалова, 2020, с. 27–28]), а также, по нашему предположению, более устойчивые к влиянию контекста, в котором они употребляются, например: *оружие, агрессия, война, убийство, преступление, насилие, конфликт, угроза, нападение, боевик, жертва, ранение; военный, вооруженный, ядерный, жестокий, террористический, агрессивный, уголов-*

ный; убивать / убить, погибать / погибнуть, обвинить / обвинять, уничтожить, умереть / умирать, угрожать, ранить; жестоко; против и др.

Затем проведено структурирование полученных данных. Лексемы были объединены в лексико-семантические категории (табл. 1). В первом выпуске словаря значения словарных единиц иллюстрируются примерами из художественных произведений и публицистических текстов (всего 320 источников).

Словник *второго выпуска* словаря (Потапова, Комалова, 2017) формировался на основе результатов, полученных в ходе экспериментального исследования по методу модифицированного ассоциативного эксперимента с опорой на текст из корпуса русскоязычных текстов печатных СМИ (подробно см.: [Комалова, 2020, с. 142–151]). Реципиентам (группа из 86 женщин и 12 мужчин, средний возраст составил 21 год) предлагалось прочитать русскоязычные тексты (120 текстов, 47 739 словоформ) и отметить те лексемы, которые ассоциируются с агрессией. Таким образом было отобрано 979 единиц. Большая часть из них соответствовала единицам, включенным в первый выпуск словаря. Часть лексем была исключена из словника после анализа дефиниций. Уточнение проводилось по тому же принципу, что и при составлении первого выпуска. Во второй выпуск словаря вошли 472 единицы («текстовых» ассоциатов), отличные от лексем, вошедших в первый выпуск, например: *опасность, запугивание, хакер, резня, труп, миграция, оппозиционер; прилюдный, беспощадный, неэтичный, порочащий; ворваться, лишить, ликвидировать, критиковать; категорично, неприятно* и др.

Обращение к контекстному употреблению лексем, ассоциируемых реципиентами с агрессией («текстовые» ассоциаты), позволило более точно и логично распределить отобранные лексемы по лексико-семантическим категориям (см. табл. 1). Толкования лексем, вошедших во второй выпуск словаря, давались на основе 34 русскоязычных лексикографических источников различного профиля. Для иллюстрации значений в словаре использованы примеры из публицистических текстов современных институциональных СМИ (198 источников).

Таблица 1. Распределение лексем по лексико-семантическим категориям

Table 1. Lexicosemantic categories distribution

Первый выпуск словаря		Второй выпуск словаря	
Лексико-семантическая категория / количество лексем	Примеры	Лексико-семантическая категория / количество лексем	Примеры
Наступательная агрессия / 260	<i>атаковать, бомбить, вторгаться, дерзить, заколоть, издеваться, кошмарить, наезжать, оскорбить, стебаться, угнетать, чернить</i>	Номинации видов и форм агрессии / 148	<i>бой, взломать, демонстрация, жалоба, задушить, истязать, оквернить, побои, резня, суицид, травмирование</i>
Лексемы-оскорбления и лексемы-провокации / 58	<i>гнида, истеричка, тупезень, чучмек</i>	Качества агрессивных действий / 46	<i>вопреки, жуткий, мучительно, насмерть, преступный</i>
Виды и формы агрессивного поведения / 56	<i>брюзжание, вандализм, злословие, козни, троллинг</i>	—	—
Типы актов агрессии / 49	<i>восстание, домогательство, избиение, обстрел, саботаж, убийство</i>	—	—
Защитная (оборонительная) агрессия / 14	<i>отпор, протестовать, противостоять</i>	—	—
Субъект агрессии (агрессор) / 63	<i>банда, враг, диктатор, каратель, мучитель, узурпатор</i>	Субъект агрессии (агрессор) / 26	<i>группировка, маньяк-убийца, насильник, садист экстремист</i>
Индивидуально-личностные качества агрессивного субъекта / 121	<i>аморальный, баламут, вспыльчивый, гневный, жестокий, кровопийца, озлобленный</i>	Качества субъекта агрессии (агрессора) / 20	<i>безнравственный, воинственный, импульсивный, корыстный, подлый, циничный</i>
Объект агрессии (жертва) / 18	<i>пострадавший, раб, узник</i>	Объект агрессии (жертва) / 8	<i>бездомный, пленный</i>
—	—	Качества объекта агрессии (жертвы) / 9	<i>неудобный, раненый, уязвимый</i>
—	—	Третье лицо, вовлеченное в акт агрессии / 31	<i>адвокат, миротворец, наемник, пособник, силовик</i>
—	—	Качества третьего лица, вовлеченного в акт агрессии / 4	<i>военный, надзорный</i>
Агрессия как эмоциональное состояние / 103	<i>бесноваться, вне себя, напрягать, омерзение, ударяться в амбицию</i>	Компоненты эмоционально-модального комплекса «агрессия» / 25	<i>апатия, вина, истерика, опасаться, паника, тревожить, ужас, шок</i>
Агрессивные процессы и социальные системы / 18	<i>авторитаризм, диктатура, инквизиция, экстремизм</i>	Агрессивные процессы и социальные системы / 13	<i>геноцид, коррупция, миграция, рабство</i>
Последствия агрессивных действий / 16	<i>довести до ручки, сияк, урон</i>	Последствия агрессии / 51	<i>беспорядок, кризис, обострение, ранение, увечье, шрам</i>
—	—	Инструменты реализации и регулирования агрессии / 63	<i>бита, истребитель, кулак, суд, тюрьма, химоружие, штраф</i>
—	—	Качества инструментов реализации и регулирования агрессии / 28	<i>взрывной, зенитный, ножевой, отравляющий, слезоточивый</i>
Всего: 776 лексем		Всего: 472 лексемы	

В соответствии с данными таблицы 1 видно, что две категории второго выпуска словаря («Номинации видов и форм агрессии» и «Качества агрессивных действий») объединяют пять категорий первого выпуска словаря («Наступательная агрессия», «Лексемы-оскорбления и лексемы-провокации», «Виды и формы агрессивного поведения», «Типы актов агрессии» и «Защитная (оборонительная) агрессия»). Ряд категорий остался неизменным, например, категории «Объект агрессии (агрессор)» или «Агрессивные процессы и социальные системы». Наряду с этим на материале «текстовых» ассоциатов были выделены новые лексико-семантические категории (в таблице 1 они отмечены полужирным шрифтом). В результате анализа данных по каждой лексико-семантической категории выявлены следующие особенности распределения лексем по лексико-семантическим категориям:

1) преобладающим классом лексем и в первом (суммарно 437 единиц), и во втором (суммарно 194 единицы) выпусках словаря является класс действий и качеств действий, описывающих акт агрессии (например: *восстание, глумление, запугивание, ограбление, дискриминация, суицид*)⁴:

(1) Хулиганы **громят** и **поджигают** все на своем пути, **нападают** на полицейские участки, **грабят** магазины;

(2) В ходе расследования выяснилось, что девушка накануне убийства обращалась за помощью к полиции, заявив, что подверглась **нападению** со стороны Валерия, который пытался ее **задушить**;

(3) Иран на фоне визита в Израиль президента США Барака Обамы вновь предупредил, что «**сравняет с землей**» Тель-Авив и Хайфу в случае израильского нападения;

2) в исследуемом подмножестве лексических единиц лексемы с деструктивной коннотацией доминируют (для первого выпуска суммарно 744 единицы с отрицательной коннотацией против 32 единиц с положительной коннотативной составляющей; для второго выпуска лексемы с отрицательной и с положительной коннотацией соотносятся как 420 к 52, соответственно), например: *происшествие* (–), *синяк* (–); *оскорбить / оскорблять* (–), *извращать* (–), *пострадать* (–); *разбойный* (–), *неправомерный* (–); *насилно* (–)

и др.; *оборона* (+), *освобождение* (+), *законодательство* (+), *профилактика* (+); *извиняться / извиниться* (+); *контртеррористический* (+), *мирный* (+); *справедливо* (+) и др.;

3) в корпусе «текстовых» ассоциатов представлена лексико-семантическая категория «Третье лицо, вовлеченное в акт агрессии» (например: *спецназовец, юрист, следователь*), что говорит в пользу предположения о несбалансированности пары «агрессор – жертва» в вербализованной модели акта агрессии (подробно см.: [Комалова, 2020, с. 163–170]), например:

(4) По некоторым сведениям, именно они, стоя среди собравшихся граждан, бросали в оцепление асфальт и камни, а когда начинались задержания, уходили за спины **омоновцев**;

(5) Очередное нападение боевиков на тюрьму показало полную неспособность иракских **сил безопасности** противостоять боевикам;

4) в корпусе «текстовых» ассоциатов также была выделена категория «Инструменты реализации и регулирования агрессии», которая отчасти присутствует в первом выпуске словаря в виде категории «Лексемы-оскорбления и лексемы-провокации», например:

(6) **Истребители ударили по позициям** исламистов в нескольких городах на севере страны;

(7) 56 человек погибли и еще 200 пострадали при взрывах **начиненных взрывчаткой автомобилей и придорожных мин**;

(8) Эта женщина начала собирать деньги, чтобы сделать экспертизу, определить каким **ядом** собаку **отравили**.

Задачей заключительного этапа исследования было определение того, насколько репрезентативными являются отобранные единицы, действительно ли лексемы, ассоциируемые реципиентами с агрессией, актуализируются в контекстах, описывающих акты агрессии. Для каждой лексемы корпуса «текстовых» ассоциатов (979 единиц) была подсчитана частота словоупотреблений в полнотекстовом корпусе институциональных СМИ, из которого отбирались единицы корпуса «текстовых» ассоциатов, и частота упоминания данной лексемы в качестве ассоциата. Вычисленный коэффициент репрезентативности выступает аналогом коэффициента совпадений для конкретной лексемы и указы-

вает на долю совпадения словарного значения слова, имеющего компонент «агрессия», со значением, которое реципиент в текстовом контексте интерпретирует как агрессия.

Полное (100 %) совпадение значений было зафиксировано для 35,345 % единиц, то есть треть исследуемых лексем, в языковом сознании испытуемых – носителей русского языка – соотносимых с агрессией, воспроизводится в текстах современных русскоязычных институциональных СМИ в контекстах, ассоциируемых с агрессией. Проверка данного предположения при помощи непараметрического критерия значимости G (критерия знаков Мак-Немара)⁵ подтвердила достоверность полученных данных при $p < 0,01$.

Далее лексические единицы были перераспределены в соответствии с грамматическими категориями (табл. 2).

Проверка полученных данных при помощи непараметрического критерия значимости L (критерий тенденций Пейджа) показала, что количественное распределение словоупотреблений лексем и ассоциатов по грамматическим категориям достоверно при $p = 0,001$. Самой представительной является грамматическая категория имен существительных, за ней следуют (от большего к меньшему) глаголы, имена прилагательные, наречия и предлоги. Расчет

коэффициента репрезентативности исследуемых лексем в соответствии с грамматическими категориями представлен в таблице 3.

Наряду с этим не подтвердилась статистическая достоверность различий между частотой словоупотреблений лексем и частотой ассоциатов, распределенных по грамматическим категориям. Следовательно, частота словоупотреблений исследуемого корпуса лексем в сознании реципиентов не превышает частоты ассоциирования с агрессией данных лексем при распределении по грамматическим категориям.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает полученные нами ранее результаты о том, что в лексикографических источниках и текстах современных институциональных СМИ на русском языке широко представлены лексические единицы, реципиентами ассоциируемые с агрессией [Комалова, 2022].

Опыт конструирования тематического словаря на основе модифицированного ассоциативного эксперимента продемонстрировал продуктивность разработанного дизайна исследования перцептивного образа акта агрессии на материале русскоязычных источников.

Таблица 2. Распределение лексем по грамматическим категориям

Table 2. Grammar categories distribution

Грамматические категории	«Текстовые» ассоциаты	Суммарно словоупотреблений	Суммарно «текстовых» ассоциатов
Имена существительные	528	4 581	1 435
Имена прилагательные	219	1 171	439
Глаголы	209	1 228	454
Наречия	22	72	32
Предлоги	1	79	12
<i>Всего</i>	<i>979</i>	<i>7 131</i>	<i>2 372</i>

Таблица 3. Коэффициент репрезентативности лексем, ассоциируемых с агрессией

Table 3. Representativeness of lexemes associated with aggression coefficient

Коэффициент репрезентативности, %	Распределение по грамматическим категориям			
	Имена существительные	Глаголы	Имена прилагательные	Наречия + предлоги
100 % = x (полное совпадение)	32,57	31,57	42,46	34,78
100 % > x > 75 %	2,27	7,17	3,19	0
75 % > x > 50 %	26,51	26,79	26,48	39,13
50 % > x > 25 %	21,78	15,78	12,78	4,35
25 % > x > 0 %	16,85	18,66	15,06	21,73

По нашему мнению, такой опыт расширяет отраженное в «Большой российской энциклопедии» понимание словаря как справочной книги, «которая содержит слова, расположенные в определенном порядке. <...> ...Выполняет информативную... коммуникативную... и нормативную» функции [Гак], и позволяет дополнить его функцией моделирования актуальных представлений об объектах и явлениях действительности. Однако при таком подходе словарь следует рассматривать как динамическую сущность, требующую постоянной модификации, а не только пополнения.

В дальнейшем необходимо проверить предположение о том, что языковой материал (источниковая база) для ассоциирования является фактором, влияющим на состав компонентов результирующей модели (как было отмечено и в нашем опыте – см. набор категорий в таблице 1), на материале художественной литературы XX–XXI вв., речевой продукции пользователей социальных интернет-сетей и массового комментирующего дискурса⁶, а также провести качественное и количественное сопоставление полученных данных по предложенной нами аналитической схеме.

Состав и количественное соотношение лексико-семантических категорий демонстрируют фокусы акцентирования внимания реципиентов (и, предположительно, последующего осмысления, рефлексии) при реконструкции и идентификации акта агрессии в реальности. Так, альфа-категориями для двух выпусков составленного нами словаря являются «виды и формы агрессии» (совокупно первые пять категорий первого выпуска составили 437 единиц / 56,3 %, две первые категории второго выпуска – 194 единицы / 41,1 %) и «актор» (совокупно следующие четыре категории первого выпуска составили 305 единиц / 39,3 %, семь следующих категорий второго выпуска – 123 единицы / 26,1 %).

Эта лексико-семантическая структура перцептивного образа акта агрессии свидетельствует о первостепенности номинации явления и затем определения в рамках этого явления места и роли субъекта. Такая ориентированность может отчасти объясняться и жанром анализируемых полнотекстовых корпусов (статьи и репортажи различных СМИ), однако, учитывая тот факт, что анализу под-

вергаются вербальные ассоциаты, фиксируемые в языковом сознании носителя языка, а не словоупотребления, точнее было бы предположить, что фактор «жанр текста» влияет на восприятие испытуемых в меньшей мере, нежели когнитивный фактор.

Полученные нами данные подтверждают стереотипное представление об агрессии как о негативном деструктивном явлении. При этом они свидетельствуют и о наличии представлений о конструктивной оборонительной функции агрессии (4,1 % «словарных» ассоциатов и 11 % «текстовых» ассоциатов).

Выявленная лексико-семантическая модель перцептивного образа акта агрессии частично говорит в пользу выдвинутой гипотезы о соотнесенности представлений об акте агрессии, зафиксированных в словарях и актуализирующихся в текстах современных институциональных СМИ. В целом результирующая модель перцептивного образа акта агрессии позволяет уточнить бытующее⁷ общее определение понятия «агрессия»: акт агрессии может осуществляться как с целью причинения вреда, так и с целью защиты, кроме агрессора и жертвы в нем могут участвовать третьи стороны, агрессия может реализовываться как личностная характеристика субъекта, как ситуативная реакция в форме эмоционального состояния, агрессивные свойства могут проявляться в действиях социальных систем, агрессия поддается регулированию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН» по теме «Новейшие тенденции в развитии гуманитарной мысли России и Запада: философские течения, развитие культурологии и духовная жизнь общества в цифровую эпоху».

The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences”, project “The latest trends in the development of humanitarian thought in Russia and the West: philosophical movements, the development of Cultural Studies and the spiritual life of society in the digital era”.

² В теории речевой коммуникации ассоциат – «информационный файл (организационная единица тезауруса, словаря личности говорящего), состоящий из номинатов – слов, актуализируемых в сознании говорящего на конкретном этапе речевой коммуникации [Лагута, 2000, с. 15]. Ассоциатом выступает слово, возникшее в сознании испытуемого в ответ на предъявленную лексическую единицу [Азимов, Щукин, 2009, с. 21].

³ Все участники исследования прошли процедуру информированного согласия.

⁴ Примеры контекстов приводятся по второму выпуску словаря.

⁵ Статистические расчеты осуществляли по: [Сидоренко, 2003].

⁶ Подробно о комментирующем дискурсе см.: [Комалова, 2024; 2025].

⁷ Ср., например, с определением, представленным в «Большой российской энциклопедии»: «Агрессия – это мотивированное деструктивное поведение, направленное на нанесение вреда объектам нападения (в том числе с целью вызвать отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и т. п.)» [Агрессия].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агрессия // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/agressiia-10ad5c>
- Азимов Э. Г., Щукин А. Н., 2009. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Икар. 448 с.
- Бабенко И. И., 2004. Об ассоциативности как универсальном коммуникативном свойстве языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 1. С. 25–28.
- Берковиц Л., 2001. Агрессия: причины, последствия, контроль. СПб. : Прайм-Еврознак. 512 с.
- Вайсгербер Й. Л., 2004. Родной язык и формирование духа. М. : Едиториал УРСС. 232 с.
- Гак В.Г. Словарь // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3626095?ysclid=m7hs2r8w6i920703112>
- Головашина О. В., 2015. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. № 7. С. 64–71.
- Дридзе Т. М., 1984. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / отв. ред. И. Т. Левыкин. М. : Наука. 272 с.
- Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В., 2014. Агрессия в обыденной жизни. М. : Полит. энцикл. 493 с.
- Комалова Л. Р., 2020. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. 2-е изд., стер. М. : Спутник+. 275 с.
- Комалова Л. Р., 2022. Параметры типологизации агрессии, вербализованной в письменном тексте / дискурсе // Этнопсихоллингвистика. № 3 (10). С. 7–25. DOI: 10.31249/epl/2022.03.01
- Комалова Л. Р., 2024. Возможна ли экстернализация киноопыта посредством комментирующего дискурса (на основе отзывов и квазирецензий пользователей сайтов «Афиша» и «Кинопоиск»)? // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 2 (58). С. 72–93. DOI: 10.31249/chel/2024.02.04
- Комалова Л. Р., 2025. Семантическая карта сказки «Снежная королева»: о чем говорят частоты? // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 2 (62). С. 69–88. DOI: 10.31249/chel/2025.02.04
- Кошкарлова Н. Н., 2008. Конфликтный дискурс: психологические и лингвистические аспекты. Челябинск : Южно-Урал. гос. ун-т. 231 с.
- Лагута О. Н., 2000. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: учебный словарь терминов / отв. ред. Н. А. Лукьянова. Ч. 2. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. 147 с.
- Лоренц К., 2009. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г. Швейник. М. : Римис. 352 с.
- Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В., 2022. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М. : Флинта. 160 с.
- Плотникова А. М., 2018. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург ; М. : Кабинет. ученый. 197 с.
- Сидоренко Е. В., 2003. Методы математической обработки в психологии. СПб. : Речь. 350 с.
- Шейгал Е. И., 2004. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис. 324 с.
- Bandura A., 1973. Aggression: A Social Learning Analysis. Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice Hall. 1116 p.
- Berkowitz L., 1993. Aggression: Its Causes, Consequences, and Control. N. Y. : McGraw-Hill. 520 p.
- Buss A. H., 1961. The Psychology of Aggression. N. Y. : Willy. 307 p.
- Mansilla P. A., Mellado B. C., 2015. El campo conceptual agresión verbal en la fraseología alemán-español desde un enfoque cognitivo // Neophilologische Mitteilungen. Bulletin of the Modern Language Society. Vol. ICXVI. P. 113–132.
- Потапова Р. К., Комалова Л. Р., 2015. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии:

СЛОВАРИ

Потапова Р. К., Комалова Л. Р., 2015. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии:

- тематический толковый словарь. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН. 146 с.
- Потапова Р. К., Комалова Л. Р., 2017. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН. 124 с. URL: https://inion.ru/site/assets/files/2697/2017_tts_verbal_naia_struktura_agressii.pdf

REFERENCES

- Aggressiya [Aggression]. *Bolshaya russiyskaya entsiklopedia* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/c/agressiia-10ad5c>
- Azimov E.G., Shchukin A.N., 2009. *Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodical Terms and Concepts]. Moscow, Ikar Publ. 448 p.
- Babenko I.I., 2004. Ob assotsiativnosti kak universalnom kommunikativnom svoystve yazyka [On Associativity as a Universal Communicative Property of Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], vol. 1, pp. 25-28.
- Berkowitz L., 2001. *Aggressiya: prichiny, posledstviya, control* [Aggression: Its Causes, Consequences and Control]. Saint Petersburg, Praim-Evroznak Publ. 512 p.
- Weisgerber J.L., 2004. *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Native Language and the Formation of Spirit]. Moscow, Editorial URSS Publ. 232 p.
- Gak V.G. Slovar [Dictionary]. *Bolshaya russiyskaya entsiklopedia* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3626095?ysclid=m7hs2r8w6i920703112>
- Golovashina O.V., 2015. Assotsiativnyy eksperiment dlya izmereniya grazhdanskoy identichnosti [Civil Identity of a Russian: Associative Experiment Using Visual Intermediaries]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 7, pp. 64-71.
- Dridze T.M., 1984. *Tekstovaya deyatel'nost v strukture sotsialnoy kommunikatsii: problemy semiosotsiopsikhologii* [Textual Activity in the Structure of Social Communication: Issues of Semiosociopsychology]. Moscow, Nauka Publ. 272 p.
- Enikolopov S.N., Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V., 2014. *Aggressiya v obydennoy zhizni* [Aggression in Everyday Life]. Moscow, Polit. entsikl. Publ. 493 p.
- Komalova L.R., 2020. *Aggressogenyy diskurs: tipologiya multilingvalnoy verbalizatsii agressii* [Aggressogen Discourse: The Multilingual Aggression Verbalization Typology]. 2nd ed. Moscow, Sputnik + Publ. 275 p.
- Komalova L.R., 2022. Parametry tipologizatsii agressii, verbalizovannoy v pismennom tekste / diskurse [Typology Parameters of Aggression Verbalized in Written Text / Discourse]. *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics], vol. 3, no. 10, pp. 7-25. DOI: 10.31249/epl/2022.03.01
- Komalova L.R., 2024. Vozmozhna li eksternalizatsiya kinoopyta posredstvom kommentiruyushchego diskursa (na osnove otzyvov i kvaziretsenziy polzovateley saytov «Afisha» i «Kinopoisk»)? [Is It Possible to Externalize Filmic Experience Through Commenting Discourse (Based on “Afisha” and “Kinopoisk” Users’ Reviews)?]. *Chelovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], no. 2 (58), pp. 72-93. DOI: 10.31249/chel/2024.02.04
- Komalova L.R., 2025. Semanticheskaya karta skazki «Snezhnaya koroleva»: o chem govoryat chastoty? [Semantic Map of “The Snow Queen” Fairy Tale: What Do Word Frequencies Show Us?]. *Chelovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], no. 2 (62), pp. 69-88. DOI: 10.31249/chel/2025.02.04
- Koshkarova N.N., 2008. *Konfliktnyy diskurs: psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty* [Conflict Discourse: Psychological and Linguistic Aspects]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. gos. un-t. 231 p.
- Laguta O.N., 2000. *Stilistika. Kultura rechi. Teoriya rechevoy kommunikatsii: uchebnyy slovar terminov* [Stylistics. Speech Culture. Theory of Speech Communication: Educational Dictionary of Terms]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t. 147 p.
- Lorenz K., 2009. *Aggressiya (tak nazyvaemoe zlo)* [Aggression (So-Called Evil)]. Moscow, Rimis Publ. 352 p.
- Petrova N.E., Ratsiburskaya L.V., 2022. *Yazyk sovremennykh SMI. Sredstva rechevoy agressii* [Language of Modern Media. Means of Speech Aggression]. Moscow, Flinta Publ. 160 p.
- Plotnikova A.M., 2018. *Konfliktnaya kommunikatsiya v aspekte sudebnoy lingvistiki* [Conflict Communication in the Aspect of Forensic Linguistics]. Yekaterinburg, Moscow, Kabinet. ucheny Publ. 197 p.
- Sidorenko E.V., 2003. *Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii* [Statistical Methods in Psychology]. Saint Petersburg, Rech Publ. 350 p.
- Sheygal E.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 324 p.
- Bandura A., 1973. *Aggression: A Social Learning Analysis*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall. 1116 p.
- Berkowitz L., 1993. *Aggression: Its Causes, Consequences, and Control*. New York, McGraw-Hill. 520 p.

- Buss A.H., 1961. *The Psychology of Aggression*. New York, Wiley. 307 p.
- Mansilla P. A., Mellado B. C., 2015. El campo conceptual agresión verbal en la fraseología alemán-español desde un enfoque cognitivo. *Neophilologische Mitteilungen. Bulletin of the Modern Language Society*, vol. ICXVI, pp. 113-132.

DICTIONARIES

- Potapova R.K., Komalova L.R. 2015. *Verbalnaya struktura komunikativnogo akta agressii:*

tematicheskij tolkovyy slovar. Vyp. 1 [Verbal Structure of Communicative Act of Aggression: Thematic Explanatory Dictionary. Iss. 1]. Moscow, INION RAN. 146 p.

- Potapova R.K., Komalova L.R., 2017. *Verbalnaya struktura komunikativnogo akta agressii: tematicheskij tolkovyy slovar. Vyp. 2* [Verbal Structure of Communicative Act of Aggression: Thematic Explanatory Dictionary. Iss. 2]. Moscow, INION RAN Publ. 124 p. URL: https://inion.ru/site/assets/files/2697/2017_tts_verbal_naia_struktura_agressii.pdf

Information About the Author

Liliya R. Komalova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher and Head of the Centre for Emerging Practices, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, komalova@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

Информация об авторе

Лилия Ряшитовна Комалова, доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик, Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия, komalova@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

ЭКСПЛИКАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.5>

UDC 811.161.1:659.123.4

LBC 81.411.2-55

Submitted: 29.11.2024

Accepted: 31.03.2025

MANIPULATING IMPLICIT MEANINGS IN RUSSIAN POLYCODE TEXTS OF ADVERTISING MEDICAL PRODUCTS AND SERVICES ¹

Timur B. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article examines language manipulating models through the actualization of implicit meanings in Russian polycode texts of advertising of medical products and services. The methods of cognitive-and-discursive analysis of Internet content are used. The source of manipulative strategies actualization in polycode content is shown to be constituted by a set of implicit meanings laid down by the creators of the texts or not controlled by them, which arise in the operating environment of verbal and non-verbal components interaction in the polycode object. Two ways of interaction of the verbal and non-verbal components are analyzed: the non-verbal component serves as a background and enhances the content of the verbal series; the verbal component is based on the literal content of the non-verbal series for the purpose of its ironic rethinking. The connection between the phenomena of manipulation with implicit meanings in a polycode advertising text and models of language anomalies of conceptual, communicative-and-pragmatic or linguistic proper type is revealed. It is concluded that the polycode nature of an advertising text, which exploits manipulative communicative strategies, enhances the attractiveness of the content and its perlocutionary impact. The study also has significant potential for law enforcement practice in terms of improving the technology of conducting judicial and extra-judicial linguistic expertise in cases when advertisement is misleading, unfair, or it contradicts public interests.

Key words: polycode content, advertising text, advertising of medical products and services, language manipulation, implicit meaning, cognitive-and-discursive analysis, modern Russian speech.

Citation. Radbil T.B. Manipulating Implicit Meanings in Russian Polycode Texts of Advertising Medical Products and Services. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 54-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.5>

УДК 811.161.1:659.123.4

ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 29.11.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ИМПЛИЦИТНЫМИ СМЫСЛАМИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ МЕДИЦИНСКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ ¹

Тимур Беньюминович Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье описаны модели языкового манипулирования посредством актуализации имплицитных смыслов в русскоязычных поликодовых текстах рекламы медицинских товаров и услуг. Использована

методика когнитивно-дискурсивного анализа интернет-контента. Показано, что источником актуализации манипулятивных стратегий в поликодовом контенте является совокупность заложенных создателями текста или не контролируемых ими имплицитных смыслов, которые возникают в операционной среде взаимодействия вербального и невербального компонентов поликодового объекта. Выделены два способа взаимодействия вербального и невербального компонентов: невербальный компонент в роли фона усиливает содержание словесного ряда; вербальный компонент отталкивается от буквального содержания невербального ряда в целях его иронического переосмысления. Установлена связь манипулирования имплицитными смыслами в поликодовом рекламном тексте с моделями языковой аномальности концептуального, коммуникативно-прагматического или собственно языкового типа. Сделан вывод о том, что поликодовый характер рекламного текста, эксплуатирующего манипулятивные коммуникативные стратегии, усиливает аттрактивность контента и его воздействующий эффект. Исследование имеет значительный потенциал для правоприменительной практики в плане усовершенствования технологии производства судебной и внесудебной лингвистической экспертизы по делам о недобросовестной, недостоверной или противоречащей общественным интересам рекламе.

Ключевые слова: поликодовый контент, рекламный текст, реклама медицинских товаров и услуг, языковое манипулирование, имплицитный смысл, когнитивно-дискурсивный анализ, современная русская речь.

Цитирование. Радбиль Т. Б. Манипулирование имплицитными смыслами в русскоязычных поликодовых текстах рекламы медицинских товаров и услуг // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 54–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.5>

Введение

Для речевых практик социума в последние десятилетия характерна активизация новых принципов текстообразования, связанных с экспансией текстов нового типа – поликодовых, или креолизованных, в том числе тех, которые актуализируются в коммуникативной среде Интернета [Ворошилова, 2007; Радбиль, Помазов, 2020; Facchinetti, 2021]. В них во взаимодействии вербальной с изобразительной составляющей создается новое качество традиционных коммуникативных, прагматических, структурных и собственно языковых компонентов текста. Особенно ярко это проявляется в таких типах дискурса, где воздейственный аспект, категории персуазивности и аттрактивности играют структурообразующую роль [Глинчевский, 2005]. К таковым дискурсам, наряду с политическим, медийным и художественным, несомненно, относится и рекламный дискурс [Ежова, 2018; Рекламный дискурс..., 2021].

Усиление внимания исследователей к языковой и прагмалингвистической организации рекламных текстов отмечается примерно с начала 60-х гг. XX в. [Leech, 1966]. В наше время лингвистическое рекламоведение уже имеет четкие научные институциональные очертания, диверсифицированную проблематику и солидный аналитический инструментарий, о чем свидетельствуют работы последнего времени (см., например: [Shin, Yu, 2021];

Воронцова, 2023; Карчава, Ефимова, 2023; Самедова, Пестова, 2023]). Нас прежде всего интересует манипулятивный аспект рекламного дискурса, отмечаемый многими учеными [Lakoff, 1982; Пирогова, Баранов, Паршин, 2000; Медведева, 2003]. Именно в рекламном дискурсе в концентрированном виде воплощаются всевозможные манипулятивные речевые стратегии и тактики, задействующие все уровни языка и имеющие комплексный характер [Булыгина, Шмелев, 1997; Гурочкина, 2003; Иссерс, 2003]. Для нашего исследования представляется важным тот факт, что манипулятивный потенциал рекламных текстов имеет свою специфику, которая возникает при их порождении и функционировании в поликодовом формате.

Непосредственным объектом предпринятого исследования являются поликодовые рекламные тексты, бытующие в особой области, которую иногда принято условно именовать «коммуникация в сфере здравоохранения» или «дискурсивные практики в сфере здравоохранения» [Jones, Watson, 2012; Иссерс, 2021].

Таким образом, можно сформулировать цель исследования – описание языковых и прагмалингвистических механизмов манипулирования в поликодовых текстах рекламы медицинских товаров и услуг.

К рекламе медицинских товаров и услуг в обществе справедливо предъявляются осо-

бые требования, поскольку указанные товары и услуги непосредственно касаются здоровья нации. Как представляется, определенная свобода в обращении с манипулятивными техниками, которую демонстрируют наблюдаемые нами многочисленные агрессивные маркетинговые кампании товаров и услуг другого типа, здесь должны разумным образом ограничиваться. Не случайно значительный кластер рекламных текстов именно в этой области зачастую становится объектом правоприменительной практики и, как следствие, судебной лингвистической экспертизы [Чубина, 2019]. Тем самым исследование приобретает не только теоретический интерес, но и сугубо прикладную, практическую значимость.

Материал и методы

Материалом для исследования послужила выборка представленных в среде русскоязычного Интернета поликодовых текстов рекламы медицинских и косметических товаров и услуг, полученная в результате авторского интернет-мониторинга. Объем материала составляет 112 поликодовых рекламных текстов.

Использована разрабатываемая нами методика когнитивно-дискурсивного анализа интернет-контента [Радбиль, Помазов, 2020; Русский язык..., 2021; Радбиль, 2023], которая основана на зарубежных исследованиях в области когнитивной прагматики [Ogg, Ariel, 2021] и экспериментальной прагматики [Noveck, 2021], а также на теории и практике отечественного концептуального анализа [Радбиль и др., 2020] и комплексного описания активных процессов в русском языке [Новые тенденции..., 2016].

Непосредственная исследовательская процедура заключается в выявлении и интерпретации заложенных создателями текстов или не контролируемых ими имплицитных смыслов, которые возникают в операционной среде взаимодействия вербального и невербального компонентов поликодового объекта. «В случае с поликодовыми медиатекстами могут быть задействованы два способа взаимодействия вербального и невербального компонентов: 1) невербальный компонент в

роли фона усиливает содержание словесного ряда; 2) вербальный компонент отталкивается от буквального содержания невербального ряда в целях его иронического переосмысления» [Радбиль, Помазов, 2020, с. 146].

Имплицитные смыслы могут порождаться за счет активизации (посредством вербального и/или невербального компонента) фоновых знаний аудитории, культурной или энциклопедической информации, в том числе за счет эксплуатации нетрансформированных и трансформированных словесных или изобразительных прецедентных феноменов, что «усиливает аттрактивность контента и его перлокутивный (воздействующий) эффект» [Радбиль, Помазов, 2020, с. 142]. При этом явления манипулирования имплицитными смыслами в поликодовом рекламном тексте как своеобразное выражение лингвокреативности так или иначе коррелируют с моделями языковой аномальности концептуального, коммуникативно-прагматического или собственно языкового характера [Русский язык..., 2021], роль которых в создании воздейственного эффекта также подлежит контентивной интерпретации в ходе исследования.

Результаты и обсуждение

Стратегии речевого воздействия, используемые в русскоязычных поликодовых текстах рекламы медицинских товаров и услуг посредством актуализации имплицитных смыслов, по характеру взаимодействия вербального и невербального компонентов можно условно разделить на две разновидности: 1) вербальный и невербальный компоненты находятся в отношениях смыслового соответствия, концептуальной и/или семантической корреляции, когда основное содержание текста представлено вербальным компонентом, а невербальный компонент только создает фон для словесного ряда либо усиливает эмоциональное воздействие того, что написано, порождая определенное настроение в восприятии адресата; 2) вербальный и невербальный компоненты находятся в отношениях определенной смысловой декорреляции, когда вербальный компонент отталкивается от буквального содержания невербального ряда в целях его иронического переосмысления,

«языковой игры», создания комического эффекта для повышения аттрактивности. При этом используются самые разнообразные манипулятивные приемы, задействующие разные уровни языковой системы и ее речевой реализации.

Явления смысловой корреляции вербального и невербального компонентов

В ряде случаев смысловой акцент падает на вербальный компонент – текст слогана, а изображение выступает фоном, подчеркивающим тематическую сферу функционирования поликодового текста – медицинские услуги (например, узнаваемая фигура врача, как на рисунке 1).

Речевое воздействие в этом примере осуществлено посредством текста, где используется манипулятивная стратегия «навязывание ложной пресуппозиции», или «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию» [Булыгина, Шмелев, 1997; Иссерс, 2003], которая заключается в том, что небесспорное или нуждающееся в доказательстве утверждение помещается в область пресуппозиции как общеизвестный факт, уже доказанная истина (эксплуатируется такое свойство пресуппозиций, как неустранимость, то есть способность сохраняться при общем отрицании пропозиции). В приведенном примере ассертивный компонент: *Доверяя свое здоровье медицинскому центру АВИЦЕННА, вы получаете*

не только высококвалифицированную медицинскую помощь, но и... – посредством традиционной конструкции навязывает потенциальному потребителю пресуппозицию ‘помощь, оказываемая медицинским центром АВИЦЕННА, является высококвалифицированной’, которая воспринимается по умолчанию как истинное суждение, однако, будучи высказанным в ассертивной форме, оно могло бы быть оспорено.

Именно в вербальном компоненте поликодового текста сосредоточен используемый механизм речевого воздействия на рисунке 2: невербальный компонент здесь, как и в рассмотренном выше примере, актуализует в фоновом режиме лишь тематическую область текста посредством изображения врачей.

Используется прием аномального ввода в дискурс трансформированного прецедентного текста [Русский язык ..., 2021], где видоизмененные строки узнаваемой песни из известного фильма «Следствие ведут знатоки» (первоначально: *Если кто-то кое-где у нас порой...* → на выходе: *Если **что-то** кое-где у вас порой...*) получают неожиданное рифмованное продолжение – *значит это геморрой*, идущее вразрез с исходным смыслом пратекста, что создает комический эффект, долженствующий, по мысли создателей рекламы, усилить аттрактивность рекламного предложения. Навязывается ложная инференция – нестрогое умозаключение, которое непосред-

Рис. 1. Реклама медицинского центра «АВИЦЕННА»

Fig. 1. Advertisement of the medical center AVICENNA

Рис. 2. Реклама Международного института современной медицины «Телла ОН клиник Одинцово»

Fig. 2. Advertisement of the International Institute of Modern Medicine Tella ON Clinic Odintsovo

ственно не содержится в ассерции, но которое, в соответствии с замыслом говорящего, адресат должен сформировать самостоятельно: 'лечить геморрой следует именно в этой клинике'. В литературе этот манипулятивный прием трактуется как «подведение к ложному умозаключению», или «воздействие с помощью речевых имплицатур» [Булыгина, Шмелев, 1997; Иссерс, 2003].

Часто невербальный компонент только эмоционально усиливает содержание вербализованного рекламного сообщения, создавая нужное настроение (рис. 3).

Здесь эмоционально насыщенный рекламный слоган косметической клиники – *Создаем идеальные формы* – в вербальном компоненте сопровождается апелляцией к культурным стереотипам аудитории посредством изображения древнегреческой статуи, которая символизирует представление о гармонии, об идеальных пропорциях лица и тела. В литературе подобные семиотические операции трактуются как «манипулирование посредством эмоционально-оценочных средств» [Медведева, 2003; Пирогова, Баранов, Паршин, 2000].

Рис. 3. Реклама клиники «Олимп»

Fig. 3. Advertisement of the clinic Olimp

Иногда использование подобных эффектов эмоционального усиления посредством невербального компонента как средство повышения аттрактивности может характеризоваться излишней экспрессией, страдать отсутствием вкуса и даже находиться на грани этических нарушений в рекламе, что можно видеть на рисунке 4.

В данном случае создатели рекламы, судя по всему, увлеклись усилением аттрактивности для решения социально полезной задачи привлечения взрослой аудитории к профилактическим прививкам. Косвенный призыв в формате доверительного, неформального совета с использованием игривого словосочетания *большие мальчики* сопровождается изображением сексапильной блондинки, напоминающей Памелу Андерсон, в форме медсестры, которая известна съемками в «фильмах для взрослых». Совокупность вербальной и невербальной составляющих в имплицитной области смыслов порождает ассоциации не столько с общественно значимыми медицинскими мероприятиями, сколько с ролевыми играми эротического содержания. Возможно, именно такие импликации и не закладывались создателями поликодового текста, но они вполне прогнозируемо могут возникнуть у воспринимающей аудитории. Такая «излишне аттрактивная» реклама вполне может попасть в область правоприменительной практики с формулировкой «реклама, противоречащая общественным интересам» и/или «реклама, нару-

шающая общественные приличия, нормы морали» [Чубина, 2019].

Чрезмерная экспрессия в невербальном компоненте может смещать фокус внимания воспринимающего сознания с содержания, выраженного в вербальном компоненте, на само изображение, особенно если изображение логически не вполне коррелирует с текстом, сохраняя, однако, имплицитную эмоциональную связность по отношению к последнему (см. рис. 5).

Рекламный слоган *Лечим простатит, а не симптомы* (в аттрактивном многоцветном шрифтовом оформлении) сопровождается прецедентным изображением из древнегреческой мифологии – Геракл, сражающийся с Гидрой. Напомним, что, по сюжету этого мифа, у Гидры на месте одной отрубленной головы вырастали три новые. Едва ли создатели данного рекламного продукта посредством ассоциации с этим сюжетом закладывали идею о том, что лечение простатита рекламируемым препаратом будет производить схожий эффект. Как нам кажется, использование излишне аффектированного изображения, на первый взгляд логически никак не связанного с содержанием сообщения, но имеющего значительный эмоционально-экспрессивный заряд, служит для создания такого средства «языковой демагогии», как «магия слова» [Булыгина, Шмелев, 1997], отвлекая адресата от логической несостоятельности сказанного, а именно от ложного противопоставления, лежаще-

Рис. 4. Социальная реклама «горячей линии» Министерства здравоохранения Краснодарского края

Fig. 4. Social advertising of the hotline of the Ministry of Health of the Krasnodar Region

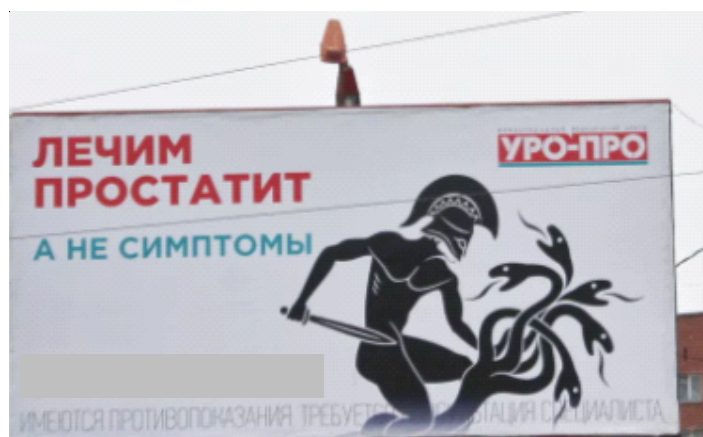

Рис. 5. Реклама медицинского центра «УРО-ПРО»

Fig. 5. Advertisement of the medical center *URO-PRO*

го в его основе. Поскольку симптомы – это признаки заболевания, то есть знаки, сигналы, по которым оно распознается, следовательно, лечить их с логической точки зрения вообще невозможно (иначе говоря, их никто не лечит). Возникает ложная инференция, согласно которой другие медицинские организации, в отличие от рекламируемой, занимаются бессмысленным делом. Подобные случаи также потенциально представляют интерес для правоприменительной практики, потому что могут трактоваться как «недобросовестная реклама, нарушающая принципы честной конкуренции» и/или «недостоверная реклама, сообщающая

не соответствующие действительности сведения» [Чубина, 2019].

Явления смысловой декорреляции вербального и невербального компонентов

Они возникают, когда: 1) в невербальном компоненте добавляется информация, отсутствующая в вербальном ряде; 2) информация, представленная в вербальном ряде, в невербальном компоненте переосмысливается в ином ключе.

Явления *первой подгруппы* можно проиллюстрировать на примере рекламы сети стоматологических клиник (рис. 6).

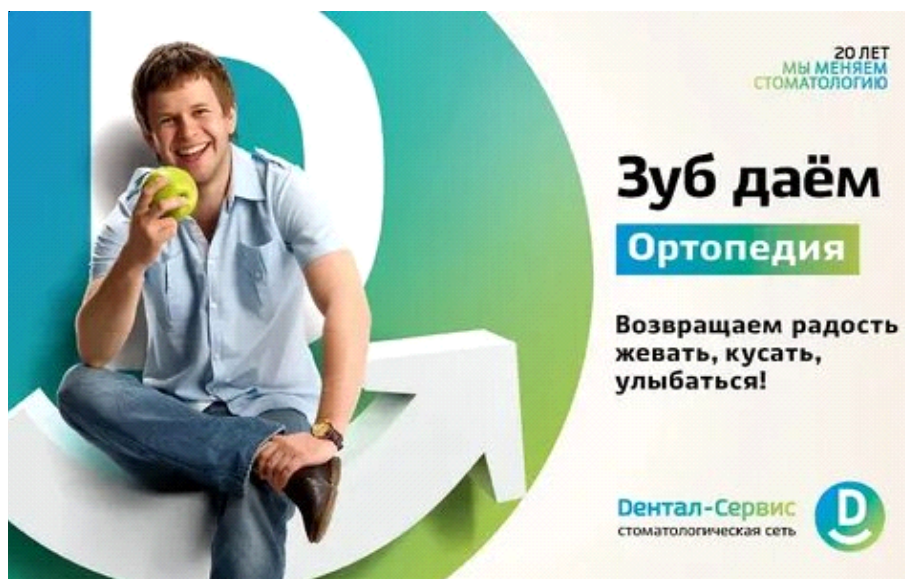

Рис. 6. Реклама сети стоматологических клиник «Дентал-Сервис»

Fig. 6. Advertisement of the network of dental clinics *Dental-Servis*

В вербальном компоненте данного рекламного сообщения представлен трансформированный просторечный экспрессивный фразеологизм *Зуб даем* (← *Зуб даю* в значении 'даю слово, клянусь'). Исходный фразеологизм пришел из арго заключенных, данное обстоятельство позволяет поставить вопрос о чувстве меры и языковом вкусе создателей текста. Изображение молодого человека, с сияющей улыбкой, держащего в руке яблоко, в имплицитном формате дает понять, что речь, действительно, идет о зубах. Функцию восполнения эксплицитной информации, помимо изображения, выполняет и словесная расшифровка слогана, в которой, опять же в экспрессивной форме, ясно дается понять, что речь идет о зубах: *Возвращаем радость жевать, кусаться, улыбаться!* В целом данное средство речевого воздействия можно трактовать как стилистический прием «буквализация фразеологизма», в котором эффект перехода от метафорического восприятия к восприятию в буквальном смысле достигается не за счет вербального контекста, как обычно, а за счет невербального компонента.

Невербальный компонент может также восполнять подразумеваемую, но не эксплицированную информацию в исходном рекламном сообщении в непринужденном игровом формате по концептуальной схеме загадки (рис. 7).

В этом тексте невербальный компонент отвечает за расшифровку того, что именно лечат в рекламируемой клинике, однако делает это в форме инференции. Ряд трусов на бельевой веревке, среди которых стрелка указывает только на мужские трусы, предоставляет широкий простор воображению адресата на предмет того, какой орган подлежит медицинским процедурам. Судя по логике рекламистов, речь идет об андрологической врачебной специализации, но эта догадка далеко не самоочевидна. Сомнителен с нравственной точки зрения и с точки зрения общественных приличий здесь и излишне экспрессивный способ подачи нужной для автора имплицитной информации, хотя в известной аттрактивности ему не откажешь. Также невербальным образом в данном поликодовом тексте осуществляется и дейктическая функция – направление к месту нахождения клиники указывает стрелка. Явления подобного рода интересны тем, что в них самое главное, а именно объект лечения, опускается в область имплицитных смыслов.

В поликодовых рекламных текстах, условно отнесенных нами ко *второй подгруппе*, имплицитный ввод об объекте лечения может сопровождаться декорреляцией между вербальным и невербальным компонентами. Примечателен в этом плане поликодовый рекламный текст на рисунке 8, где рекламируется стоматологический медицинский центр.

Рис. 7. Реклама Международного медицинского центра «Multi Clinic»

Fig. 7. Advertisement of the International Medical Center *Multi Clinic*

Рис. 8. Реклама стоматологического центра «ВэлаДент»

Fig. 8. Advertisement of the dental center *VelaDent*

Область применения рекламируемых медицинских услуг – лечение зубов – здесь выводится посредством довольно замысловатых и неочевидных импликаций. В рекламе содержится эмоционально-экспрессивный вербальный призыв *Улыбайся даже в сложных ситуациях!* При этом невербальный компонент отражает нетривиальную для российских семей ситуацию рождения чернокожего ребенка у белого отца, которая, по мысли создателей рекламного текста, является самой сложной и почему-то должна у ее героя вызывать улыбку, а улыбаться он может смело, потому что у него новые красивые зубы. Полагаем, что потенциальному потребителю будет непросто прийти к заложенному авторами выводу о том, что смысловой акцент в изображаемой ситуации – именно новые зубы. Подобные случаи можно отнести к такому приему «языковой демагогии», как «магия слова» [Булыгина, Шмелев, 1997], когда эмоциональный вербальный ряд в совокупности с изображением маскируют фактическую и логическую несостоятельность содержания. Отметим, что этот поликодовый текст уже стал объектом внимания со стороны ФАС РФ по поводу наличия рекламы, оскорбляющей семейные ценности.

Поликодовый рекламный текст, манипулятивный характер которого основан на механизмах языковой аномальности, порождает

мой во взаимодействии вербального и невербального компонентов, широко представлен в нашем материале. Так, аномалия-алогизм [Русский язык..., 2021] лежит в основе рекламы сети офтальмологических клиник (см. рис. 9).

Алогизм в невербальном компоненте основан на приеме совмещения деталей из несовместимых областей – лицо живого человека, у которого, очевидно, проблемы со зрением, имеет форму смартфона. Экспрессивным коллажем, притягивающим внимание адресата, маскируется и определенное логическое нарушение в слогане, который построен по модели антитезы: *Обнови зрение, а не смартфон*. Дело в том, что обновить можно не само зрение, а орган зрения, то есть приобрести себе новые глаза по типу приобретения нового смартфона. Однако клиника подобных услуг, очевидно, не оказывает. В силу этого данный рекламный текст также может стать объектом правоприменительной практики как «не соответствующая действительности, то есть недостоверная реклама» [Чубина, 2019].

Другой тип языковой аномальности – аномалия-противоречие – представлен в качестве основы для приема речевого воздействия в примере, где рекламируется программа «Ведение беременности» (см. рис. 10).

Логическое противоречие в невербальном компоненте связано с изображением бе-

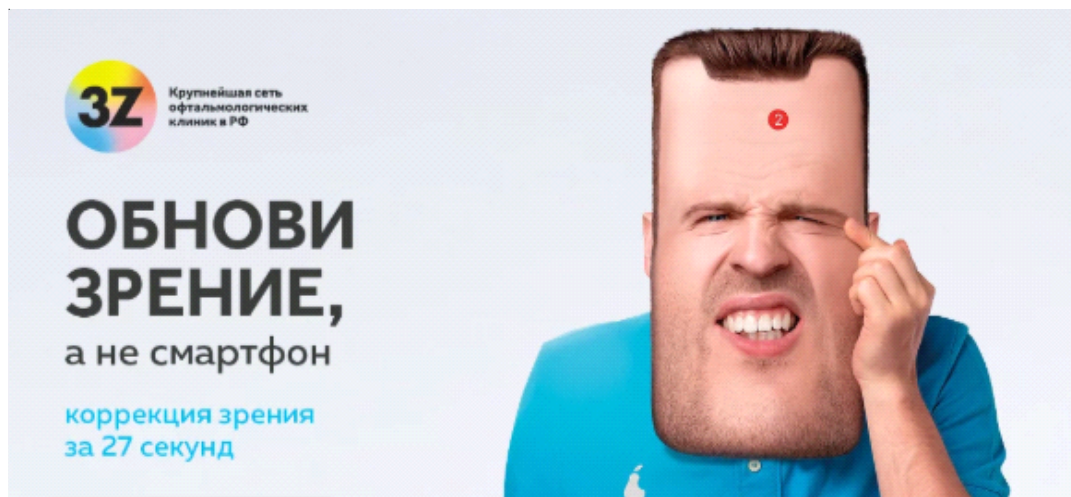

Рис. 9. Реклама сети офтальмологических клиник «3Z»
Fig. 9. Advertisement of the network of ophthalmological clinics 3Z

Рис. 10. Реклама программы «Ведение беременности» в «Клинике Нуриевых»
Fig. 10. Advertisement of the Pregnancy Management Program at the Nuriyevs' Clinic

ременного мужчины-врача, которого «тянет на соленькое» (как это, согласно мнению, бытующему в народе, бывает присуще беременным женщинам). Безусловно, подобный образ имеет сильный аттрактивный эффект. Он со-

провождается довольно стандартным, без изысков, текстом, выполненным мелким шрифтом: *Мы возьмем все заботы о вашей беременности на себя*. Однако в зоне инференции может возникнуть не запланированный

составителями рекламного текста смысловой эффект: если логически соотнести текст с изображением, то возникает вопрос: чью именно беременность собираются оберегать врачи рекламируемой клиники? Неужели мужскую? Возможна и вторая нежелательная импликация: *взять заботы о беременности на себя* можно интерпретировать и как то, что коллективный субъект, названный *мы*, позаботится и о том, чтобы вы забеременели. Реклама такого типа, несмотря на свою аттрактивность, может трактоваться как «не соответствующая действительности, то есть недостоверная реклама» [Чубина, 2019].

Заключение

В целом результаты анализа материала свидетельствуют о том, что поликодовые рекламные тексты отличаются значительным разнообразием средств языкового манипулирования, задействующих разные уровни системы языка и способы ее речевой реализации. При этом поликодовый характер рекламного текста, эксплуатирующего манипулятивные коммуникативные стратегии, усиливает аттрактивность контента и его воздейственный эффект. При этом иногда в погоне за аттрактивностью создатели рекламных текстов забывают о том, что имеют дело с особым объектом рекламирования, напрямую затрагивающим здоровье нации. В связи с этим представляется, что исследования подобного рода, с одной стороны, будут способствовать информационно-психологической защите общества от излишне агрессивной и навязчивой рекламы в здравоохранении, нарушающей требования общественных приличий и нормы морали, а с другой стороны, станут полезными для правоприменительной практики в плане усовершенствования технологии производства судебной и внесудебной лингвистической экспертизы по делам о недобросовестной, недостоверной или противоречащей общественным интересам рекламе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00371 «Дискурсивные практики в сфере здравоохранения и

направления их оптимизации: лингвистические и этико-правовые аспекты», <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

The reported study was funded by Russian Science Foundation “Discursive practices in the field of healthcare and their optimization ways: linguistic, ethical and legal aspects”, project number № 24-18-00371, <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., 1997. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Яз. рус. культуры. 576 с.
- Воронцова Ю. А., 2023. Лексическая составляющая рекламных текстов в английском и русском языках // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Т. 9 (75), № 4. С. 124–133.
- Ворошилова М. Б., 2007. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. № 1 (21). С. 75–80.
- Глинчевский Э. И., 2005. Средства речевого воздействия в языке СМИ // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 18–27.
- Гурочкина А. Г., 2003. Манипулирование в лингвистике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 3, № 5. С. 136–141.
- Ежова Е. Н., 2018. Лингвистика рекламного текста. Ставрополь : Изд-во СКФУ. 210 с.
- Иссерс О. С., 2003. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Едиториал УРПС. 248 с.
- Иссерс О. С., 2021. Конфликтотенные факторы общения врача с пациентом в русскоязычных дискурсивных практиках // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Т. 14, № 10. С. 1567–1580. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0840>
- Карчава О. В., Ефимова А. Н., 2023. Специфика и функции языка рекламы // Тенденции развития науки и образования. № 94-3. С. 37–40. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-02-2023-126>
- Медведева Е. В., 2003. Рекламная коммуникация. М. : Едитория. 264 с.
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века, 2016 / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта : Наука. 304 с.
- Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б., 2000. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М. : Междунар. ин-т рекламы : Изд. дом Гребенникова. 270 с.

- Радбиль Т. Б., 2023. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) // Научный диалог. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189>
- Радбиль Т. Б., Ахметжанова Г. А., Жумагулова Ж. Ж., Сералиева А. Е., Сералиева Г. Е., 2020. ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий // Научный диалог. № 3. С. 127–150. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-127-150>
- Радбиль Т. Б., Помазов А. И., 2020. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 1. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>
- Рекламный дискурс и рекламный текст, 2021 : коллектив. моногр. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М. : Флинта. 296 с.
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты, 2021 / под ред. Л. В. Радбильской. М. : Флинта. 328 с.
- Самедова С. Н., Пестова М. С., 2023. Понятие рекламного дискурса в современной лингвистике // Современные научные исследования и инновации. № 9. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2023/09/100687>
- Чубина Е. А., 2019. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы. М. : Норма : ИНФРА-М. 192 с.
- Facchinetti R., 2021. News Discourse and the Dissemination of Knowledge and Perspective: From Print and Monomodal to Digital and Multisemiotic // Journal of Pragmatics. № 175. P. 195–206. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>
- Jones L., Watson B., 2012. Developments in Health Communication in the 21st Century // Journal of Language and Social Psychology. Vol. 31, iss. 4. P. 415–436. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X12446612>
- Lakoff R. T., 1982. Persuasive Discourse and Ordinary Conversation with Examples of Advertising // Analysing Discourse: Text and Talk / ed. by D. Tennen. George-Town : George-Town University Press. P. 25–42.
- Leech G. N., 1966. English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain. L. : Longman. 210 p.
- Noveck I., 2021. Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science. Cambridge : Cambridge University Press. 282 p.
- Orr Sh., Ariel M., 2021. Predicating Truth: An Empirically Based Analysis // Journal of Pragmatics. Vol. 185. P. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>
- Shin J., Yu J., 2021. Targeted Advertising and Consumer Inference // Marketing Science. Vol. 40, № 5. P. 900–922. DOI: <https://doi.org/10.1287/mksc.2021.1284>

REFERENCES

- Bulygina T.V., Shmelev A.D., 1997. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 576 p.
- Vorontsova Yu.A., 2023. Leksicheskaya sostavlyayushchaya reklamnykh tekstov v angliyskom i russkom yazykakh [Lexical Component of Advertising Texts in English and Russian]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], vol. 9 (75), no. 4, pp. 124–133.
- Voroshilova M.B., 2007. Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya [Creolized Text: Aspects of Study]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (21), pp. 75–80.
- Glinchevsky Ye.I., 2005. Sredstva rechevogo vozdeystviya v yazyke SMI [Means of Speech Influence in the Language of the Media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 18–27.
- Gurochkina A.G., 2003. Manipulirovaniye v lingvistike [Manipulation in Linguistics]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University], vol. 3, no. 5, pp. 136–141.
- Ezhova Ye.N., 2018. *Lingvistika reklamnogo teksta* [Linguistics of Advertising Text]. Stavropol, Izd-vo SKFU. 210 p.
- Issers O.S., 2003. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, Editorial URSS. 248 p.
- Issers O.S., 2021. Konfliktogennyye faktory obshcheniya vracha s patsiyentom v russkoyazychnykh diskursivnykh praktikakh [Conflictogenic Factors of Doctor-Patient

- Communication in Russian Discursive Practices]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 14, no. 10, pp. 1567-1580. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0840>
- Karchava O.V., Efimova A.N., 2023. Spetsifika i funktsii yazyka reklamy [Specifics and Functions of the Advertising Language]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], no. 94-3, pp. 37-40. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-02-2023-126>
- Medvedeva E.V., 2003. *Reklamnaya kommunikatsiya* [Advertising Communication]. Moscow, Editoriya Publ. 264 p.
- Ratsiburskaya L.V., ed., 2016. *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian language at the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 304p.
- Pirogova Yu.K., Baranov A.N., Parshin P.B., 2000. *Reklamnyy tekst: semiotika i lingvistika* [Advertising Text: Semiotics and Linguistics]. Moscow, Mezhdunar. in-t reklamy, Izd. dom Grebennikova. 270 p.
- Radbil T.B., 2023. Yazykovoye voploshcheniye tsennostey v mediadiskurse interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-khoroshemu) [Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: Corpus Analysis of Representative Contexts (Lexeme 'po-khoroshemu')]. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 6, pp. 170-189. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189>
- Radbil T.B., Akhmetzhanova G.A., Zhumagulova Zh.Zh., Seralieva A.E., Seralieva G.E., 2020. DUSHA i TELO v aspekte sopostavitelnogo analiza kontseptov kultury: materialy k lingvokulturologicheskomu frazeologicheskomu slovaryu russko-kazakhskikh sootvetstviy [SOUL and BODY in the Aspect of Comparative Analysis of Cultural Concepts: Materials for the Linguo-Cultural Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correspondences]. *Nauchnyi dialog*, no. 3, pp. 127-150. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-127-150>
- Radbil T.B., Pomazov A.I., 2020. Pretsedentnyye fenomeny kak sredstvo sozdaniya attrakivnosti v polikodovom tekste interneta [Precedent Phenomena as Means of Establishing Attractiveness in Polycode Internet Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 1, pp. 140-153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>
- Kolokolceva T.N., ed., 2021. *Reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst: kolektiv. monogr.* [Advertising Discourse and Advertising Text. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ. 296 p.
- Ratsiburskaya L.V., ed., 2021. *Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects]. Moscow, Flinta Publ. 328 p.
- Samedova S.N., Pestova M.S., 2023. Ponyatiye reklamnogo diskursa v sovremennoy lingvistike [Concept of Advertising Discourse in Modern Linguistics]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovation], no. 9. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2023/09/100687>
- Chubina Ye.A., 2019. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza reklamy* [Forensic Linguistic Expertise of Advertising]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. 192 p.
- Facchinetti R., 2021. News Discourse and the Dissemination of Knowledge and Perspective: From Print and Monomodal to Digital and Multisemiotic. *Journal of Pragmatics*, no. 175, pp. 195-206. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>
- Jones L., Watson B., 2012. Developments in Health Communication in the 21st Century. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 31, no. 4, pp. 415-436. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X12446612>
- Lakoff R.T., 1982. Persuasive Discourse and Ordinary Conversation with Examples of Advertising. Tennen D., ed. *Analysing Discourse: Text and Talk*. George-Town, George-Town University Press, pp. 25-42.
- Leech G.N., 1966. *English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain*. London, Longman. 210 p.
- Noveck I., 2021. *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK, Cambridge University Press. 282 p.
- Orr Sh., Ariel M., 2021. Predicating Truth: An Empirically Based Analysis. *Journal of Pragmatics*, vol. 185, pp. 131-145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>
- Shin J., Yu J., 2021. Targeted Advertising and Consumer Inference. *Marketing Science*, vol. 40, no. 5, pp. 900-922. DOI: <https://doi.org/10.1287/mksc.2021.1284>

Information About the Author

Timur B. Radbil, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Информация об авторе

Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.6>

UDC 81'33:769.91

LBC 81.1

Submitted: 28.11.2024

Accepted: 31.03.2025

IMPLICIT INFORMATION IN THE ASPECT OF LINGUISTIC EXPERT EXAMINATION OF A TRADEMARK

Marina E. Novichihina

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Inna A. Merkulova

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. The work is devoted to the phenomenon of a verbal trademark as a text. It carries some kind of concise message in an explicit or implicit form. The authors turn to the experience of conducting linguistic research into trademarks peculiarities, to linguistic expert examination. It postulates that in the process of such study, the language expert aims to identify the fact of the presence of implicit information in the designation, as well as to verbalize it. Different approaches and tools for interpreting implicit messages contained in notations are considered. The following types of implicit information in a trademark are analyzed: background information, phonosemantic information, precedent information, associative information. The paper introduces some examples of applying the methods of implicit information identification and further determination of similarity/divergence of controversial designations in trademarks, which constitutes the main issue of linguistic expert examination of a trademark. Methodological tools for identifying implicit information of each considered type are proposed. They involve both qualitative and quantitative analysis. The research results extend the understanding of text analysis focused on implicit information carried in the text. The findings can be used in the practice of linguistic expert examination of trademarks. This will enable optimizing such type of expert examination and improve its quality.

Key words: implicit information, trademark, linguistic expert examination of trademark, semantic similarity, associative similarity, background knowledge, precedent information, phonosemantic analysis.

Citation. Novichihina M.E., Merkulova I.A. Implicit Information in the Aspect of Linguistic Expert Examination of a Trademark. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 68-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.6>

УДК 81'33:769.91

ББК 81.1

Дата поступления статьи: 28.11.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

СКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Марина Евгеньевна Новичихина

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Инна Александровна Меркулова

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. Работа посвящена феномену словесного товарного знака как тексту, который в явном или скрытом виде несет в себе свернутое сообщение. Авторы публикации обращаются к опыту такого вида лингвистического исследования товарных знаков, как лингвистическая экспертиза. Утверждается, что в процессе этого исследования перед экспертом-лингвистом встает задача установить факт наличия скрытой в товарном обозначении информации, а также вербализовать ее. Рассматриваются различные подходы и инст-

рументы, позволяющие интерпретировать неявные сообщения, содержащиеся в обозначениях. Анализируются такие виды скрытой в товарном знаке информации, как фоновая, фоносемантическая, прецедентная, ассоциативная. Приводятся примеры применения методик установления скрытой в товарном знаке информации с последующей целью определения сходства / несходства спорных обозначений, что составляет основной вопрос лингвистической экспертизы товарного знака. Предлагаются методологические приемы извлечения скрытой информации каждого рассмотренного вида, включающие качественный и количественный анализ. Результаты исследования расширяют представления об анализе текста как носителя скрытой информации и могут быть использованы в практике лингвистической экспертизы товарных знаков, что позволит оптимизировать этот вид экспертизы и повысить его качество.

Ключевые слова: скрытая информация, товарный знак, лингвистическая экспертиза товарного знака, семантическое сходство, ассоциативное сходство, фоновые знания, прецедентная информация, фоносемантический анализ.

Цитирование. Новичихина М. Е., Меркулова И. А. Скрытая информация в аспекте лингвистической экспертизы товарного знака // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 68–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.6>

Введение

Суть современной коммуникации определяется возможностью быстрого обмена информацией между членами языкового коллектива для решения разнообразных задач. При этом способы передачи информации могут быть различной степени экспликации: от явных (эксплицитных) до скрытых (имплицитных). Для адекватной интерпретации содержания особую сложность представляют вторые, так как имплицитность, «не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [Федосюк, 1988, с. 12].

В настоящее время не существует общепринятой классификации типов скрытой информации, да и само понятие имплицитности является предметом многочисленных дискуссий лингвистов. Например, А.И. Барышева выделяет несколько трактовок имплицитности: 1) форма знания; 2) информация, которая домысливается адресатом сообщения, заставляет его приложить усилия для понимания сообщения; 3) часть содержания текста, понимаемого как единство всех основных элементов целого, его свойств и связей, выраженное в определенной форме [Барышева, 2015, с. 19]. Традиционно скрытые смыслы обнаруживаются при рассмотрении художественного [Ермакова, 2010; Иванкова, 2007; Arseneault, 2014], публицистического [Барышева, 2016; Видинеева, 2022; Дубровская,

2020; Stati, 2013] и рекламного [Борисова, 2018; Гостева, 2017] текстов.

Новизна предлагаемого исследования обусловлена обращением к нетривиальному объекту – товарному знаку как одному из видов коммерческой номинации – с целью выявления новых способов имплицитности. Сделать скрытое явным необходимо в процессе лингвистической экспертизы товарного знака. Как справедливо замечает С.В. Ионова, «в практике решения экспертных задач возникают новые области научных исследований, актуализируются мало изученные аспекты известных объектов изучения, совершенствуются исследовательские технологии, определяются нерешенные или недостаточно обоснованные в науке сферы описания языка и речи» [Ионова, 2017, с. 30].

Заметим, что товарный знак в представленной публикации трактуется как текст. Данный подход справедливо назвать семиотическим, так как в семиотике текст имеет наиболее широкое понимание. Это может быть музыкальное произведение, живописное полотно, спектакль, танец – словом, все, что имеет знаковую природу и репрезентирует некоторую наполненную смыслом структуру. По определению Ю.М. Лотмана, «текст представляет собой устройство, образованное как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение» [Лотман, 1992, с. 151]. Причина лингвосемиотического понимания товарного знака заключается в следующем: в отличие от обозначений других видов (личных имен, топонимов и др.), не предназначен-

ных сообщать подробную информацию об именуемом объекте, товарный знак изначально нацелен на подобное информирование, он в явном или скрытом виде несет внутри себя какое-то развернутое сообщение. Иными словами, это полноправный и многофункциональный инструмент коммуникации, который не только идентифицирует объект номинации, но и привлекает к нему внимание, формирует определенные ассоциации, мотивируя потенциального потребителя к покупке и, конечно же, информирует его об именуемом товаре или услуге.

Материал и методы

Исследование опирается в первую очередь на материал лингвистических экспертиз и заключений специалиста, в разные годы составленных авторами публикации. Содержание, формы передачи скрытой информации, а также способы ее выявления показаны в каждом конкретном проанализированном в статье случае.

Одна из задач проводимого исследования заключалась в использовании представленного опыта для разработки и презентации методики выявления скрытой информации каждого рассматриваемого вида, именно поэтому каждый подраздел публикации завершается описанием соответствующих методологических приемов, ставших логическим результатом анализа и обобщения изложенного материала.

Результаты и обсуждение

Товарный знак – «обозначение, способное отличать товары одних юридических или физических лиц от однородных товаров других юридических или физических лиц» (ГК РФ), он все чаще становится объектом лингвистической экспертизы. В процессе исследования товарного знака перед экспертом-лингвистом зачастую встает задача выявить наличие скрытой в обозначении информации и вербализовать ее. Как показывает практика, скрытая в товарном знаке информация может быть фоновой, фоносемантической, прецедентной и ассоциативной.

Рассмотрим это на примерах и продемонстрируем пути преобразования имплицитной

информации, заложенной в обозначении, в эксплицитную.

Фоновые знания

Потребность выхода в экстралингвистическую плоскость возникает в различных видах лингвистической экспертизы. Достаточно часто говорилось о том, что в ходе выполнения экспертизы обязателен учет контекста, коммуникативной ситуации и др. [Стернин, 2017, с. 205]. Лингвистическая экспертиза требует обращения и к так называемым фоновым знаниям носителя той или иной культуры.

Оставив за рамками данной публикации дискуссию о возможности разных подходов к трактовке понятия «фоновые знания» (подробно см.: [Ходякова, Супрунова, 2017, с. 236–238]), а также вопрос о корреляции фоновой, имплицитной и пресуппозициональной информации, уточним, что в данном случае понятие фонового знания как лингвокультурологической категории трактуется расширительно. Под фоновыми знаниями понимается информация, имеющаяся в сознании индивида и той культурной общности, к которой он принадлежит. Эти знания могут как совпадать с сугубо научным пониманием, так и заметно отличаться от него.

К понятию фоновых знаний не раз обращались специалисты разных направлений – теории перевода, лингвострановедения, методики преподавания, контрастивной лингвистики и т. п. Востребовано оно и специалистами в области лингвистической экспертизы. Например, Г.А. Копнина, фиксируя внимание на том, что «смысл высказывания не является арифметической суммой значений его компонентов» [Копнина, 2015, с. 129], пишет о необходимости учета фоновых знаний в процессе исследования рекламного текста. В.О. Кузнецов, подчеркивая значимость фоновых знаний и их влияние на процесс коммуникации, отводит им особое место в структуре специальных знаний лингвиста-эксперта [Кузнецов, 2021, с. 23–24]. Согласившись с автором в том, что «для проведения полного и всестороннего экспертного лингвистического исследования... востребованными оказываются не только лингвистические, но и фоновые знания эксперта» [Кузнецов, 2021, с. 23], дополним эту

мысль выводом о необходимости учета совместных знаний жизненных реалий участниками акта коммуникации.

Продemonстрируем пример учета фоновых знаний в реальной экспертизе товарных знаков (сошлемся на проведенное нами в 2024 г. исследование сходства обозначений «Хмельной рай», «Пивной рай», «Разливной рай»).

Анализ словарных дефиниций отдельных элементов сопоставляемых обозначений, а именно: *рай*, *разливной*, *пивной*, *хмельной* (БТС, с. 830, 1071, 1084, 1447; Ефремова), а также учет контекста (исключающего из рассмотрения библейские и мифологические толкования значения) позволил утверждать следующее:

1) сочетание *разливной рай* следует семантически интерпретировать как метафору: «место, доставляющее удовольствие, наслаждение, радость, блаженство, являющееся результатом разлива при продаже»;

2) сочетание *пивной рай* следует семантически интерпретировать как метафору: «место, связанное с пивом и доставляющее удовольствие, наслаждение, радость, блаженство»;

3) сочетание *хмельной рай* следует семантически интерпретировать как метафору: «место, связанное с хмелем, доставляющее удовольствие, наслаждение, радость, блаженство, где возникает опьянение».

Таким образом, видим, что в сопоставляемых обозначениях выявляется очевидная область семантического пересечения, этой областью становится: «место, доставляющее удовольствие, наслаждение, радость, блаженство».

Вместе с тем при формальном подходе могут быть выявлены и зоны семантического несоответствия. Для пары обозначений «Разливной рай» и «Пивной рай» такой зоной расхождения становится «являющееся результатом разлива при продаже» и «место, связанное с пивом». Для пары «Разливной рай» и «Хмельной рай» дифференциальной семантической зоной становится: «являющееся результатом разлива при продаже» и «место, связанное с хмелем, где возникает опьянение». Пара обозначений «Пивной рай» и «Хмельной рай» отличаются семантически-

ми составляющими «место, связанное с пивом» и «место, связанное с хмелем, где возникает опьянение».

Однако это семантическое несоответствие нивелируется при условии анализа и учета целого пласта скрытой информации, а именно фоновых знаний носителя русской культуры. Очевидно, что для носителя русского языка и русской культуры (потребителя соответствующих видов товаров и услуг) пиво, во-первых, напиток, в изготовлении которого используется растение хмель, добавляющий ему вкус и аромат; во-вторых, пиво – напиток, вызывающий опьянение (хмельной напиток); в-третьих, пиво является объектом разлива (розлива), продается на розлив. Об этом свидетельствует анализ энциклопедических источников, литературных произведений, рекламных и научных текстов и т. п. (например, в «Большой российской энциклопедии» читаем: «Соплодия *хмеля* обыкновенного используются в *пивоваренной промышленности*» (БРЭ), а рекламный ролик пива «Балтика № 3 Классическое», транслируемый на широкую аудиторию до 2019 г. (когда это стало запрещено в соответствии с Законом о рекламе), содержал текст: «Вода, солод и хмель – все, что нужно для настоящего классического пива»). То же самое демонстрируют и опросы носителей языка на предмет наличия этой информации в их сознании.

Таким образом, приняв во внимание как область семантического пересечения сопоставляемых обозначений, так и фоновые знания потенциального потребителя, можно выявить сходные до степени смешения в смысловом отношении (семантически) пары обозначений: «Разливной рай» – «Пивной рай», «Разливной рай» – «Хмельной рай», «Пивной рай» – «Хмельной рай».

Описанный выше опыт исследования товарных знаков позволяет предложить следующие методологические приемы выявления фоновых знаний, скрытых в обозначении:

а) контент-анализ сопоставляемых обозначений и их отдельных частей (в ситуации составного обозначения) – исследование специфики их функционирования в СМИ, социальных сетях, рекламных, научных и публицистических текстах, что демонстрирует специфику восприятия обозначений;

б) анализ результатов интервьюирования носителей языка с целью определения особенностей, свойственных (с точки зрения потребителей) тем реалиям, номинации которых образуют товарный знак.

**Фоносемантическая информация
(фоносемантические признаки слова –
коммерческого обозначения)**

Фоносемантика предполагает наличие скрытых смыслов в звуковом облике слова. Слово – коммерческое обозначение (как и любая лексема языка) обладает неким фоносемантическим значением, неочевидным для адресата (например, потенциального потребителя), но неосознанно считываемым им. Эти значения с помощью опроса большой аудитории стал выявлять американец Чарльз Осгуд [Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957], а затем (на базе русского языка) А.П. Журавлев [Журавлев, 1974]. Он определил качественные характеристики каждого звука русской речи, а именно каким он является по следующим шкалам: хороший – плохой, красивый – отталкивающий, радостный – печальный, светлый – темный, легкий – тяжелый, безопасный – страшный и т. п. Разработанная А.П. Журавлевым методика получила название фоносемантического анализа.

В современных реалиях этот анализ осуществляется с помощью компьютерной программы, предназначенной для выявления воздействия на адресата слова как целостного звукового комплекса с целью и преследующей выяснить его общее фоносемантическое значение.

Приведем полученную с помощью этого ресурса скрытую в обозначениях *HELMAR* и *HELMAN* информацию:

HELMAR: плохой, маленький, женственный, пассивный, сложный, слабый, горячий, отталкивающий, шероховатый, страшный, низменный, тусклый, печальный, тихий, трусливый, хилый.

HELMAN: плохой, маленький, женственный, пассивный, сложный, слабый, горячий, медленный, отталкивающий, шероховатый, страшный, низменный, тусклый, печальный, тихий, короткий, трусливый, хилый.

Сравнение скрытой в обозначениях информации осуществляется с помощью особого показателя – коэффициента фоносемантического сходства. Этот показатель определяется как удвоенное отношение количества совпадающих фоносемантических признаков к общему количеству признаков сопоставляемых элементов, выраженное в процентах.

Для анализируемых нами обозначений этот показатель (94 %) заметно превышает пороговое значение, принятое за 50 %, что позволяет говорить о фоносемантическом сходстве исследуемых обозначений.

В целом методологические приемы выявления фоносемантической информации, скрытой в товарном знаке, видятся следующими:

а) исследование сопоставляемых обозначений методом фоносемантического анализа с использованием стандартной компьютерной программы и выявление значимых фоносемантических признаков. Для автоматического фоносемантического анализа слов и словосочетаний можно воспользоваться бесплатным сервисом фоносемантического анализа слов (<https://psi-technology.net/servisfonosemantika.php>);

б) расчет коэффициента фоносемантического сходства сопоставляемых обозначений, что позволяет количественно оценить степень близости скрытой в них фоносемантической информации.

Прецедентная информация

Потенциал прецедентного текста широко используется в современных коммерческих обозначениях, например: «*Карлсон*», «*Омегин*», «*Госпожа удача*» и мн. др.

В соответствии с подходом Ю.Н. Караулова прецедентными называют «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010, с. 215].

Именно упомянутая в цитате значимость для личности в познавательном и эмоциональном отношениях становится фактором, обуславливающим активное использование прецедентных текстов в современных коммерческих обозначениях и товарных знаках.

Поясним сказанное, сославшись на проведенное нами в 2022 г. исследование обозначений «*Heads' made*» и «*Headsconsulting*» на предмет их сходства до степени смешения.

Оставляя сейчас за пределами данного раздела обсуждение семантики каждой лексемы в отдельности и обоих словосочетаний в целом (в том числе и с опорой на опросы реальных носителей английского языка), а также роль апострофа, который может указывать на сокращение или принадлежность, отметим, что в конечном итоге исследование семантического сходства сопоставляемых обозначений свелось к сопоставлению обозначения «*Headsconsulting*», интерпретируемого как «консультирование руководителей» (на «ломаном» английском), и семантически бессвязного обозначения «*Heads' made*», интерпретируемого нами как фантазийное.

Следует обратить внимание на тот факт, что сочетание *heads' made* содержит явные черты прецедентности и отсылает носителя русского языка к сочетанию *handmade*, что означает «сделано руками, ручной работы». Поэтому в условиях данной прецедентной отсылки сочетание *heads' made* может восприниматься потенциальным потребителем как «сделано с умом». Однако при таком семантическом считывании сочетания *heads' made* («сделано с умом, сделано головой») не может семантически смешиваться с сочетанием *headsconsulting* (консультирование руководителей). Более того, прецедентная природа сочетания *heads' made* превращает его в устойчивое, нечленимое выражение, отличающееся по степени спаянности компонентов от свободного словосочетания *headsconsulting*.

Полученный в ходе описанного исследования опыт позволяет предложить следующие методологические приемы выявления прецедентности сопоставляемых обозначений:

а) сравнение обозначения или его отдельных частей с названиями художественных и кинопроизведений, с именами их героев, с текстами и названиями песен, с устойчивыми

выражениями, с рекламными текстами, с именами известных исторических личностей и другими типичными источниками прецедентных текстов (могут быть использованы результаты опроса экспертов в области искусства, литературы, способных подтвердить или же опровергнуть предположение о прецедентном характере анализируемого обозначения);

б) исследование контекста употребления обозначения на предмет ассоциирования с каким-либо произведением или цитатой;

в) оценка степени популярности слова-обозначения или его отдельных частей, которая может свидетельствовать о прецедентном характере; для этого могут быть проведены:

– анализ результатов интервьюирования потребителей в местах концентрации целевой аудитории с целью определения известности / неизвестности лексем, составляющих обозначения;

– анализ комментариев и отзывов об именуемом товаре (там могут быть упомянуты источники вдохновения номинатора);

– анализ обсуждений обозначения на форумах и в социальных сетях.

Ассоциативная информация

Лингвистическая экспертиза призвана вербализовать ассоциативные связи исследуемых товарных знаков.

Официальные требования Роспатента гласят, что «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» (Правила...). С нашей точки зрения, именно ассоциативные связи дают наиболее точную информацию о возможности / невозможности смешения в сознании потребителей тех или иных коммерческих обозначений.

Как пишет О.В. Гостева, «ассоциативность является основой формирования образа бизнес-объекта» [Гостева, 2017, с. 176], что, по ее мнению, обусловлено имплицитным воздействием на адресата.

Продemonстрируем методику вербализации ассоциативных связей сопоставляемых коммерческих обозначений на примере наименований сосисок «Здоровые» и «Здоровые батончики» (экспертиза проведена в 2020 г.).

Прежде всего отметим, что эта методика базируется на проведении так называемого свободного ассоциативного эксперимента – активного инструмента психолингвистических исследований. Целесообразность использования этого метода обусловлена тем, что роль испытуемого в нем и роль слушающего при восприятии лексемы идентичны. По мнению М.С. Шехтера, «явление узнавания (опознавания, распознавания) может интерпретироваться... как результат актуализации сложившихся ассоциаций» [Шехтер, 1981, с. 68]. Это означает, что ассоциативный эксперимент способствует определению тех ассоциативных связей, которые в скрытой форме присутствуют в обозначении.

Для реализации ассоциативного эксперимента было осуществлено обращение к испытуемым – носителям языка, потенциальным потребителям товаров и услуг, представляющим целевую аудиторию анализируемых коммерческих обозначений.

В ходе эксперимента испытуемым предлагалась указать ассоциации, вызываемые исследуемыми обозначениями. Цели эксперимента испытуемым не озвучивались, слова-стимулы не характеризовались. Таким образом, в работе были соблюдены все требования, предъявляемые к проведению массового ассоциативного эксперимента (о них см., например: [Караулов, 2002]).

В качестве слов-стимулов в данном эксперименте использовались обозначения «Здоровые», «Здоровые батончики», а также другие слова: «Омега», «Осенний дождь», «Солнечный» и т. д., выполняющие функцию так называемых дистракторов.

Обработка анкет дала следующие результаты (они приведены ниже в таком виде: а) слово-стимул; б) количество информантов, опрошенных по данному стимулу; в) слова-реакции в порядке убывания частотности (с указанием этой частотности); г) количество отказов (то есть число информантов, не давших реакцию на данный стимул):

ЗДОРОВЫЕ БАТОНЧИКИ 101 – мюсли 11, шоколад 8, злаки 5, еда 4, фитнес 4, конфеты 3, шоколадка 3, батоны 2, баунти 2, вкусно 2, здоровый образ жизни 2, питание 2, полезные 2, польза 2, протеин 2, bite 2, батон 1, без ГМО 1, вагоны 1, га-

дость 1, гематоген 1, диета 1, ерунда 1, здорово 1, здоровые батончики 1, злаковые 1, Кальве 1, качество 1, качки 1, козинаки 1, коровка 1, лажа 1, мелкое зерно 1, не бывает 1, невкусные 1, Несквик 1, нет такого 1, не хочу 1, обман 1, овсянка 1, полезная еда 1, полезно 1, пончики 1, похудение 1, проститутка 1, сила 1, сладко 1, сладости 1, сникерс 1, солнечный день 1, спорт 1, сухофрукты 1, ужас 1, фигня 1, фигня какая-то 1, херня 1, шоколадные батончики 1, энергия 1, I 1; отказ – 2.

ЗДОРОВЫЕ 100 – люди 14, крепкое 7, зубы 5, ноги 5, 2\$ 5, больные 3, здоровые 3, хорошее 3, болезнь 2, дети 2, красивые 2, отличное 2, счастливые 2, болезни 1, боль 1, больницы 1, большой 1, быки 1, важно 1, волосы 1, где-то в прошлом 1, да 1, жизнь 1, забота 1, зож 1, еда 1, есть 1, иммунитет 1, кенкег 1, крутые 1, лечение 1, легкие 1, медицина 1, мое 1, молодость 1, молодцы 1, надо беречь 1, немошь 1, нету 1, нормальное 1, одно 1, отлично 1, отменное 1, продукты 1, работоспособный 1, сердце 1, сильное 1, спорт 1, старость 1, счастье 1, торшер 1, хворь 1, хорошо 1, чистые 1, что бог послал 1, шашлычок 1, я 1; отказ – 1.

Результаты реализованного эксперимента дают возможность рассчитать коэффициент ассоциативного сходства исследуемых названий. Этот коэффициент можно определить как отношение количества респондентов, предложивших схожие реакции, к общему количеству опрошенных, представленное в процентном выражении.

В результате был рассчитан коэффициент ассоциативного сходства (КАС):

$$\text{КАС}_{\text{ЗДОРОВЫЕ БАТОНЧИКИ, ЗДОРОВЫЕ}} = 5,9 \, \%$$

Формулировать вывод об ассоциативном сходстве можно лишь в тех случаях, когда коэффициент ассоциативного сходства превышает 50 % (см.: [Новичихина, 2019, с. 58]). Таким образом, проведенный ассоциативный анализ дает основание заключить, что обозначения «Здоровые» и «Здоровые батончики» являются ассоциативно несходными.

Как видим, этот вывод был возможен только в результате вербализации ассоциатив-

ных связей исследуемых обозначений. Игнорирование же этих связей истцом приводило к ошибочному выводу о смещении спорных обозначений. Уточним, что позиция истца базировалась на представлении о том, что семантика слов *батончики* и *сосиски* сближена, так как лексема *сосиски* реализует значение *небольшая колбаска*, а лексема *батончик* как производная от *батон* может реализовать значение *колбасное изделие продолговатой формы*. Однако на основе реализации ассоциативной методики было установлено, что в сознании носителей языка при восприятии слова-стимула «Здоровые батончики» не возникает ассоциативных связей с мясными продуктами.

Все это демонстрирует, что процесс извлечения скрытых ассоциативных связей обозначения, используемого в коммерческих целях, включает реализацию нескольких методологических приемов:

а) проведение свободного ассоциативного эксперимента с исследуемыми обозначениями;

б) расчет коэффициента ассоциативного сходства сопоставляемых обозначений, что позволяет количественно оценить степень близости скрытой в них ассоциативной информации.

Очевидно, что проблема выявления иных видов скрытой в товарных знаках информации еще ждет своего разрешения. То же самое можно сказать и об анализе скрытых ресурсов воздействия товарного знака на потребителя.

Заключение

Анализ товарного знака как носителя информации включает в себя различные механизмы определения скрытых смыслов. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

– при восприятии товарного знака потенциальным потребителем неизбежно происходит считывание скрытой в нем информации, между тем внимание на этой информации не фокусируется;

– потребность лингвистического исследования спорных товарных знаков в ряде случаев обусловлена наличием в товарном знаке

некой скрытой информации и потребностью вербализовать эту информацию;

– выявление и исследование других (не описанных в данной работе) видов скрытой в товарном знаке информации представляет собой перспективу настоящего исследования;

– методика анализа скрытой в коммерческом обозначении (товарном знаке) информации должна стать частью общей методики анализа спорных товарных знаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барышева А. И., 2015. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8-1 (50). С. 18–20.
- Барышева А. И., 2016. Имплицитность как свойство публицистического текста (на материале языка газеты) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 204 с.
- Борисова Е. Г., 2018. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиалингвистика. Т. 5, № 4. С. 436–444. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.404>
- Видинеева Н. Ю., 2022. Прагматический контекст и фоновые знания как источники имплицитности в политических блогах // Политическая лингвистика. № 2 (92). С. 67–74.
- Гостева О. В., 2017. Факторы эффективности нейминга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 175–180. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.19>
- Дубровская Т. В., 2020. Типы диктумного и модусного имPLICITного содержания в политической интернет-коммуникации // Политическая лингвистика. № 4 (82). С. 22–31. DOI: 10.26170/pl20-04-02
- Ермакова Е. В., 2010. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 200 с.
- Журавлев А. П., 1974. Фонетическое значение. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 160 с.
- Иванкова И. В., 2007. Реализация категории имплицитности в современном художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 21 с.
- Ионова С. В., 2017. Аспекты исследования письменного текста как объекта лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкозна-

- ние. Т. 16, № 2. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.3>
- Караулов Ю. Н., 2002. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. М. : АСТ : Астрель С. 750–782.
- Караулов Ю. Н., 2010. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ. 264 с.
- Копнина Г. А., 2015. Лингвистическая экспертиза спорных рекламных текстов: российская практика // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 121–142.
- Кузнецов В. О., 2021. Природа и структура специальных знаний судебного эксперта-лингвиста // Теория и практика судебной экспертизы. Т. 16, № 2. С. 18–28. DOI: [10.30764/1819-2785-2021-2-18-28](https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-18-28)
- Лотман Ю. М., 1992. Текст в тексте // Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра. С. 149–160.
- Новичихина М. Е., 2019. Товарный знак: вопросы функционирования и лингвистической экспертизы. Воронеж : Кварта. 108 с.
- Стернин И. А., 2017. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1. С. 202–207. DOI: [10.21603/2078-8975-2017-1-202-207](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-1-202-207)
- Федосюк М. Ю., 1988. Неявные способы передачи информации в тексте. М. : МГПИ им. В.И. Ленина. 82 с.
- Ходякова Л. А., Супрунова А. В., 2017. Фоновые культурные знания как база для формирования общекультурной компетенции в процессе чтения текста // Ученые записки Орловского государственного университета. Т. 1, № 74. С. 236–241.
- Шехтер М. С., 1981. Зрительное опознание: закономерности и механизмы. М. : Педагогика. 264 с.
- Arseneault M., 2014. An Implicature Account of Idioms // International Review of Pragmatics. № 6.1. P. 59–77. DOI: [10.1163/18773109-00601004](https://doi.org/10.1163/18773109-00601004)
- Osgood G. E., Suci G.J., Tannenbaum P. H., 1957. The Measurement of Meaning. Urbana : University of Illinois Press. 347 p.
- Stati S., 2013. Implicit Propositions in an Argumentative Approach // Perspectives in Pragmatics, Philosophy and Psychology. № 2. P. 433–441. DOI: [10.1007/978-3-319-01014-4_17](https://doi.org/10.1007/978-3-319-01014-4_17)
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10164072>
- Ефремова – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : Астрель, 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>
- Правила... – Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков : (утв. Приказом Минэкономразвития РФ от 20.07.2015 № 482, с изменениями на 01.03.2023). URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/482-prikazminekonomrazvitiya-rossii-ot-20-07-2015-482>
- Сервис фоносемантического анализа слов. URL: <https://psi-technology.net/servisfonosemantika.php>

REFERENCES

- Barysheva A.I., 2015. Implitsitnost v tekste i aspekty eyo analiza [Implicitness in the Text and the Aspects of Its Analysis]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 8-1 (50), pp. 18-20.
- Barysheva A.I., 2016. *Implitsitnost kak svoystvo publitsisticheskogo teksta (na materiale yazyka gazety): dis. ... cand. filol. nauk* [Implicitness as a Property of a Journalistic Text (Based on the Material of the Newspaper Language). Cand. philol. sci. diss.]. Ufa. 204 p.
- Borisova E.G., 2018. Reklamnyy diskurs: v chem ego osobennosti? [Discourse of Advertizing: Peculiarities]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], vol. 5, no. 4, pp. 436-444. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.404>
- Vidineeva N.Yu., 2022. Pragmaticheskiy kontekst i fonovye znaniya kak istochniki implitsitnosti v politicheskikh blogakh [Pragmatic Context and Background Knowledge as Sources of Implicit Representation in Political Blogs]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (92), pp. 67-74.
- Gosteva O.V., 2017. Faktory effektivnosti neyminga [Factors of Naming Efficiency]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 175-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.19>
- Dubrovskaya T.V., 2020. Tipy diktumnogo i modusnogo implitsitnogo soderzhaniya v

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БРЭ – Большая российская энциклопедия / под ред. Ю. С. Осипова. М. : Большая рос. энцикл., 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/>

- politicheskoy internet-kommunikatsii [Factual and Modal Types of Implicit Meanings in Political Internet Communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 4 (82), pp. 22-31. DOI: 10.26170/pl20-04-02
- Ermakova E.V., 2010. *Implitsitnost v khudozhestvennom tekste (na materiale russkoyazychnoy i angloyazychnoy prozy psikhologicheskogo i fantasticheskogo realizma)* [Implicitness in a Literary Text (Based on the Material of Russian-Language and English-Language Prose of Psychological and Fantastic Realism)]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 200p.
- Zhuravlev A.P., 1974. *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic Meaning]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 160 p.
- Ivankova I.V., 2007. *Realizatsiya kategorii implitsitnosti v sovremennom khudozhestvennom tekste: avtoref. dis. ... cand. filol. nauk* [Realization of the Category of Implicitness in a Modern Literary Text. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 21 p.
- Ionova S.V., 2017. Aspekty issledovaniya pismennogo teksta kak obyekt lingvisticheskoy ekspertizy [Aspects of Research Written Text as an Object of Forensic Linguistic Expertise]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 2, pp. 28-38. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.3>
- Karaulov Yu.N., 2002. Russkiy assotsiativnyy slovar kak novyy lingvisticheskii istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source and Tool for Analyzing Linguistic Ability]. *Russkiy assotsiativnyy slovar. V 2 t. T. 1* [Russian Associative Dictionary. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., pp. 750-782.
- Karaulov Yu.N., 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Izd-vo LKI. 264 p.
- Kopnina G.A., 2015. Lingvisticheskaya ekspertiza spornykh reklamnykh tekstov: rossiyskaya praktika [Linguistic Examination of the Controversial Advertizing Texts: Russian Practice]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 121-142.
- Kuznetsov V.O., 2021. Priroda i struktura spetsialnykh znaniy sudebnogo eksperta-lingvista [Nature and structure of a Forensic Linguist's Specialized Knowledge]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], vol. 16, no. 2, pp. 18-28. DOI: 10.30764/1819-2785-2021-2-18-28
- Lotman Yu.M., 1992. Tekst v tekste [Text Within the Text]. *Izbrannye statyi. V 3 t. T. 1. Statyi po semiotike i topologii kultury* [Selected Articles. In 3 Vols. Vol. 1. Articles on Semiotics and Topology of Culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., pp. 149-160.
- Novichikhina M.E., 2019. *Tovarnyy znak: voprosy funktsionirovaniya i lingvisticheskoy ekspertizy* [Trademark: Issues of Functioning and Linguistic Expertise]. Voronezh, Kvarta Publ. 108 p.
- Sternin I.A., 2017. Osnovnye principy semanticheskogo analiza v lingvokriminalisticheskoy ekspertize teksta [Main Principles of Semantic Analysis in Linguocriminalistic Text Examination]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 1, pp. 202-207. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-202-207
- Fedosyuk M.Yu., 1988. *Neyavnye sposoby peredachi informatsii v tekste* [Implicit Ways of Transmitting Information in the Text]. Moscow, MGPI im. V.I. Lenina Publ. 82 p.
- Khodyakova L.A., Suprunova A.V., 2017. Fonovye kulturnye znaniya kak baza dlya formirovaniya obshchekulturnoy kompetentsii v protsesse chteniya teksta [Background Cultural Knowledge as a Base for the Formation of Cultural Competence in the Process of Reading the Text]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University], vol. 1, no. 74, pp. 236-241.
- Shekhter M.S., 1981. *Zritelnoe opoznanie: zakonomernosti i mekhanizmy* [Visual Recognition: Patterns and Mechanisms]. Moscow, Pedagogika Publ. 264 p.
- Arseneault M., 2014. An Implicature Account of Idioms. *International Review of Pragmatics*, no. 6.1, pp. 59-77. DOI: 10.1163/18773109-00601004
- Osgood G.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H., 1957. *The Measurement of Meaning*. Urbana, University of Illinois Press. 347 p.
- Stati S., 2013. Implicit Propositions in an Argumentative Approach. *Perspectives in Pragmatics, Philosophy and Psychology*, no. 2, pp. 433-441. DOI: 10.1007/978-3-319-01014-4_17

SOURCES AND DICTIONARIES

- Osipov Yu.S., ed. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia].

- Moscow, Bolshaya ros. entsikl. Publ., 2004–2017.
URL: <https://old.bigenc.ru/>
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. URL: <https://base.garant.ru/10164072>
- Yefremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Contemporary Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow, Astrel Publ., 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>
- Pravila sostavleniya, podachi i rassmotreniya dokumentov, yavlyayushchikhsya osnovaniem dlya soversheniya yuridicheskikh znachimyykh deystviy po gosudarstvennoy registratsii tovarnykh znakov, znakov obsluzhivaniya, kollektivnykh znakov: (utv. Priказом Minekonomrazvitiya RF ot 20.07.2015 № 482, s izmeneniyami na 01.03.2023)* [Rules for Drawing Up, Submitting, and Reviewing Documents That Are the Basis for Legally Significant Actions on State Registration of Trademarks, Service Marks, and Collective Marks. (Approved by Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation Dated 20.07.2015 No. 482, as Amended on 01.03.2023)] URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/482-prikaz-minekonomrazvitiya-rossii-ot-20-07-2015-482>
- Servis fonosemanticheskogo analiza slov* [Phonosemantic Word Analysis Service]. URL: <https://psi-technology.net/servisfonosemantika.php>

Information About the Authors

Marina E. Novichihina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Public Relations, Advertising and Design, Voronezh State University, Voronezh, Russia, novichihiname@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0401-2688>

Inna A. Merkulova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia, igel1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1364-5812>

Информация об авторах

Марина Евгеньевна Новичихина, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия, novichihiname@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0401-2688>

Инна Александровна Меркулова, доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия, igel1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1364-5812>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.7>

UDC 81'42

LBC 81.055.1

Submitted: 29.11.2024

Accepted: 31.03.2025

CONVERSION ANALYSIS AS A TECHNIQUE FOR EXPLICATING INFORMATION

Galina S. Ivanenko

South-Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article is devoted to an urgent problem of modern linguistics and focuses on the development of methods for text interpretation and implicit information extraction. One of the language models that requires explication is the conversion model: the text names the action of Subject 1, which is in a subject-object relationship with the action of Subject 2, information about which needs to be extracted. To solve the stated problem, the theory of conversions was used, some aspects of which, in turn, were subject to specifying. Conversions are viewed within lexical-and-semantic perspective as lexemes that nominate two aspects of the same process, they presuppose and predetermine each other. It is necessary to distinguish between linguistic and contextual conversions, because conversions as lexical antonyms are not identical to conversion as a contextual phenomenon. The constituents of a conversion pair can be asymmetrical in terms of the predetermination of the second component and have a non-identical number of meanings, as only in one of them does the word appear in an interdependent paired relationship. The described features of conversions are considered in the proposed methodology, aimed at solving the problem of information explication from the statement, taking into account the differentiation of its possible and obligatory components. The proposed methodology can become a practical guide to linguistic analysis on the explication of meanings from a statement, in particular in a situation of conflicting interpretations, for the purposes of expert synonymous paraphrasing.

Key words: conversion, conversion analysis, implicit meaning, explication, linguistic expertise.

Citation. Ivanenko G.S. Conversion Analysis as a Technique for Explicating Information. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 79-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.7>

УДК 81'42

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 29.11.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

КОНВЕРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК ПРИЕМ ЭКСПЛИКАЦИИ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Галина Сергеевна Иваненко

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной задаче современной лингвистики – выработке методик интерпретации текста и извлечения имплицитной информации. Одна из языковых моделей, нуждающаяся в экспликации, – конверсивная: в тексте названо действие субъекта 1, находящееся в субъектно-объектной взаимосвязи с действием субъекта 2, информацию о котором и требуется извлечь. Решение данной задачи осуществляется с опорой на теорию конверсивов, отдельные аспекты которой подверглись детализации. Конверсивы рассматриваются в лексико-семантическом аспекте как лексемы, называющие две стороны одного процесса, предполагающие и обуславливающие друг друга. Установлена необходимость различения языковых и контекстуальных конверсивов, поскольку конверсивы как лексические антонимы не тождественны конверсии как контекстному явлению. Показано, что элементы конверсивной пары могут иметь нетождественное количество значений, и только в одном из них слово вступает во взаимоотношения. Компоненты конверсивной пары могут быть асимметричны в аспекте предопределенности второго компонента: предопределенность с одной стороны не влечет за собой такую же предопределенность с

другой. Выявленные особенности конверсивов нашли отражение в авторской методике конверсивного анализа, нацеленной на решение задачи экспликации информации, содержащейся в высказывании, с учетом дифференциации ее возможных и обязательных составляющих. Предложенная методика может стать практическим руководством при проведении лингвистического анализа с целью экспликации скрытых смыслов высказывания в ситуациях конфликта интерпретаций и экспертного синонимического перефразирования.

Ключевые слова: конверсия, конверсивный анализ, имплицитный смысл, экспликация, лингвистическая экспертиза.

Цитирование. Иваненко Г. С. Конверсивный анализ как прием экспликации текстовой информации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 79–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.7>

Введение

Накопленный языковедами опыт анализа текста с целью извлечения смыслов позволяет выявлять такие сферы лингвистики, которые еще недавно казались исключительно теоретическими, но в свете запросов развивающихся «интерпретационных» направлений филологии (когнитивной лингвистики, семиотики, лингвоэкспертологии) и ответов на эти запросы приобрели практическую значимость [Бринев, 2009; Бринев, Шпильная, 2020; Иваненко, 2018а; 2018б; Ионов, 2019]. В настоящей статье рассмотрено применение положений теоретической лингвистики о конверсивах в современной экспертной практике: имеющиеся научные представления дали обоснование практическим решениям, а анализ конфликтных контекстов и связанных с ними вопросов интерпретации текста позволил уточнить и скорректировать саму теорию.

Изучение конверсивов в отечественном языкознании началось во второй половине XX века. Первые упоминания термина появились в переводных текстах [Есперсен, 2017; Лайонз, 1978], а тема получила развитие в русскоязычной лингвистической литературе в 70–80-е гг. XX в. [Ломтев, 1972; Степанов, 1981; Новиков, 1982; Моисеев, 1985; Апресян, 1995]. Термин *конверсия* приобрел многозначность: им стали обозначать и способ словообразования, при котором новая лексема образуется неморфологическим способом [Кубрякова, 1974; Роженцова, 2001], и семантические отношения между лексемами [Добричев, 1977; 2004; Новиков, 1990; Никиенко, 2003; Гильбурд, 2004; Чупановская, 2009], и процедуру синонимической синтаксической мены [Нелюбин, 2003].

Применительно к процедуре лингвистического, в частности экспертного, анализа

текста нас интересует конверсия как лексико-семантическое явление. В этом направлении исследованию конверсии посвящен ряд работ И.Е. Ивановой (Горбуновой), представляющих в комплексе описание развития конверсологии, исследование природы конверсии и ее функционирования [Иванова 2015а; 2015б; 2015в; Горбунова, 2022]. Ею дано определение явления: «Конверсивы в нашем понимании – это слова одного лексико-грамматического класса, занимающие позицию реляционного предиката в структуре конвертируемых предложений и выражающие значения, соотносящиеся с одним денотатом и реализующиеся в изменении направления отношений в семантической (но не в денотативной) структуре данных предложений, например *иметь – принадлежать*» [Иванова, 2015б, с. 126].

Опираясь на сделанные в исследовании выводы, отметим, что, поскольку оно не было нацелено на решение задачи по извлечению информации, существенные аспекты темы остались нераскрытыми. Для общего восприятия, в частности художественно-эстетического, не важна та абсолютная точность семных компонентов, которая требуется для ответа на вопрос о наличии в исследуемом тексте четкого, однозначного утверждения. Так, в приводимом в процитированной статье примере «Создатель ↔ создание: Лавров – <...> создатель первого в СССР транслятора с Алгола <...>. ↔ Первый в СССР транслятор с Алгола – создание Лаврова» [Иванова, 2015б, с. 126] для передачи общего смысла, возможно, и достаточно реализации признаков конверсивности, но для достоверной экспертной перефразировки необходима еще и симметрия обязательной конверсивной взаимной обусловленности компонентов пары вне дополнительного контекста. Предпо-

жим, что Лавров главный, но не единственный создатель транслятора: у него были помощники. Предложение *Лавров – создатель первого в СССР транслятора с Алгола* не сообщает этого обстоятельства, но и не искажает смысл: даже если у Лаврова были коллеги или помощники, о нем можно сказать, что он создатель изобретения. Фокус описания – лицо, цель предложения – сообщить информацию о нем. Когда же субъектом – центром характеристики – становится изобретение, называние только одного из авторов – неполная информация. Если Лавров не единственный автор транслятора, этот транслятор не является созданием Лаврова. Верность конверсивной пары *создание – создатель* относительна.

Эту относительность следует учитывать и оговаривать при экспликации информации в экспертной практике. Приведенным примером мы преследовали цель показать, что в конверсологии остается множество невыясненных факторов, влияющих на использование конверсивной пары при экспликации информации, в частности при анализе текста в целях получения экспертного вывода.

Востребованность теории конверсивов в теории анализа текста и в лингвоэкспертологии обусловлена, с одной стороны, очевидной актуальностью для практики судебных исследований процедуры семантического перефразирования [Иваненко, 2012а], с другой стороны, отсутствием конкретных методик таких семантико-грамматических трансформаций. Необходимость синонимической замены возникает в связи с потребностью эксплицировать информацию, содержащуюся в тексте, и практически всегда, в силу конфликта интересов сторон, возникает и конфликт интерпретаций: действительно ли в тексте содержится информация о гражданине X? каков ее объем и содержание? Например, извлекается ли из предложения *Террорист сообщил, что учился у X* утверждение «Террорист сообщил, что его учил X»? В лингвоэкспертной практике мы найдем и положительный, и отрицательный ответ на вопросы, аналогичные поставленному. Анализ формы эксплицитного высказывания научно обоснованными методами предопределяет убедительность интерпретаций смыслов спорных высказываний [Иванен-

ко, 2012б; 2013]. Полагаем, что представленная в статье методика конверсивного анализа может способствовать объективации процедуры экспликации смыслов высказывания, построенного по одной из речеконгнитивных моделей – конверсивной.

Несмотря на то что конверсия привлекает исследователей и определенный материал, безусловно, накоплен, наблюдения сделаны и систематизация предпринята, изучение этого явления, как представляется, только начато, и возникающие в практике интерпретационных анализа, в частности при производстве лингвистической экспертизы, вопросы убедительно подтверждают это. В статье предпринята попытка зафиксировать некоторые не выявленные ранее особенности взаимоотношений в конверсивной паре и предложить вытекающую из этих особенностей методику конверсивного анализа для применения при синонимическом перефразировании, в том числе в целях экспликации информации согласно запросу в экспертной практике. При этом конверсия рассматривается как семантическое явление, связывающее две взаимообусловленные субъектно-объектными отношениями стороны одного процесса.

Материал и методы

В статье представлены факторы и закономерности конверсивного перефразирования, значимые для интерпретации текста, особенно в лингвоэкспертологии.

На первом этапе исследования в авторской и чужой интерпретационной экспертной практике выделены ситуации синонимических экспликаций, требующие подбора максимально точных языковых средств, не искажающих смысл первичного текста. В корпусе интерпретаций выявлены случаи трансформации смысла, существенной для экспертных выводов. На втором этапе сформулированы нерешенные вопросы конверсологии, проецирующиеся на интерпретационную практику. На третьем этапе случаи экспертной конверсии были типологизированы. В рамках четвертого этапа на материале проблемных ситуаций при помощи семного анализа установлен семантический объем конверсивных пар. При помощи лингвистического эксперимента компоненты конверсивных пар ме-

нялись местами, определялся характер их взаимозависимости. На пятом этапе сформирована методика конверсивного анализа, которую возможно применять для целей экспликации информации, в частности в лингвистической экспертизе. В ходе исследования применялись лексико-семантический, семантико-синтаксический, контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

Потребность выявить информацию о лице, содержащуюся и утверждаемую в представленном тексте, в ситуации отсутствия предложений с обозначением этого лица в субъектной позиции, обуславливает поиск такого перефразирования, при котором объем информации об интересующем субъекте не будет сужен или расширен по сравнению с исходным текстом. Одним из способов такой синонимической замены является использование конверсива. При определении конверсивов считаем более точным говорить не о едином денотате [Иванова, 2015а], а о единой ситуации, поскольку связка «денотат – сигнификат – номинация» соотносится с категорией слова, а конверсивы предполагают не один денотат, а целую ситуацию, включающую как минимум два актанта. Поэтому в качестве базового выбираем определение: «Конверсивы (лат. *convertere* обращать, поворачивать) – предикатные слова, обозначающие одну и ту же ситуацию, но подчеркивающие в этой ситуации разные стороны и имеющие обращенную актантную структуру: *Комиссия рассматривает вопрос – Вопрос рассматривается комиссией* (*рассматривать – рассматриваться* – это конверсивы). Конверсивы включают в свою актантную структуру не менее двух актантов» [Жеребило, 2012].

Природа конверсивов кроется в существовании обусловленных реалиями жизни когнитивных моделей, порождающих, в свою очередь, речемыслительные связи и закономерные парные лексические зависимости: «В отличие от синонимов и антонимов, один из конверсивов употребляется в тексте, другой остается за его пределами, но всегда подразумевается благодаря закономерной мене субъекта и объекта» [Новиков, 1990, с. 234]. Конверсивы – это лексические пары, называ-

ющие действия двух сторон одного процесса. Употребление одного элемента пары, обозначающего действие или состояние одного субъекта, предполагает процесс, имеющий как минимум двух участников, и позволяет эксплицировать второй элемент, обозначающий действие или состояние второго участника: *Петр купил у Ивана что-либо – Иван продал Петру что-либо; Петр обкраден Иваном – Иван обокрал Петра*.

В ситуации, когда, согласно запросу, эксперт должен эксплицировать из представленного на анализ текста информацию о лице, он сталкивается с рядом трудностей, которые могут привести к ошибке, обусловленной нерешенностью в современной лингвистике вопросов: все ли слова, обозначающие ситуацию с двумя актантами, имеют конверсивы? если нет, то какие имеют, а какие нет? каковы критерии определения этих слов? В интерпретационной практике ошибочный выбор конверсива, смешение его со словообразовательной парой (также существующей в языковом сознании как модель) и экспликация одного из компонентов такой пары приводят к искусственному приписыванию тексту смыслов, не выражаемых им или выражаемых только вариативно, то есть к неверному или неточному экспертному выводу. Не претендуя на исчерпывающие ответы на обозначенные вопросы, предлагаем методику конверсивного анализа, учитывающую некоторые существенные особенности функционирования конверсивов в речи, понимание которых минимизирует интерпретационные, в том числе экспертные, ошибки в рассматриваемой речесемантической нише перефразирования при помощи конверсивов.

По нашим наблюдениям, конверсивы можно разделить на две группы, которые, по аналогии с элементами других лексических отношений (синонимами, антонимами), предлагаем именовать **языковыми** и **контекстуальными**.

Языковые конверсивы отражают ситуации, абсолютно симметрично обусловленные действиями / состояниями двух сторон, что на языковом уровне проявляется в существовании конверсивных пар, семный состав которых идентичен, за исключением грамматических сем. Языковые конверсивы также делятся на группы.

Грамматические конверсивы – формы одного слова, выражающие тождественные субъектно-объектные отношения разными залоговыми формами – активными и пассивными синтаксическими конструкциями:

1) глаголом и однокоренным страдательным причастием:

Врач убил пациента ↔ Пациент убит врачом;

Взятка получена судьей ↔ Судья получил взятку;

2) переходным невозвратным глаголом и однокоренным возвратным:

Беспорядки готовились организаторами фестиваля ↔ Организаторы фестиваля готовили беспорядки.

Грамматические конверсивы создают иллюзию легкости подбора конверсивной пары. Однако словообразовательная пара «производящее слово – производное слово» далеко не всегда создает семантическую пару, образующую обязательно предполагающие друг друга элементы со значением действий двух сторон одного процесса.

Конверсивы лексические – контекстные антонимы, обозначающие две стороны одного процесса или двусторонних субъектно-объектных отношений:

Сорина – жена Талова ↔ Талов – муж Сориной;

Китов победил Левина ↔ Левин проиграл Китову;

Отец меньше матери вложил в образование дочери ↔ Мать больше отца вложила в образование дочери.

Конверсивы некоррелятивные (термин предложен нами) – слова, обозначающие отношения (*друзья, дружить, сослуживцы, товарищи, ссориться* и др.), следовательно, одно и то же слово сообщает информацию не об одном человеке:

Криминальный авторитет дружит с мэром ↔ Мэр дружит с криминальным авторитетом.

Приведенные конверсивные пары с легкостью извлекаются из «языкового багажа моделей», поскольку хранятся в нем как го-

товые конструкторы. Однако языковое сознание может подвести интерпретатора: как пары воспринимаются не только конверсивы, но и словообразовательные пары, конверсивами не являющиеся. Конверсия в рассматриваемом аспекте – не словообразовательное и формально-языковое, а семантическое явление.

Наблюдение за конверсивами привело к выводу, значимому как для конверсологии, так и для лингвоэкспертологии. Ныне существующие подходы декларируют равенство компонентов конверсивной пары в предопределении второго компонента. Семный и контекстуальный анализ показал, что это не так. Значительная часть пар из числа различающихся возвратным постфиксом семантически асимметрична: один элемент обуславливает второй, а обратная предопределенность не является абсолютной. Например, если сказано, что *кто-то* (1) *кого-то* (2) *поссорил*, то из этого следует, что (2) *поссорились* (*поссорить – поссориться*), но в обратном направлении (*поссориться – поссорить*) конверсия не реализуется. Второй элемент пары не обязателен и не предопределен: чья-либо ссора не требует непременно участия лица, которое эту ссору спровоцировало. Такие конверсивы можно назвать неполными, и в экспертной практике необходимо оговаривать вытекающую из этой неполноты специфику экспликации.

Оба элемента конверсивной пары могут предполагать второй элемент как возможный, но не обязательный: *Учитель обидел ребенка* не предполагает гарантированного конверсива *Ребенок обиделся на учителя*. Равно как и *Ребенок обиделся на учителя* не позволяет вывести смысл: *Учитель обидел ребенка*. Слова-понятия *обидеть – обидеться* содержат субъективный компонент смысла. Употребляемое в тексте *обидел* может означать некое действие, воспринятое как обидное автором текста, но не объектом действия. Например, в романе Дэниела Киза «Цветы для Элджернона» умственно неполноценного молодого человека обижают, но он не понимает издевательств и принимает их за дружеское расположение. Наоборот, эксплицитное *обиделся* не требует как обязательной экспликации *обидел*, характеризующего действия со стороны второго субъекта ситуации. Такие конверсивы вне контекста пред-

лагаем квалифицировать как потенциальные. Контекст может содержать конкретизаторы, позволяющие признать потенциальную конверсию либо реализованной, либо нет. Полным конверсивом к *обидел* будет, по-видимому, *обижен*: *учитель обидел ученика – ученик обижен учителем*. Пара представлена взглядом со стороны как передача объективного положения вещей. Если убрать из конструкции зависимое существительное в творительном падеже со значением субъекта действия (*учителем*): *ученик обижен* – доминирует субъективизм восприятия обстоятельств учеником. Приведенные эксперименты убеждают в необходимости тщательного подбора конверсивной пары при синонимическом перифразировании.

Противостоят языковым **контекстуальные конверсивы**. Языковые конверсивы – готовая модель, включающая два элемента и существующая в языке как мнемонический конструкт, который, как было показано в предыдущей части статьи, может реализовать или не реализовать семантическую конверсию в зависимости от того, какой элемент эксплицирован, а какой имплицирован, и от контекста. Эти конверсивы тоже основаны на модели, но такая модель заведомо является вариативной: элементы пары имеют высокий уровень самостоятельности и в языковом сознании не существуют как обязательно взаимообусловленные, поскольку обозначают реалии, не связанные такой парностью реализаций. Из контекста вытекает взаимосвязь обстоятельств или отсутствие ее. Например, глагол *поселиться* вне контекста самостоятелен, обозначает процесс, который не предполагает обязательного участия второго лица, а соответственно, и наличия конверсива: *он поселился в Липецке 10 лет назад; Мы поселились у хозяйки в стареньком домике на берегу реки*. Однако контекст может актуализировать способность глагола участвовать в дуальной модели *поселиться* ↔ *поселить*: *Террорист **поселился** в Москве у родственников* ↔ *Родственники **поселили** террориста у себя в Москве*. Наличие предлога *у* в словоформе *у родственников* формирует смыслы: «родственники живы», «родственники живут в Москве», «проживают на некой жилплощади, на которую и приня-

ли террориста». Утверждается факт поселения, осознание же родственниками статуса поселенного как «террориста» не утверждается. Инверсия эксплицитного и имплицитного компонентов делает конверсию обязательной: если в тексте использован глагол *поселили*, обязательно эксплицируемым будет *поселился*, притом и вне контекста, то есть в одной конверсивной паре одно направление конверсии является языковым, обязательным и предопределенным (*поселить – поселиться*), а инверсивное ему (*поселиться – поселить*) – контекстуальным.

Важную роль в процедуре экспликации имплицитных смыслов играет умолчание – недостаточно пока раскрытый элемент интерпретационных процессов. Предполагаем, что в норме умолчание дает реализоваться стандартным когнитивным связям и реализующим их языковым моделям.

Например, поскольку процедура передачи взятки включает как минимум двух действующих лиц, две стороны процесса – взяткодателя и взяткополучателя, язык содержит конверсивную модель *дать взятку – получить взятку*. Она заложена в языковом сознании и предполагается при использовании: *Иванов дал взятку Петрову* – вне каких-либо пояснений предполагается, что Иванов *дал взятку*, а Петров ее *получил (принял)*. Если пояснения отсутствуют, слово *дать* вообще в русском языке существует как компонент конверсивной пары *дать – взять / получить*:

Семье дали квартиру ↔ *Семья получила квартиру;*

Я дала тебе вчера документы ↔ *Ты получил от меня вчера документы.*

В норме, без опровергающих факторов, дополнений и уточнений, конверсивная модель реализуется и, на наш взгляд, должна приниматься для интерпретации текста и вскрытия подтекста. Например, из фразы *Именно тогда губернатору и **передали** документы на владение объектом недвижимости в обмен на предоставление земельного участка* извлекается смысл: «губернатору передали документы на владение объектом недвижимости, губернатор получил / принял эти документы». Следующее объяснение лингвиста пред-

ставляется неверным, не отражающим реальные процессы выражения смыслов языковыми средствами: «В приведенном фрагменте отсутствует информация о деятельности, действиях, поступках губернатора. Сообщается о действии иных лиц: У передал губернатору некие документы, но не сообщено, как прореагировал губернатор на такую передачу: во-первых, просил ли он или требовал такой передачи, во-вторых, как прореагировал на подарок и, в-третьих, принял ли его. Ни один из этих пунктов не отражен в тексте. Следовательно, нельзя утверждать, что в тексте сообщается о получении губернатором от У чего-либо. Негативная информация о действиях, поступках, поведении губернатора в тексте отсутствует». Автор проявил формализм, отказался от экспликации тех смыслов, которые в норме извлекаются русскоговорящим читателем из текста, так как в отсутствие оговорок реализуется типовая когнитивная модель. Поскольку обозначенная конверсивная пара *передали* ↔ *принял*, по нашей глубокой убежденности, является конструктором языкового сознания, она на практике реализуется и воплощается в понимание текста по законам актуализации невербализованного элемента конверсивной пары.

Наблюдения за языковой фиксацией фактов показывают, что, безусловно, не все детали процесса вербализуются. На этом языковом феномене базируется явление синтаксической неполноты, в частности эллиптической. Типовая когнитивная модель предопределяет сокращение предполагаемых, а потому необязательных вербализаторов. Детализация типового и предсказуемого является скорее исключением, чем правилом, и в отсутствие такой детализации в норме реализуется вариант интерпретации, воспринимаемый как типовой. Например, из высказывания *Вчера Нариков ходил в гости к Бондаренко и вернулся отравленным* следует, что Нариков ходил в гости к Бондаренко, то есть был у него (них), и это посещение привело его в состояние отравления: «в гостях у Бондаренко Нариков получил отравление». Можно, конечно, утверждать, что формально использован глагол *ходил* и неизвестно, дошел ли Нариков до Бондаренко, или, может быть, он не застал Бондаренко дома.

Однако в норме формулировка *ходил к* трактуется как «был у», «посетил, увидел, встретился с». Если реализуется этот традиционный смысл, пояснения не нужны, а для реализации смысла «ходил, но не застал» либо не употребляется конструкция *ходил к*, либо используются пояснения. Жизненный опыт свидетельствует о том, что в гостях человек, как правило, не ест в одиночку. Поскольку языковые модели отражают именно жизненный опыт, смысл приведенной фразы, связанный с Бондаренко, можно выразить при помощи конверсивного анализа так: «Нариков был в гостях у Бондаренко и вернулся отравленным». Экспликация же из текста утверждения «Бондаренко отравил / отравила / отравили Нарикова» будет превышением содержания конверсивной информации. Слово *отравили* вступает в полные взаимобусловленные конверсивные отношения со страдательным причастием *отравлен*, а не с возвратным глаголом *отравился*, самим постфиксом констатирующим только факт физического состояния пострадавшего лица, но не факт воздействия на него, в данном случае – намеренного отравления кем-либо. Экспликация денотатов высказывания вариативна, а ее экспертное выражение не должно увеличивать или уменьшать объем выражаемых смыслов (см. таблицу).

Анализ конкретных конфликтных ситуаций позволил обозначить основную интерпретационную проблему, связанную с экспликацией конверсивов: смешение действительно абсолютно однозначно, при всех обстоятельствах обусловленного элементом (1) имплицитного и эксплицируемого элемента (2) пары (истинные конверсивы), и элемента (2), не предопределенного элементом пары (1) во всех типовых ситуациях, а только вариативно возможного (псевдоконверсивы). Использование псевдоконверсивов ведет к неточной экспликации и неточным, неполным, искаженным выводам.

Рассмотрим пару *уговорить* – *согласиться*. При эксплицитном *А уговорил Б* действительно предполагается имплицитное *Б согласился на уговоры А*. Действие, обозначаемое глаголом совершенного вида *уговорить*, достигло своего результата, а поскольку его целью было чье-либо согласие на что-

Пример экспликации возможных денотатов и экспертного описания семантического объема высказывания

An example of explication of possible denotations and an expert description of the semantic scope of an utterance

Эксплицитное	Возможные реалии, отраженные высказыванием	Экспликация информации о Бондаренко
<i>Вчера Нариков ходил в гости к Бондаренко и вернулся отравленным</i>	У Бондаренко была отравленная / испорченная еда	Бондаренко принял / приняла / приняли в гости Нарикова (по чьей инициативе он приходил, информация отсутствует), и произошло его отравление (по какой причине, информация отсутствует)
	Бондаренко сознательно отравил / отравила / отравили Нарикова	
	Нариков пришел к Бондаренко с отравленной / несвежей едой, вызвавшей его отравление	

либо / в чем-либо, то можно уверенно назвать глаголы конверсивами. Однако, если мы поменяем эксплицитный и имплицитный элементы местами, получим псевдоконверсию: речевое действие, обозначенное глаголом *согласиться*, может являться результатом воздействий, существенно различающихся (уговоры, шантаж, просьба, угроза, деловое предложение). Из фразы в телефонном разговоре *Я согласен* не представляется возможным однозначно эксплицировать то воздействие, реакцией на которое стало озвученное согласие. В направлении: эксплицитное *согласиться* – эксплицируемое *уговорить* – пара будет псевдоконверсивной.

Значима для экспертной практики также языковая ситуация полиинтерпретативности экспликанта, причиной которой является полисемия одного из элементов пары. Как видится на настоящем этапе разработки темы, проблемы для экспликации создаст многозначность прежде всего второго, эксплицируемого элемента пары. Например, содержится ли в высказывании сообщение о том, что курьер намеренно испугал бабушку: *Моя бабушка так испугалась этого курьера, что ей прямо нехорошо стало, скорую вызывали?* Словообразовательная пара «возвратный глагол – невозвратный глагол» создает конверсию: *Бабушка испугалась курьера ↔ Курьер испугал бабушку*. Однако в значении возвратного глагола *испугаться* содержится указание на субъективное состояние лица без констатации внешнего воздействия, и зависимое слово, обозначающее объект или причину испуга, не снимает этого субъективизма, выражае-

мого постфиксом. Интерпретатор, эксплицируя информацию о курьере при помощи конверсива: *Курьер испугал бабушку*, порождает конфликт смыслов: слово *испугать* может обозначать как ненамеренное визуальное воздействие, приведшее к испугу, так и намеренное действие по приведению в состояние испуга. Различия в интерпретациях имеют существенную проекцию на экспертные выводы и правовые последствия, поэтому в таких случаях следует пояснить, что из эксплицитного текста извлекается только информация о факте испуга и объекте, его вызвавшем. Экпликант – конверсив *испугать* – употребляется без дифференциации значений: информации о целенаправленных действиях курьера для приведения кого-либо в состояние испуга в первичном тексте не содержится.

Опасную зону интерпретации представляет изменение при конверсии роли, места, коннотации эксплицируемого компонента по сравнению с эксплицитным. Следующий контекст интерпретировался истцом ООО «Рыбный» как порочащий деловую репутацию: *ООО «Рыбный» является арендатором этого озера. Проиграв конкурс на право аренды нескольких водоемов, представители фирмы решили обратиться в Федеральную антимонопольную службу, указав, что выигравшие конкурс конкуренты якобы предоставили неверные сведения. Пойдя на поводу у «Рыбного», антимонопольщики удовлетворили жалобу, тем самым еще больше накалив ситуацию.* Доводом стороны истца, связанным с рассматриваемой в статье темой, является подбор конверсива:

«антимонопольщики *пошли на поводу* – значит “Рыбный” *повел на поводу*». Представляется, что фразеологизм и его сконструированный конверсив, обозначая две стороны одного процесса, не тождественны по коннотации, которая в делах о защите деловой репутации является определяющим аспектом. Если со стороны «антимонопольщиков», как государственной службы, *пойти на поводу* – действие, возможно, и негативное, то для коммерческой организации *повести на поводу* (в контексте – направить в антимонопольную службу юридическую аргументацию своей позиции) – действие, пожалуй, достойное высокой оценки за профессионализм. Пример свидетельствует о нетождественности элементов конверсивной пары в реализации категории оценочности.

Учет всех перечисленных факторов позволил сформировать методику применения конверсивного анализа:

1. В представленном высказывании выявляется эксплицированные субъект (1) и предикат (1). Определяется наличие и характер указания на лицо (2), относительно которого необходимо эксплицировать информацию.

2. Устанавливается возможный конверсив-экспликант (2) к эксплицитному предикату (1).

3. Претендент на роль компонента конверсивной пары экспликант (2) проверяется по формуле:

Лицо (1) совершает действие / находится в состоянии (1), которое **предопределяет** действие / состояние (2) лица (2):

1) является ли это действие / состояние (2) лица (2) **обязательным и необходимым** для реализации действия / состояния (1) со стороны лица (1)?

2) является ли действие (2) лица (2) **единственно возможным** для реализации действия / состояния (1) лицом (1)?

При осуществлении проверки необходимо учитывать полный семный состав понятий (1) и (2). Если (1) могло осуществляться и без (2), перед нами не конверсивы, во всяком случае, не полные конверсивы. Если (1) невозможно без (2), неразрывно и обязательно с ним связано, (1) и (2) – полные конверсивы, и экспертная экспликация на их основе будет объективной.

4. Если эксплицируемый конверсив (2) многозначен, установить, в каком значении он участвует в конверсии или в каком значении он полный, а в каком неполный конверсив. Если эксплицитный компонент (1) не предопределяет значение эксплицируемого (2), отразить это обстоятельство в экспертном заключении.

5. Проверить направление поиска конверсии: требует ли обязательно эксплицитное (1) имплицитного и эксплицируемого (2)? В обратном направлении обусловленность отношений может быть иной: действие (2) лица (2) (экспликант) в обязательном порядке может предполагать обратное действие (1) лица (1) (эксплицитное), но действие (1) лица (1) не обязательно возможно только при условии действия (2) лица (2).

6. В случае установления неполной конверсии изучить контекст: содержит ли он показатели, которые позволят конкретизировать значение каждого элемента конверсивной / неконверсивной пары.

Покажем возможности конверсивного анализа на близких, но не тождественных моделях: 1) *Х учился у Н* и 2) *Х обучался у Н*. Предикативные основы *Х учился* и *Х обучался* связаны с актантом Н: он назван лицом, у которого учился / обучался Х. Слова *учиться* и *обучаться* различаются одним семным компонентом: *учиться* – прежде всего получать знание, при этом процесс этого получения вторичен, он может осуществляться и без другого субъекта – учителя. *Учиться* можно и самостоятельно, беря пример с учителя, читая произведения учителя, который о существовании ученика может и не подозревать. В жизненной практике, а соответственно, в наборе речемыслительных моделей существует представление о процессе, обозначенном как *учиться у кого-либо* «наблюдать, брать пример, подражать». Современный актер говорит, что он учился у Чарли Чаплина, модельер – у Коко Шанель, педагог – у В.А. Сухомлинского. Речь идет о принятии идеалов, повторении приемов, поддержании вектора деятельности. В таком значении слово *учиться* в сочетании *учиться у кого-либо* функционирует в русском языке, чему есть подтверждения в НКРЯ, которые эксперт для доказательства своей позиции может привести в эк-

спертизе. В слове же *обучаться* на первый план выходит сема процесса обучения. Если Х обучался у Н, то совершенно однозначно Н обучал Х. Итак, *обучаться* и *учиться* – синонимы, но различие между ними заключается в семе, значимой для конверсивного анализа. Слово *обучаться* обозначает процесс, предполагающий второй элемент пары – *обучать*, а слово *учиться* допускает, но не требует в обязательном порядке пары *учить*. Притом указанная модель реализуется только при эксплицитных возвратных *обучаться* и *учиться* для экспликации имплицитных *обучить* и *учить*. При перемене мест «слагаемых» картина в свете решаемых задач трансформируется принципиально. Вербализованные в тексте *учить* и *обучать* предполагают и обязательно требуют парных участников действия: оба глагола переходные, поэтому необходимо вербализованное указание на объекты действия. Таким образом, по результатам применения конверсивного анализа высказывание *Х обучался у Н* эксперт может однозначно перефразировать по запросу информации об Н: *Н обучал Х*, а для интерпретации высказывания *Х учился у Н* эксперт будет вынужден обратиться ко всему контексту. Если в тексте будут присутствовать маркеры процесса обучения, возникнут основания дать ответ, тождественный предыдущему, а если нет – объективным будет ответ об отсутствии утверждения об обучающей деятельности Н. Дополнительным фактором, усиливающим трактовку «не факт, что Н учил Х», будут свидетельства известности Н, популярности его просветительской или иной деятельности. Значимость, профессионализм Н в какой-либо области усилят возможность интерпретации «*учиться у Н*» как «*брать пример с Н*».

Проиллюстрируем применение конверсивного анализа решением конкретного конфликта интерпретаций. Опишем ситуацию: журналист зафиксировал на видео процедуру задержания человека, подозреваемого в участии в драке со смертельным исходом, в квартире у женщины, внешний вид которой на момент съемки дает основания предполагать наличие более чем дружеских отношений с задержанным. В Сети появился репортаж, вызвавший иск героини репортажа о защите

чести и достоинства. Ответим на вопрос: содержится ли в названии публикации «*Прятался у любовницы и пытался сбежать за границу*» и в высказываниях «*Публикуем кадры захвата скрывшегося участника потасовки на челябинской квартире, где он прятался от следователей*», «*Третий участник смертельной драки Саид Даутов (профессиональный боец ММА) пытался спрятаться у любовницы Эллы Сак в Челябинске*» негативная информация об Элле Сак, а именно о том, что она скрывала Саида Даутова, в форме утверждения о факте?

Формулировка *пытался спрятаться* эксплицитно называет действия Саида Даутова, а не Эллы Сак. Предложение *Саид Даутов пытался спрятаться у...* содержит информацию об активном действии лица, обозначенного именем собственным в функции подлежащего. Попытку спрятаться осуществил именно Саид Даутов. Глагол *спрятаться* является возвратным и не требует обязательного зависимого слова. Напротив, он самодостаточно существует в языковой практике и как беззалоговый. *Прятаться* – *прятать* – словообразовательная, но не семантически конверсивная пара: процесс, обозначенный возвратным глаголом *прятаться*, не предполагает обязательного наличия участника ситуации, который бы помогал осуществлять этот процесс. Если кто-то прячется, это обстоятельство не означает непременно, что его кто-то прячет. В глаголах *прятаться* и *прятать* важным элементом семной структуры является сема «осознанность действия по сокрытию», а сами денотаты, обозначаемые рассматриваемыми словами, таковы, что осознанное нахождение субъекта в каком-либо месте с целью скрыться не обязательно предполагает такое же осознание этой цели тем лицом, на территории которого происходит действие. Отличие пары (1) *спрятаться* – *спрятать* от (2) *поселиться* – *поселить* заключается в характере денотатов: если (2) обозначает проявленное внешне физическое действие / состояние, то (1) содержит целевой компонент значения, непроявляемый внешне. Поселившийся у кого-либо человек может иметь цель скрыться, о чем поселивший его может не подозревать. Какую роль принимала в процессе «пытался спрятаться» женщи-

на, у которой участник смертельной драки находился со своими целями, в настоящем фрагменте не сообщается: была ли она осведомлена о событиях, в связи с которыми Саид Даутов скрывался от правосудия, или не была? Принимала ли Саида Даутова на своей территории именно с целью его сокрытия от правосудия или же по другим причинам? Информация, позволяющая ответить на эти вопросы, отсутствует. Извлечение из текста информации «он скрывался у нее – значит, она скрывала его» является ошибочным применением конверсивного анализа (нахождением псевдоконверсивов, в действительности являющихся словообразовательной парой), что на уровне экспликации информации приводит к утверждению в качестве обязательной только возможной извлекаемой информации.

Интерпретационные, в частности экспертные, выводы (их конкретная вербализация) зависят от характера поставленных перед лингвистом задач. Ответ, который мы получаем, применяя конверсивный анализ, во многих случаях является сложным, то есть он состоит минимум из двух позиций: (1) смысл X возможен / невозможен; (2) смысл X является / не является обязательным. Позиции (1) и (2) не противоречат друг другу, а дополняют и корректируют друг друга. В зависимости от заданного вопроса будет дан либо один из двух ответов, либо оба в комплексе. Задача эксперта-интерпретатора – различить содержание запроса и адекватно на него отреагировать.

Так, если стоит задача извлечь смысл из высказывания лица для получения информации с вероятностным проявлением (в ходе следствия, например, для последующей проверки), то ответ будет один, а если с целью определения наличия утверждения, то другой. Упомянутая в статье формулировка *Террорист сказал, что учился у X* допускает вариант интерпретации «X учил террориста», и как рабочую версию эту экспликацию можно учитывать и соотносить с другими лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Именно как вариант, а не однозначное утверждение, поскольку применение конверсивного анализа позволяет заключить, что *учить* – *учиться* не являются конверсивами: глагол *учиться* не требует обязательного парного глагола *учить*. Будет неверным по ре-

зультатам экспертизы сделать вывод, что в приведенном высказывании содержится утверждение о том, что X учил террориста. Информация о роли X как лица, осуществляющего обучение террориста, – необязательный экспликант из текста, а следовательно, она не должна быть представлена как утверждаемый в анализируемом тексте смысл, что значимо при ответах на вопросы, требующие выявления утверждений. Приведенный пример преследовал цель продемонстрировать различие экспертных ответов в зависимости от содержания запроса – различие, обусловленное дифференциацией возможной (вариативной) и утверждаемой эксплицируемой информации.

Выводы

1. Конверсивный анализ текста – извлечение имплицитной информации на основе экспликации конверсивной пары, один компонент которой назван, а второй восстанавливается как элемент существующей в языковом сознании модели.

2. По итогам проведенного в лингвоэкспертном аспекте исследования конверсивов предложена методика конверсивного анализа как разновидность метода синонимического перефразирования в целях экспликации информации. Конверсивный анализ требует установления границ конверсии:

- дифференциации конверсивов и псевдоконверсивов;
- определения конверсивного значения;
- определение роли конверсива в контексте.

3. В аспекте разработки конверсологии существенными стали следующие выводы: конверсивы как лексические антонимы не тождественны конверсии как контекстному явлению, иными словами, следует различать конверсивы языковые и контекстуальные; элементы конверсивной пары могут иметь нетождественное количество значений, и только в одном из них слово выступает во взаимобусловленные парные отношения; компоненты конверсивной пары могут быть асимметричны в аспекте предопределенности второго компонента (предопределенность с одной стороны не означает такой же предопределенности с другой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Яз. слав. культур. 480 с.
- Бринев К. И., 2009. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул : Алт. гос. пед. ун-т. 252 с.
- Бринев К. И., Шпильная Н. Н., 2020. Теория объективного знания и когнитивная теория языка: постановка проблемы // Вестник Марийского государственного университета. Т. 14, № 3 (39). С. 351–360. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-351-360
- Гильбурд А. М., 2004. Конверсные отношения в современном русском языке. Сургут : РиО СурГПИ. 164 с.
- Горбунова И. Е., 2022. Признаки лексических конверсивов в современном русском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 5. С. 136–138. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.05.12
- Добричев С. А., 1977. Эксплицитные и имплицитные характеристики семантики конверсных глаголов в текстах современного английского языка: на материале группы глаголов «имущественных отношений» : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск. 171 с.
- Добричев С. А., 2004. Конверсные отношения в современном английском языке. Барнаул : Изд-во БГПУ. 292 с.
- Есперсен О., 2017. Философия грамматики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 11 (39). С. 137–141.
- Жеребило Т. В., 2012. Термины и понятия лингвистики : Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : слов.-справ. Назрань : Пилигрим. 126 с.
- Иваненко Г. С., 2012а. Вторичный текст как источник правового конфликта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (17). С. 54–58.
- Иваненко Г. С., 2012б. Понятия значения, смысла, понимания, восприятия, интерпретации текста в концепции целевого лингвистического судебного исследования // Мир науки, культуры, образования. № 4 (35). С. 74–78.
- Иваненко Г. С., 2013. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4-2 (22). С. 82–87.
- Иваненко Г. С., 2018а. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. М. : Флинта. 247 с.
- Иваненко Г. С., 2018б. На пересечении языка и права. Из практики производства судебных лингвистических экспертиз. М. : Флинта. 279 с.
- Иванова И. Е., 2015а. Генезис конверсивных отношений в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11-2 (53). С. 66–69.
- Иванова И. Е., 2015б. Соотношение понятий «конверсивная пара» и «словообразовательная пара» в семантико-derivационном подходе в изучении конверсивов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8 (103). С. 126–130.
- Иванова И. Е., 2015в. Прагматическая функция конверсивов в художественном тексте // Universum: филология и искусствоведение. № 9/10 (22). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2651>
- Ионова С. В., 2019. Содержание документа и его толкование как предмет лингвистической экспертизы // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. докл. Междунар. науч. конф., Н. Новгород, 16–17 мая 2019 г. Н. Новгород : Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. С. 167–172.
- Кубрякова Е. С., 1974. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. № 5. С. 64–76.
- Лайонз Дж., 1978. Введение в теоретическую лингвистику : пер. с англ. / под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. М. : Прогресс. 543 с.
- Ломтев Т. П., 1972. Предложение и его грамматические категории. М. : Изд-во МГУ. 198 с.
- Моисеев А. И., 1985. Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка) // Лексико-семантические группы современного русского языка : сб. науч. тр. / под ред. Ю. В. Фоменко. Новосибирск : Изд-во НГПИ. С. 3–14.
- Нелюбин Л. Л., 2003. Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта. 318 с.
- Никиенко И. В., 2003. Адъективные конверсивы в современном русском языке (на материале отыменных образований) : дис. ... канд. филол. наук. Томск. 310 с.
- Новиков Л. А., 1982. Семантика русского языка. М. : Высш. шк. 272 с.
- Новиков Л. А., 1990. Конверсия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 234–235.
- Роженцова Л. Н., 2001. Конверсия в derivационном аспекте // Материалы Международной научной конференции «Русский язык : Вопросы теории и инновационные методы преподавания». В 3 ч. Ч. 1. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та. С. 146–152.

- Степанов Ю. С., 1981. Имена. Предикаты. Предложения : Семиологическая грамматика. М. : Наука. 360 с.
- Чупановская М. Н., 2009. Трансформация семантической противоположности отраженных антонимов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1. С. 68–73.

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1995. *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected Works. In 2 Vols. Vol. 1. Lexical Semantics. Synonymous Language Tools]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 480 p.
- Brinev K.I., 2009. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Expertise]. Barnaul, Alt. gos. ped. un-t. 252 p.
- Brinev K.I., Shpilnaya N.N., 2020. *Teoriya obyektivnogo znaniya i kognitivnaya teoriya yazyka: postanovka problemy* [Theory of Objective Knowledge and the Cognitive Theory of Language: Formulation of the Problem]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], vol. 14, no. 3 (39), pp. 351-360. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-351-360
- Gilburd A.M., 2004. *Konversnye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Converse Relations in Modern Russian]. Surgut, RiO SurGPI Publ. 164 p.
- Gorbunova I.E., 2022. *Priznaki leksicheskikh konversivov v sovremennom russkom yazyke* [Linguistic Peculiarities of Lexical Converse Terms]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice], no. 5, pp. 136-138. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.05.12
- Dobrichiev S.A., 1977. *Eksplitsitnye i implitsitnye kharakteristiki semantiki konversnykh glagolov v tekstakh sovremennogo angliyskogo yazyka: na materiale gruppy glagolov «imushhestvennykh otnosheniy»: dis. ... kand. filol. nauk* [Explicit and Implicit Characteristics of the Semantics of Converse Verbs in Modern English Texts: Based on the Material of the Verb Group Property Relations]. Cand. philol. sci. diss.]. Pyatigorsk. 171 p.
- Dobrichiev S.A., 2004. *Konversnye otnosheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Converse Relations in Modern English]. Barnaul, Izd-vo BGPU. 292 p.
- Espersen O., 2017. *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of Grammar]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], no. 11 (39), pp. 137-141.
- Zherebilo T.V., 2012. *Terminy i ponyatiya lingvistiki: Leksika. Leksikologiya, Frazeologiya, Leksikografiya: slov.-sprav.* [Terms and Concepts of Linguistics. Vocabulary. Lexicology, Phraseology, Lexicography. Reference Dictionary]. Nazran, Pilgrim Publ. 126 p.
- Ivanenko G.S., 2012a. *Vtorichnyy tekst kak istochnik pravovogo konflikta* [Secondary Text as Legal Conflict Source]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 6 (17), pp. 54-58.
- Ivanenko G.S., 2012b. *Ponyatiya znacheniya, smysla, ponimaniya, vospriyatiya, interpretatsii teksta v kontseptsii tselevogo lingvisticheskogo sudebnogo issledovaniya* [Notions of Value, Meaning, Understanding, Perception, Interpretation of the Text in Concept of the Target Legal Language Research]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 4 (35), pp. 74-78.
- Ivanenko G.S., 2013. *Analiz formy rechevogo vozdeystviya na adresata kak aspekt sudebnogo issledovaniya ekstremistskogo teksta* [Addressee Speech Influence form Analysis as Aspect of Extremist Text Judicial Scrutiny]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Issues of Theory and Practice], no. 4-2 (22), pp. 82-87.
- Ivanenko G.S., 2018a. *Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii* [Linguistic Expertise in the Processes of Protecting Honor, Dignity, and Business Reputation]. Moscow, Flinta Publ. 247 p.
- Ivanenko G.S., 2018b. *Na peresechenii yazyka i prava. Iz praktiki proizvodstva sudebnykh lingvisticheskikh ekspertiz* [At the Intersection of Language and Law. From the Practice of Conducting Forensic Linguistic Examinations]. Moscow, Flinta Publ. 279 p.
- Ivanova I.E., 2015a. *Genezis konversivnykh otnosheniy v yazyke* [Genesis of Converse Relations in the Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Issues of Theory and Practice], no. 11-2 (53), pp. 66-69.
- Ivanova I.E., 2015b. *Sootnoshenie ponyatiy «konversivnaya para» i «slovoobrazovatel'naya para» v semantiko-derivatsionnom podkhode v izuchenii konversivov* [Correlation of the Notions Converse Pair and Word-Formative Pair in the Semantic and Derivational Approach in

- the Study of Conversion]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 8 (103), pp. 126-130.
- Ivanova I.E., 2015v. Pragmaticheskaya funktsiya konversivov v khudozhestvennom tekste [Pragmatic Function of Converses in a Literary Text]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 9-10 (22) URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2651>
- Ionova S.V., 2019. Soderzhanie dokumenta i ego tolkovanie kak predmet lingvisticheskoy ekspertizy [Content of the Document and Its Interpretation as a Subject of Linguistic Expertise]. *Mezhdunarodnye i natsionalnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoy ekspertizy: sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf.; N. Novgorod, 16–17 maya 2019 g.* [International and National Trends and Prospects for the Development of Forensic Expertise. Collection of Documents International Scientific Conference; N. Novgorod, May, 16–17, 2019]. Nizhny Novgorod, Nats. issled. Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo, pp. 167-172.
- Kubryakova E.S., 1974. Derivatsiya, transpozitsiya, konversiya [Derivation, Transposition, Conversion]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 64-76.
- Lyons D., 1978. *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to Theoretical Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 543 p.
- Lomtev T.P., 1972. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [Sentence and Its Grammatical Categories]. Moscow, Izd-vo MGU. 198p.
- Moiseev A.I., 1985. Terminy rodstva i svoystva kak konversivy (na materiale russkogo yazyka) [Kinship Terms and Properties as Converses (Based on the Material of the Russian Language)]. Fomenko Yu.V., ed. *Leksiko-semanticheskie grupy sovremennogo russkogo yazyka: sb. nauch. tr.* [Lexical-Semantic Groups of the Modern Russian Language. Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, Izd-vo NGPI, pp. 3-14.
- Nelyubin L.L., 2003. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar* [Explanatory Translation Dictionary]. Moscow, Flinta Publ. 318 p.
- Nikienko I.V., 2003. *Adyektivnye konversivy v sovremennom russkom yazyke (na materiale otyemennykh obrazovaniy): dis. ... kand. filol. nauk* [Adjectival Converses in Modern Russian (Based on the Material of Nominative Formations). Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk. 310 p.
- Novikov L.A., 1982. *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian Language]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 272 p.
- Novikov L.A., 1990. Konversiya [Conversion]. Yarceva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., pp. 234-235.
- Rozhentszova L.N., 2001. Konversiya v derivatsionnom aspekte [Conversion in the Derivational Aspect]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Russkiy yazk: Voprosy teorii i innovatsionnye metody prepodavaniya»*. V 3 ch. Ch. 1 [Proceedings of the International Scientific Conference “Russian Language”. Theoretical Issues and Innovative Teaching Methods”. In 3 Pts. Pt. 1]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, pp. 146-152.
- Stepanov Yu.S., 1981. *Imena. Predikaty. Predlozheniya: Semiologicheskaya grammatika* [Names. Predicates. Sentences. Semiological Grammar]. Moscow, Nauka Publ. 360 p.
- Chupanovskaya M.N., 2009. Transformatsiya semanticheskoy protivopozlozhnosti otrazhennykh antonimov [Transformation of Semantic Opposition of the Reflected Antonyms]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 1, pp. 68-73.

Information About the Author

Galina S. Ivanenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, South-Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, gala.april@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1454-5047>

Информация об авторе

Галина Сергеевна Иваненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия, gala.april@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1454-5047>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.8>

UDC 81'42:37.091.64

LBC 81.055.1

Submitted: 02.12.2024

Accepted: 31.03.2025

PRAGMATIC CRITERIA FOR LINGUISTIC EXAMINATION OF EXPOSITORY TEXT¹

Pavel Trushchelev

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

Aleksandra V. Gorbacheva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Maria Yu. Lebedeva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper introduces a pragmatic interpretation for linguistic examination of an expository text: the expertise involves functional assessment of the contribution of various linguistic textual components to the implementation of its (perlocutionary) tasks within the framework of educational communication. The elucidation is exemplified by the analysis of linguistic means that implement the task of programming the interpretation of the expository text by the addressee. The article characterizes the means-signals that enable expressing the relationships between the structural components of the text, which is considered with reference to three aspects of text formation: information structure, coherence, and modus plan. In the aspect of information structure, the means of thematic perspective organization and focus expression are considered; in the aspect of coherence – coreferential expressions and markers of logical relations; in the aspect of modus plan – metatextual constructions and introductory modal components of sentences. The undertaken pragmatic analysis of the signal means has enabled the assessment of their communicative role. The nonoptimal use of signal means is shown to cause such an interpretation of the text, when the relations between its structural components cannot be established correctly. The analysis of negative linguistic material (the cases of expressing ambiguous relations between the textual components) resulted in substantiating a linguistic criterion for a good expository text. A good expository text sets a model of its interpretation with the help of linguistic means that express the relations between its structural components and thereby allow the student to recognize and determine these relations. In linguistic evaluation, this criterion can be viewed as an assessment parameter: how adequately, accurately, relevantly and explicitly the relations between its structural components are expressed in the expository text.

Key words: expository text, textbook, linguistic examination, interpretation of the text, perlocution.

Citation. Trushchelev P., Gorbacheva A. V., Lebedeva M. Yu. Pragmatic Criteria for Linguistic Examination of Expository Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 94-105. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.8>

УДК 81'42:37.091.64

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 02.12.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ УЧЕБНОГО ТЕКСТА¹

Павел Трущелёв

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения

Александра Вячеславовна Горбачева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Мария Юрьевна Лебедева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В работе предложена прагматическая трактовка лингвистической экспертизы учебного текста: экспертиза предполагает функциональную оценку вклада различных языковых компонентов текста в реализацию его (перлокутивных) задач в рамках учебной коммуникации. Трактовка раскрыта на примере анализа языковых средств, реализующих задачу программировать интерпретацию учебного текста адресатом. Охарактеризованы средства-сигналы, которые позволяют выразить отношения между структурными компонентами текста, рассмотренного с учетом трех аспектов текстообразования: информационной структуры, связности, модусного плана. В аспекте информационной структуры анализируются средства организации тематической перспективы и выражения фокуса; в аспекте связности – кореферентные выражения и маркеры логических отношений; в аспекте модусного плана – метатекстовые конструкции и вводно-модальные компоненты предложений. Прагматический анализ средств-сигналов позволил оценить их коммуникативную роль. Показано, как неоптимальное использование средств-сигналов приводит к такой интерпретации текста, при которой отношения между его структурными компонентами не могут быть корректно установлены. На основе результатов анализа отрицательного языкового материала (случаи выражения неоднозначных отношений между компонентами текста) обоснован лингвистический критерий хорошего учебного текста: хороший учебный текст программирует модель его интерпретации при помощи языковых средств, которые выражают отношения между его структурными компонентами и тем самым позволяют учащемуся распознать и установить эти отношения. При лингвистической экспертизе данный критерий может стать параметром оценки: насколько адекватно, точно, релевантно и эксплицитно в учебном тексте выражены отношения между его структурными компонентами. *Вклад авторов.* П. Трущелёв – отбор материала, лингвистический анализ, разработка прагматических оснований. А.В. Горбачева – лингвистический анализ, формулировка положений работы. М.Ю. Лебедева – разработка общей идеи и подходов к анализу, постановка проблемы.

Ключевые слова: учебный текст, учебник, лингвистическая экспертиза, интерпретация текста, перлокуция.

Цитирование. Трущелёв П., Горбачева А. В., Лебедева М. Ю. Прагматические основания лингвистической экспертизы учебного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 94–105. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.8>

Введение

Учебный текст (далее – УТ), будучи основной формой воплощения и передачи знания в образовании, имеет два аспекта – научное знание, которое воплощается в тексте, и дидактика, которая задает способы представления знания [Карчаева, Аликаев, 2010; Rose, 2020]. Эти аспекты определяют качество УТ и подлежат экспертизе при подготовке учебной литературы, в том числе учебников. В России порядок формирования федерального перечня учебников предполагает проведение научной и психолого-педагогической экспертизы. Она, предъявляя требования к качеству текста, позволяет говорить о «хорошем учебном тексте».

Указанные аспекты реализуются с помощью языковых средств, которые выражают

знание в УТ дидактически обусловленным образом. Поэтому представляется важным проводить также оценку языкового качества УТ, или лингвистическую экспертизу. Уже давно обсуждается репертуар параметров такой экспертизы, среди них: доступность [Лапошина, Лебедева, 2021], научность языка [Сидорова, 2018], способность организовывать деятельность учащегося [Холодная, Гельфман, 2016] и др. Тем не менее в контексте лингвистической экспертизы содержание понятия «хороший учебный текст» до сих пор остается неясным. Как пишет М.Ю. Сидорова, «...еще не выявлены лингвистические критерии хорошего учебного текста» [Сидорова, 2018, с. 50].

Для определения таких критериев целесообразно рассмотреть языковое качество УТ с опорой на прагматические основания (при-

меры прагматического анализа см. в ст.: [Сидорова, 2018]). При таком подходе УТ оценивается с учетом деятельности коммуникантов, и прежде всего адресата-учащегося. Детализируем подход, используя теорию речевых актов. Деятельность адресата соотносится с перлокуцией, которая формируется из перлокутивных задач сообщения (прогнозируемое воздействие) и перлокутивного эффекта (реальное воздействие) (см.: [Kang, 2013]). Научный и дидактический аспекты УТ определяют его перлокутивные задачи (их формируют педагоги и психологи). Лингвистическая экспертиза заключается в оценке предполагаемого перлокутивного эффекта с учетом языковых характеристик УТ, которые реализуют перлокутивные задачи.

Известно, что функции учебника не сводятся к информированию. Он также должен организовать интеллектуальную деятельность адресата-учащегося [Холодная, Гельфман, 2016]. Это важно для формирования адекватной ментальной модели УТ в сознании адресата. В связи с этим в педагогике говорят об **управляющей функции** УТ [Холодная, Гельфман, 2016, с. 37]. Она реализует задачу программировать (задавать) интерпретацию УТ читателем, то есть управлять процессом восприятия (вниманием и структурированием текста). В настоящей статье эта задача рассматривается как перлокутивная. Следовательно, перлокутивный эффект понимается как прогнозируемая специалистами модель интерпретации УТ. Цель статьи – охарактеризовать языковые средства, которые реализуют указанную перлокутивную задачу и могут оцениваться при проведении лингвистической экспертизы. Основное внимание уделено случаям несоответствия задачи предполагаемому перлокутивному эффекту (как результату заданных в УТ действий по восприятию).

Материал и методология исследования

Поскольку специфика УТ определяется целями образования, его исследование принято проводить с точки зрения их реализации. Для этого привлекаются прагматические методы анализа текста как функциональной структуры (см.: [Halliday, 2014; Martin, Rose, 2007]).

Большинство работ ориентировано на изучение способов (стратегий, тактик) разъяснения материала. Были описаны приемы иллюстрации тезиса примером, группировки понятий на основании заявленного критерия, оценки ценности, введения источников, представления известных сведений и актуализации знаний, акцентуализации и мн. др. [Дергун, 2005; Трущелёв, 2022; Ярыгина, 2014; Martin, 2013; Parodi, 2014; Rueda Garcia, Atienza, 2020; Van Dijk, Atienza, 2011]. Это позволило представить учебник как место учебного взаимодействия [Rose, 2020]. Результаты исследований показали эффективность прагматических методов анализа текста.

В то же время прагматические работы лишь косвенно касались проблемы интерпретации УТ. Ее обсуждали психолингвисты, обратившиеся к проблеме построения ментальной модели УТ адресатом [Базылев, Красильникова, 2018; Доблаев, 1982; Britton, 1994; Kintsch, 2018]. Специалисты считают, что модель УТ должна быть результатом глубокого понимания: учащийся должен понимать тему, содержание и замысел текста [Базылев, Красильникова, 2018; Доблаев, 1982].

Глубина понимания зависит от того, насколько успешно адресат распознает и устанавливает связи между компонентами текста [Kintsch, 2018; Meyer, Rey, 2011]. Поэтому психолингвисты стали изучать структуры текста, которые указывают на различного рода отношения между компонентами. Такие структуры называли **сигналами**. Данный термин используется и в лингвистике текста: М. Хоуи ввел понятие «сигналы автора читателю» (signals from the writer to the reader), которые в тексте формируют «инструкцию» (guidance) по его адекватной интерпретации [Hoeu, 2001] (в ряде работ инструктирование связывается с управляющей функцией [Холодная, Гельфман, 2016; Britton, 1994]). Сигналами могут стать разноуровневые единицы языка и текста [Hoeu, 2001, p. 27]. К ним относятся союзы, местоимения, вопросы, метаструктура, порядок следования частей текста, графические элементы и т. д. Эксперименты неоднократно подтверждали вклад этих единиц в прогнозируемую интерпретацию текста [Трущелёв, 2024; Degand, Sanders, 2002; Lorch, Lemarie, Grant, 2011; Meyer, Wijekumar, Lei,

2018; Nubla-Kung, 2008; Van Silfhout, Evers-Vermeul, Sanders, 2015].

Можно сделать предположение о том, что **языковое качество УТ определяется языковыми средствами, которые являются для читателя сигналами отношений между структурными компонентами УТ**. Следовательно, хороший УТ содержит такие средства-сигналы, которые позволяют учащемуся корректно распознать и установить отношения между компонентами текста.

Отнесение языковой единицы к сигналам основано на оценке ее способности в заданном контексте манифестировать отношения между компонентами текста [Ноеу, 2001]. Такая оценка функциональна и определяется способностью языкового средства указать адресату на то, как нужно связать между собой компоненты текста при построении его ментальной модели. Следовательно, сигналы можно выделять и анализировать с помощью разработанных прагматических методов анализа УТ.

Далее будут рассмотрены средства-сигналы с учетом трех аспектов текстообразования – информационной структуры, связности и модусного плана (о них см.: [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004; Halliday, 2014; Martin, Rose, 2007]). Основное внимание будет уделено примерам неоптимального использования средств-сигналов. Такие примеры позволят обосновать выдвинутое требование к хорошему УТ. Примеры извлечены из корпуса современных УТ (2–9-е классы), который создается лабораторией когнитивных и лингвистических исследований Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. В настоящее время объем корпуса превышает 1,5 млн словоупотреблений; проводится разметка логической и референциальной структуры текстов. Поскольку примеры из корпуса рассматриваются как элементы массива данных и для целей нашего исследования не актуальна предметная отнесенность учебника, указание на конкретный источник не приводится.

Результаты и обсуждение

Информационная структура

Информационная структура (далее – ИС) задает отношения с учетом распределения информации на исходную (тема) и актуальную

(рема). ИС учитывает информационное состояние и ожидания адресата. Так, выбор информации как исходной часто обусловлен фактором «общего знания», которое разделяют автор и читатель [Krifka, 2008]. Следовательно, средства выражения ИС являются сигналами организации содержания в УТ (см.: [Martin, 2013]). Они регулируют внимание адресата и структурирование содержания текста (членение информации, выделение значимой информации, соотнесение частей информации).

На уровне макроструктуры информация распределяется в рамках **членения** текста [Martin, Rose, 2007; Pipalova, 2005]. Учебник, как правило, членится на главы, параграфы и подпараграфы [Карчаева, Аликаев, 2010]. Их темы выражаются **заголовками** (например, *Гигиена человека, Механика*). Устанавливая тему фрагмента, заголовок обеспечивает его целостность; членя фрагмент, система заголовков его структурирует [Pipalova, 2005].

В учебниках важна предметная адекватность рубрикации [Карчаева, Аликаев, 2010; Lorch, Lemarie, Grant, 2011]. Приведем пример аномальной рубрикации:

(1) **параграф** Основные особенности звукового строя русского языка:

подпараграфы Фонетические признаки заимствований, Фонетические признаки старославянизмов.

В подпараграфах описаны фонетические характеристики не исконно русских слов (например, неполногласие, инициальный гласный /а/). Таким образом фонетические характеристики русского языка отмечаются как признаки, несвойственные исконно русским словам. Следовательно, название параграфа неточно выражает предмет речи и в некоторой степени противоречит названиям подпараграфов.

Первые предложения рубрик принято рассматривать как **тематические**: они задают тематическую перспективу и вводят ключевые слова [Pipalova, 2005]. Это облегчает читателю структурирование текста. Важно учитывать тематическую функцию первых предложений. Рассмотрим начало подпараграфа *Современная лингвистика*:

(2) Сегодня наука обращена к актуальным проблемам нашей жизни. Самые перспективные

направления предусматривают ее взаимодействие с другими научными сферами. Так, пересечение интересов лингвистики с психологией находит отражение в психолингвистике...

Выбор первого предложения представляется неудачным, поскольку второе предложение не развивает заданную тематическую перспективу. По сути, оба предложения характеризуют различные аспекты предмета речи (лингвистики как науки). Аналогичные нарушения представлены ниже в примере (7).

Тематические предложения могут задавать тему абзаца. Важна тематическая целостность этой единицы. Следующий абзац представлен в рубрике *Начало освоения Сибири* (для удобства разбора здесь и в ряде других примеров дана нумерация предложений):

(3) (i) Через несколько лет Ермак погиб. (ii) На его небольшой отряд внезапно, ночью... напали татары. (iii) Лихой атаман... бросился в Иртыш и утонул. (iv) Вслед за Ермаком в Сибирь устремились отряды казаков и стрельцов, а потом и русские крестьяне, ремесленники, охотники. (v) В конце XV века Кучум был окончательно разбит русскими войсками. (vi) Сибирское ханство перестало существовать.

С учетом изменения темы представляется более обоснованным следующее членение. Предложения (i)–(iii) образуют первый абзац с тематическим предложением (i). Предложение (iv) образует второй абзац, который развивает главную тему подпараграфа. Предложения (v) и (vi) образуют третий абзац, который развивает подтему подпараграфа – борьбу с Сибирским ханством и его ханом.

На уровне микроструктуры **информация распределяется в рамках предложений**. Значимость анализа их ИС часто связана с оценкой фактора контекстуальной обусловленности темы [Firbas, 1995; Halliday, Martin, 1989]. Рассмотрим примеры, в которых ИС предложений осложняет интерпретацию текста:

(4) (i) К концу XIX века накопилось большое количество предложений по реформированию системы правописания. (ii) Призывы к упрощению орфографии привели к тому, что в 1904 году была создана Орфографическая комиссия...;

(5) (i) Лексика изучает лексическое значение слова. (ii) Но именно основа слова является носителем этого лексического значения...

Во фрагменте (4) в рему предложения (i) входит номинация *предложения по реформированию системы правописания*, которая должна задавать контекст для темы предложения (ii) *призывы к упрощению орфографии*. Однако этого не происходит: во-первых, лексемы *предложение* и *призыв* не являются синонимичными (семантика сообщения / информирования vs семантика побуждения / желания); во-вторых, ни во фрагменте, ни в предыдущей части текста не сказано, что предложения по реформированию орфографии были связаны с идеей ее упрощения.

Во фрагменте (5) рема предложения (i) включает номинацию *лексическое значение слова*. Следующее предложение начинается с контрастного информационного компонента *именно основа слова* (маркер контраста – частица *именно*). Он не является контекстуально обусловленным и образует рему, которая находится в препозиции. На рематичность этого компонента указывает и представленная в левой части контекстуально обусловленная номинация *лексическое значение* с маркером определенности *это*. Препозиция ремы – прием, который не рекомендуется использовать при изложении научного материала [Halliday, Martin, 1989, p. 82]. Кроме того, необоснованным представляется и введение контраста. Он должен выражать презумпцию наличия релевантной альтернативы [Krifka, 2008]. Однако выделить альтернативу референту номинации не представляется возможным.

Аналогичные нарушения представлены в примерах (9) и (10).

Следует отметить такое средство выражения информационного фокуса, как **графическое выделение**. В УТ он связан с маркировкой информации, на которую должен обратить внимание учащийся. Часто это ключевые термины, которые для учащегося являются новыми.

Основания для графической маркировки фокуса могут быть неясными. Так, в параграфе *Россия после Петра I. Начало эпохи дворцовых переворотов* информационная значимость выделенных слов не равнозначна:

имена собственные (*Петр Алексеевич, Екатерина Алексеевна, эпоха дворцовых переворотов, Иоанн Антонович, Петр III, Павел I*), дата (*1725–1727*), историзмы (*временщики, фавориты, фаворитизм*), а также элементы перечисления (*первая причина, вторая причина, третья причина, во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых*). Неясен принцип отбора выражений для маркировки фокуса.

Спорным видится решение использовать графическое выделение для маркировки значимых компонентов предложения, как в следующем примере:

(6) Опыты, подобные изображенному на рисунке 7.1, указывают на то, что **незаряженные** тела притягиваются к **любым** заряженным телам.

Шрифтовое выделение слов *незаряженный* и *любой* выражает информационный фокус предложения. Он не связан с маркировкой ключевых выражений текста; в то же время в учебнике, откуда взят пример, графические выделения используются также для маркировки терминов как ключевых слов.

Средства выражения связности

Средства выражения связности всегда были в центре внимания психолингвистических работ по изучению интерпретации УТ, поскольку эти средства обеспечивают саму возможность и специфику соотнесения компонентов текста друг с другом, а потому образуют репертуар сигналов отношений – координации, противоречия, подчинения, пересечения, тождества и мн. др. Эти отношения адресату необходимо установить при построении целостной ментальной модели текста. Среди средств связности выделялись кореферентные выражения (например, повторы, синонимы и местоимения) и прямые указатели логических отношений (например, вводные слова, союзы). Специалисты говорят о необходимости их использования [Britton, 1994; Meyer, Rey, 2011]. Приведем пример нарушения связности:

(7) (i) Изменения в системе написаний происходят постепенно. (ii) Значительно преобразовали русскую орфографию реформы Петра I и реформы 1917–1918 годов. (iii) А первый в истории рус-

ского правописания свод сформулированных и научно обоснованных правил опубликован в 1956 году.

Недостаточная связность задает неверную интерпретацию фрагмента как набора фактов. Связь между предложением (i) и следующими предложениями слабая. Если использовать в предложении (i) форму прошедшего времени (*происходили*), оно уже станет тематическим. Для большей связности можно ввести в предложение (ii) вводное слово *так* (сигнал примера), заменить союз *и* на выражение *а затем*. Кроме того, введение модификатора *русских* в номинацию *система написаний* сделает эксплицитными кореферентные отношения с номинациями *русская орфография* и *русское правописание*.

Кореферентные выражения являются ключевыми средствами выражения отношений тождества и пересечения, лежащих в основе целостности текста. Приведем пример неоднозначного употребления местоимения, используя индексы *i* и *j* для экспликации отношений кореферентности:

(8) (i) В некоторых случаях корневые морфемы, утрачивая своё значение, употребляются как аффиксы._i (ii) Таковы по своему происхождению приставки_j низ-/низо-/нис- (низвергать, ниспадать), сверх- (сверхпрочный), под- (подлокотник). (iii) Они_j называются «аффиксоиды», то есть «подобные аффиксам».

Предмет анафорической референции местоимения *они* из предложения (iii) неоднозначен: им могут быть приставки, указанные в предложении (ii), или все корневые морфемы-аффиксы, о которых сказано в предложении (i). Неоднозначный предмет референции притяжательного местоимения *ее* обнаруживается и в примере (2), приведенном выше.

В аспекте связности можно анализировать и ИС, поскольку контекстуальная обусловленность нередко задается кореферентностью [Firbas, 1995]. Так, в примере (4) связность нарушена потому, что номинации *предложения* и *призывы* некорреферентны. Обратимся еще к двум примерам:

(9) (i) Тело животных состоит из множества клеток. (ii) Возникновение многоклеточности – важнейший этап в эволюции живой природы на Земле;

(10)(i) Анализ любого текста выводит читателя на уровень идеи, того, что так волновало автора и что он стремился донести до собеседника. (ii) Осмысляя прочитанное, необходимо уметь анализировать все уровни содержательной и структурной организации текста: фонетический, лексический, грамматический, тематический, композиционный.

Во фрагменте (9) между номинациями *множество клеток* из ремы предложения (i) и *многоклеточность* из темы предложения (ii) есть формальное сходство. Однако значение у них разное: первая указывает на количественное понятие, а вторая – на качественное, абстрактное. Различия в значениях усиливаются позицией номинации *многоклеточность*, которая уточняет имя *возникновение*. Поэтому ясных кореферентных отношений между ремой предложения (i) и темой предложения (ii) не образуется, связность фрагмента нарушается.

Во фрагменте (10) вся рема предложения (i) может быть передана выражением *осмыслять прочитанное* из темы предложения (ii), но эти отношения контекстуальной обусловленности не выражены ясным образом. Более очевидна связь между темой предложения (i) *анализ любого текста* и ремой предложения (ii) *анализировать все уровни... организации текста*. Кореферентность этих выражений может осложнить корректную интерпретацию ИС.

Особое внимание специалисты уделяют прямым **маркерам логических отношений**. Они указывают адресату, какие именно отношения следует установить между компонентами текста. К маркерам относят прежде всего союзы и вводные слова [Meyer, Rey, 2011]. Рассмотрим примеры:

(11) Сюда, в стан Пугачёва, прибыли первые отряды башкир, калмыков, марийцев, недовольных национальной политикой правительства;

(12) Сложные предложения не характерны для разговорной речи, но чаще других употребляются бессоюзные;

(13) ...Именно лексика в первую очередь реагирует на происходящие исторические, культурные, технические и т. д. изменения и отражает их, словно зеркало. Поэтому по языку можно восстановить историю народа, особенности его мышления.

В примере (11) не выражены причинно-следственные отношения. Референту именной

группы *башкиры, калмыки, марийцы* приписывается характеристика «быть недовольным национальной политикой государства». Однако не указано, что эта характеристика стала причиной возникновения положения дел, выраженного главной частью предложения.

В примерах (12) и (13) задаются некорректные отношения между компонентами. В (12) союз *но* маркирует необоснованные отношения противопоставления. В (13) слово *поэтому* маркирует неочевидные причинно-следственные отношения: положение дел ‘лексика отражает изменения’ недостаточно для каузации положения дел ‘по языку можно восстановить историю народа’.

В УТ есть особый способ выражения логических отношений при сопоставлении однородных понятий – структурный параллелизм. Обратимся к фрагменту, который детализирует второе предложение из отрывка (9) – *Возникновение многоклеточности – важнейший этап в эволюции живой природы на Земле*:

(14) (i) Нервная система регулирует и согласовывает работу всех систем организма... <...>

(ii) Функция органов пищеварительной системы заключается в механической и химической обработке пищевых веществ... (iii) Благодаря кровеносной системе клетки и ткани организма снабжаются питательными веществами и кислородом...

В предложении (i) название системы органов выражено именной группой в позиции канонического субъекта; функции описаны всей глагольной группой с полнозначными глаголами. В предложении (ii) название системы органов выражено именной группой в позиции распространителя; функции описаны именной группой с вершиной – отглагольным существительным; эта группа вводится неполнозначным глаголом. В предложении (iii) название системы органов выражено именной группой на периферии синтаксической структуры; функции описаны имперсональной пассивной предикативной структурой. Такая структурная разнородность при описании однородных понятий снижает степень связности, поскольку не указывает на прямое соотнесение.

Модусный план УТ

В тексте сфера модуса представляет собой точку зрения, с которой излагаются све-

дения. Известна ключевая роль средств выражения модуса в структурировании текста [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004; Hyland, 2017]. Это позволяет трактовать их как еще одно средство выражения отношений между компонентами текста, управляющее структурированием его содержания.

Сфера модуса УТ представляет точки зрения участников коммуникации, автора и читателя. Средства их выражения неоднократно обсуждались в лингвистических работах (см.: [Дергун, 2005; Трущелёв, 2022; Трущелёв, Горбачева, 2025; Ярыгина, 2014]). К ним относят **средства референции к автору / читателю**, **эгоцентрики** (средства, выражающие отношение) и **средства, выражающие речевой контакт** (элементы разговорной речи, императивы, вопросы и т. п.).

Эти языковые средства могут использоваться для создания **метатекстовых компонентов**, которые напрямую управляют коммуникативными действиями адресата, например: *Рассмотрим в качестве примера коллектив промышленного предприятия; Обратите внимание, что материк расположен практически симметрично относительно экватора*. Они же используются в той части УТ, где актуализируются сведения, известные учащимся, например: *Мы часто слышим слово маркетинг; С одним из видов неравномерного движения – равноускоренным – вы уже знакомы*. К метатекстовым компонентам близки вопросы, текстообразующая функция которых позволяет организовать тематическое развертывание и членить текст, например: *Какие же аргументы в защиту этой точки зрения выдвигают её сторонники? Во-первых, само понятие прогресса...* Уместность перечисленных структур в УТ определяется экспертом. Специалисты указывают на целесообразность увеличения их количества в УТ, так как они упрощают его структурирование адресатом.

Точка зрения автора выражается во **вводно-модальных компонентах предложений**. Некоторые из них были отмечены в связи с обеспечением связности текста. В следующих примерах используются компоненты, передающие авторскую оценку сведений:

(15) Способности к познавательной деятельности у человека неизменно выше, чем у живот-

ных. Конечно, высокая способность к познавательной деятельности передаётся человеку с генетическим материалом от предков, но в то же время огромное влияние оказывает и окружающая среда;

(16) Биогеоценозы... могут существовать бесконечно долго, пока внешние силы не выведут их из равновесия. И действительно, темнохвойная тайга, ковыльные степи, широколиственные дубравы занимали свои места тысячелетиями... и лишь деятельность человека... сильно изменила эти ландшафты.

Во фрагменте (15) у слова *конечно* актуализирован компонент значения 'соответствие ожиданию'. Однако предшествующий текст не касается вопросов наследственности или онтогенеза (подпараграф *Познавательная деятельность* параграфа *Особенности высшей нервной деятельности человека*). Следовательно, оснований для формирования ожиданий у читателя относительно приведенных сведений нет. Поэтому необоснованны и отношения противопоставления, выраженные союзом *но* и адвербиалом *в то же время*.

Во фрагменте (16) второе предложение используется для иллюстративного раскрытия утверждения. Эту функцию реализует слово *действительно*. Однако при этом основное его значение связано с оценкой реальности утверждения, «имеет ли место... данная ситуация» [Баранов и др., 1993, с. 76]. В примере же усматривается только отношение «тезис – иллюстративный пример». Оно может быть выражено вводными словами *так* либо *например*.

Точка зрения автора находит выражение и в оценке тех или иных сведений. Релевантность такой оценки не всегда очевидна. Приведем пример:

(17) Костистые рыбы имеют много самых разнообразных и очень интересных, даже причудливых, приспособлений к условиям обитания.

Сначала автор дает субъективную оценку костистых рыб, однако далее не уточняет, какие именно характеристики он находит *интересными* и *причудливыми*. Это нарушает тематическую перспективу текста.

Заключение

Лингвистическая экспертиза учебного текста с позиций прагматики предполагает функ-

циональную оценку вклада различных языковых компонентов УТ в реализацию его (перлокутивных) задач в рамках учебной коммуникации.

Одна из важнейших перлокутивных задач УТ – программирование интерпретации текста адресатом. Ее реализуют средства-сигналы, в качестве которых выступают единицы разных уровней языка, выражающие отношения между структурными компонентами УТ.

Для адекватного восприятия читателем информационной структуры текста такими сигналами являются средства организации тематической перспективы и выражения фокуса; для актуализации связности – кореферентные выражения и маркеры логических отношений; для интерпретации модусного плана – метатекстовые конструкции и вводно-модальные компоненты предложений. Оценить коммуникативную роль средств-сигналов позволил прагматический анализ отрицательного языкового материала, который показал, что неоптимальное использование средств-сигналов приводит к такой интерпретации УТ, при которой отношения между структурными компонентами УТ не могут быть корректно установлены.

Полученные результаты позволили обосновать лингвистический критерий хорошего УТ: хороший учебный текст программирует модель его интерпретации при помощи языковых средств, которые выражают отношения между структурными компонентами УТ и тем самым позволяют учащемуся распознать и установить эти отношения. При лингвистической экспертизе данный критерий может рассматриваться как параметр оценки: насколько адекватно, точно, релевантно и эксплицитно в УТ выражены отношения между его структурными компонентами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2025-0001 «Лингвистические и прагмалингвистические параметры текста как фундаментального компонента образовательной коммуникации».

The article was prepared in full within the state assignment of Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2025–2027 (No. FZNM-2025-0001).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базылев В. Н., Красильникова В. Г., 2018. От учебной интерпретации читаемого отрывка – к пониманию всего текста // Вопросы психолингвистики. № 3. С. 8–21. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-8-21
- Баранов А. Н., Рахилина Е. В., Плунгян В. А. и др., 1993. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры. 207 с.
- Дергун Л. И., 2005. Структура научно-учебных текстов (на материале школьных учебников) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 11. С. 32–37.
- Доблаев Л. П., 1982. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М. : Педагогика. 176 с.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., 2004. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Ин-т рус. яз. 544 с.
- Карчаева С. Х., Аликаев Р. С., 2010. Дискурсивность научно-учебных текстов // Вестник Пятигорского государственного университета. № 2. С. 93–96.
- Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю., 2021. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. Т. 19, № 3. С. 331–345. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345
- Сидорова М. Ю., 2018. Лингвистическая экспертиза школьных учебников // Метапредметный подход в образовании / сост. О. Е. Дроздова. М. : Рос. учебник. С. 49–64.
- Трушелёв П. Н., 2022. Взаимодействие автора и читателя в учебном тексте // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 3. С. 186–192. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_186
- Трушелёв П., 2024. Седативные детали в учебном тексте: эксперимент по методике извлечения ключевых слов // Вестник Ереванского университета. Русская филология. Т. 10, № 2. С. 61–76. DOI: 10.46991/BYSU.H/2024.10.2.061
- Трушелёв П. Н., Горбачева А. В., 2025. Прагматическая модель и принципы развертывания объяснения в учебном тексте // Слово.ру : Балтийский акцент. Т. 16, № 2. С. 136–157. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-8
- Холодная М. А., Гельфман Э. Г., 2016. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М. : Ин-т психологии РАН. 200 с.
- Ярыгина З. А., 2014. Способы и средства репрезентации метаструктуры современного учебно-

- го текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 13, № 1. С. 26–33.
- Britton B. K., 1994. Understanding Expository Text: Building Mental Structures to Induce Insights // *Handbook of Psycholinguistics* / ed. by A. G. Morton. San Diego [etc.] : Academic Press. P. 641–674.
- Degand L., Sanders T., 2002. The Impact of Relational Markers on Expository Text Comprehension in L1 and L2 // *Reading and Writing*. Vol. 15. P. 739–757. DOI: 10.1023/A:1020932715838
- Firbas J., 1995. Retrieval Span in Functional Sentence Perspective // *Brno Studies in English*. Vol. 21, iss. 1. P. 17–45.
- Halliday M. A. K., 2014. Halliday's Introduction to Functional Grammar. N. Y. : Routledge. 808 p.
- Halliday M. A. K., Martin J. R., 1989. *Writing Science*. L. ; Washington : The Falmer Press. 326 p.
- Hoey M., 2001. *Textual Interaction*. L. ; N. Y. : Routledge. 200 p.
- Hyland K., 2017. Metadiscourse: What Is It and Where Is It Going? // *Journal of Pragmatics*. Vol. 113. P. 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007
- Kang Q., 2013. On Perlocutionary Act // *Studies in Literature and Language*. Iss. 6. P. 60–64. DOI: 10.3968/j.sll.1923156320130601.1582
- Kintsch W., 2018. Revisiting the Construction – Integration Model of Text Comprehension and Its Implications for Instruction // *Theoretical Models and Processes of Literacy*. L. ; N. Y. : Routledge. P. 178–203. DOI: 10.4324/9781315110592-12
- Krifka M., 2008. Basic Notions of Information Structure // *Acta Linguistica Hungarica*. Vol. 55, iss. 3/4. P. 243–276. DOI: 10.1556/aling.55.2008.3-4.2
- Lorch R., Lemarie J., Grant R., 2011. Signaling Hierarchical and Sequential Organization in Expository Text // *Scientific Studies of Reading*. Vol. 15, iss. 3. P. 267–284. DOI: 10.1080/10888431003747535
- Martin J. R., 2013. Embedded Literacy: Knowledge as Meaning // *Linguistics and Education*. Vol. 24, iss. 1. P. 23–37. DOI: 10.1016/j.linged.2012.11.006
- Martin J. R., Rose D., 2007. *Working with Discourse*. N. Y. : Continuum. 372 p.
- Meyer B. J. F., Rey M. N., 2011. Structure Strategy Interventions: Increasing Reading Comprehension of Expository Text // *International Electronic Journal of Elementary Education*. Vol. 4, iss. 1. P. 127–152.
- Meyer B. J. F., Wijekumar K., Lei P., 2018. Comparative Signaling Generated for Expository Texts by 4th–8th Graders: Variations by Text Structure Strategy Instruction, Comprehension Skill, and Signal Word // *Reading and Writing*. Vol. 31. P. 1937–1968. DOI: 10.1007/s11145-018-9871-4
- Nubla-Kung A. M., 2008. The Effects of Text Structure and Signals on Second Graders' Recall and Comprehension of Expository Text. N. Y. : Columbia University. 114 p.
- Pipalova R., 2005. On the Global Textual Theme and Other Textual Hyperthemes // *Linguistica Pragmensia*. Vol. 15, iss. 2. P. 57–87.
- Parodi G., 2014. Genre Organization in Specialized Discourse: Disciplinary Variation Across University Textbooks // *Discourse Studies*. Vol. 16, iss. 1. P. 65–87. DOI: 10.1177/1461445613496355
- Rose D., 2020. Building a Pedagogic Metalanguage // *Accessing Academic Discourse* / ed. by J. R. Martin, K. Maton, Y. J. Doran. L. ; N. Y. : Routledge. P. 236–267. DOI: 10.4324/9780429280726-9
- Rueda Garcia Z. X., Atienza E., 2020. Who Are the Non-Native Speakers of English? A Critical Discourse Analysis of Global ELT Textbooks // *Logos: Revista de Lingüística, Filosofía y Literatura*. Vol. 30, iss. 2. P. 281–296. DOI: 10.15443/RL3022
- Van Dijk T. A., Atienza E., 2011. Knowledge and Discourse in Secondary School Social Science Textbooks // *Discourse Studies*. Vol. 13, iss. 1. P. 93–118. DOI: 10.1177/1461445610387738
- Van Silfhout G., Evers-Vermeul J., Sanders T., 2015. Connectives as Processing Signals: How Students Benefit in Processing Narrative and Expository Texts // *Discourse Processes*. Vol. 52, iss. 1. P. 47–76. DOI: 10.1080/0163853X.2014.905237

REFERENCES

- Bazylev V.N., Krassilnikova V.G., 2018. Ot uchebnoy intepretatsii chitaemogo otryvka – k ponimaniyu vsego teksta [From Classroom Interpretation of the Passage – To Understanding of the Whole Text]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 3, pp. 8–21. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-8-21
- Baranov A.N., Rakhilina E.V., Plungyan V.A. et al., 1993. *Putevoditel po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to Discursive Words of the Russian Language]. Moscow, Pomovskiy i partnery Publ. 207 p.
- Dergun L.I., 2005. Struktura nauchno-uchebnykh tekstov (na materiale shkolnykh uchebnikov) [Structure of Scientific and Educational Texts]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 11, pp. 32–37.

- Doblaev L.P., 1982. *Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problemy ego ponimaniya* [Semantic Structure of the Educational Text and the Problems of Its Understanding]. Moscow, Pedagogika Publ. 176 p.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu., 2004. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, In-t rus.yaz. 544 p.
- Karchaeva S.Kh., Alikaev R.S., 2010. Diskursivnost nauchno-uchebnykh tekstov [Discursiveness of Expository Texts]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo unistituta* [Piatigorsk State Linguistic University Bulletin], no. 2, pp. 93-96.
- Laposhina A.N., Lebedeva M.Yu., 2021. Tekstometr: onlayn-instrument opredeleniya urovnya slozhnosti teksta po russkomu yazyku kak inostrannomu [Textometr: An Online Tool for Automated Complexity Level Assessment of Texts for Russian Language Learners]. *Rusistika* [Russian Language Studies], vol. 19, no. 3, pp. 331-345. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345
- Sidorova M.Yu., 2018. Lingvisticheskaya ekspertiza shkolnykh učebnikov [Linguistic Expertise of School Textbooks]. Drozdova O.Ye., ed. *Metapredmetnyy podkhod v obrazovanii* [Meta-Subject Approach in Education]. Moscow, Ros. učebnik Publ., pp. 49-64.
- Trushchelev P.N., 2022. Vzaimodeystvie avtora i chitatel'ya v učebnom tekste [Author-Reader Interaction Through School Textbooks]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo unistituta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], no. 3, pp. 186-192. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_186
- Trushchelev P., 2024. Sedaktivnye detali v učebnom tekste: eksperiment po metodike izvlecheniya klyuchevykh slov [Seductive Details and Expository Text Structures: Experimental Study via Keyword Extraction]. *Vestnik Erevanskogo unistituta. Russkaya Filologiya* [Bulletin of Yerevan University H: Russian Philology], vol. 10, no. 2, pp. 61-76. DOI: 10.46991/BYSU.H/2024.10.2.061
- Trushchelev P.N., Gorbacheva A.V., 2025. Pragmaticheskaya model i printsipy razvertyvaniya obyasneniya v učebnom tekste [Functional Specificity of Explanation in Expository Texts: Pragmatic Model and Elaboration Principles]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru. Baltic Accent], vol. 16, no. 2, pp. 136-157. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-8
- Kholodnaya M.A., Gelfman E.G., 2016. *Razvivayushchie učebnye teksty kak sredstvo intellektualnogo vospitaniya uchashchikhsya* [Developing Educational Texts as a Means of Intellectual Education of Students]. Moscow, In-t psihologii RAN. 200 p.
- Yarygina Z.A., 2014. Sposoby i sredstva reprezentatsii metastruktury sovremennogo učebnogo teksta [Methods and Means of Megastructure Representation in Modern Educational Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 13, no. 1, pp. 26-33.
- Britton B.K., 1994. Understanding Expository Text: Building Mental Structures to Induce Insights. Morton A.G., ed. *Handbook of Psycholinguistics*. San Diego etc., Academic Press, pp. 641-674.
- Degand L., Sanders T., 2002. The Impact of Relational Markers on Expository Text Comprehension in L1 and L2. *Reading and Writing*, vol. 15, pp. 739-757. DOI: 10.1023/A:1020932715838
- Firbas J., 1995. Retrievability Span in Functional Sentence Perspective. *Brno Studies in English*, vol. 21, no. 1, pp. 17-45.
- Halliday M.A.K., 2014. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. New York, Routledge. 808 p.
- Halliday M.A.K., Martin J.R., 1989. *Writing Science*. London; Washington, The Falmer Press. 326 p.
- Hoey M., 2001. *Textual Interaction*. London; New York, Routledge. 200 p.
- Hyland K., 2017. Metadiscourse: What Is It and Where Is It Going? *Journal of Pragmatics*, vol. 113, pp. 16-29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007
- Kang Q., 2013. On Perlocutionary Act. *Studies in Literature and Language*, iss. 6, pp. 60-64. DOI: 10.3968/j.sll.1923156320130601.1582
- Kintsch W., 2018. Revisiting the Construction – Integration Model of Text Comprehension and Its Implications for Instruction. *Theoretical Models and Processes of Literacy*. London; New York, Routledge, pp. 178-203. DOI: /10.4324/9781315110592-12
- Krifka M., 2008. Basic Notions of Information Structure. *Acta Linguistica Hungarica*, vol. 55, iss. 3/4, pp. 243-276. DOI: 10.1556/aling.55.2008.3-4.2
- Lorch R., Lemarie J., Grant R., 2011. Signaling Hierarchical and Sequential Organization in Expository Text. *Scientific Studies of Reading*, vol. 15, no. 3, pp. 267-284. DOI: 10.1080/10888431003747535
- Martin J.R., 2013. Embedded Literacy: Knowledge as Meaning. *Linguistics and Education*, vol. 24, iss. 1, pp. 23-37. DOI: 10.1016/j.linged.2012.11.006
- Martin J.R., Rose D., 2007. *Working with Discourse*. New York, Continuum. 372 p.
- Meyer B.J.F., Rey M.N., 2011. Structure Strategy Interventions: Increasing Reading Comprehension

- of Expository Text. *International Electronic Journal of Elementary Education*, vol. 4, iss. 1, pp. 127-152.
- Meyer B.J.F., Wijekumar K., Lei P., 2018. Comparative Signaling Generated for Expository Texts by 4th – 8th Graders: Variations by Text Structure Strategy Instruction, Comprehension Skill, and Signal Word. *Reading and Writing*, vol. 31, pp. 1937-1968. DOI: 10.1007/s11145-018-9871-4
- Nubla-Kung A.M., 2008. *The Effects of Text Structure and Signals on Second Graders' Recall and Comprehension of Expository Text*. New York, Columbia University. 114 p.
- Pipalova R., 2005. On the Global Textual Theme and Other Textual Hyperthemes. *Linguistica Pragmatis*, vol. 15, no. 2, pp. 57-87.
- Parodi G., 2014. Genre Organization in Specialized Discourse: Disciplinary Variation Across University Textbooks. *Discourse Studies*, vol. 16, iss. 1, pp. 65-87. DOI: 10.1177/1461445613496355
- Rose D., 2020. Building a Pedagogic Metalanguage. *Accessing Academic Discourse*. London; New York, Routledge, pp. 236-267. DOI: 10.4324/9780429280726-9
- Rueda Garcia Z.X., Atienza E., 2020. Who Are the Non-Native Speakers of English? A Critical Discourse Analysis of Global ELT Textbooks. *Logos: Revista de Lingüística, Filosofía y Literatura*, vol. 30, iss. 2, pp. 281-296. DOI: 10.15443/RL3022
- Van Dijk T.A., Atienza E., 2011. Knowledge and Discourse in Secondary School Social Science Textbooks. *Discourse Studies*, vol. 13, iss. 1, pp. 93-118. DOI: 10.1177/1461445610387738
- Van Silfhout G., Evers-Vermeul J., Sanders T., 2015. Connectives as Processing Signals: How Students Benefit in Processing Narrative and Expository Texts. *Discourse Processes*, vol. 52, iss. 1, pp. 47-76. DOI: 10.1080/0163853X.2014.905237

Information About the Authors

Pavel Trushchelev, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Language and Cognition Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Lecturer, Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia, pavel.trushchelev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0810-2434>

Aleksandra V. Gorbacheva, Candidate for a Degree, Researcher, Language and Cognition Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, avgorbacheva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

Maria Yu. Lebedeva, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Language and Cognition Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, mylebedeva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-9893-9846>

Информация об авторах

Павел Трущелёв, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия; преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации, Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения, pavel.trushchelev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0810-2434>

Александра Вячеславовна Горбачева, соискатель, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, avgorbacheva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

Мария Юрьевна Лебедева, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, mylebedeva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-9893-9846>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.9>

UDC 811.161.1'322.5

LBC 81.411.2-51

Submitted: 27.11.2024

Accepted: 31.03.2025

MODELS OF IMPLICIT COHERENCE IN MODERN DOMESTIC MEDIA TEXTS: CORPUS-DISCURSIVE ANALYSIS OF PHATIC DIALOGIC SPEECH

Igor A. Kuznetsov

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article examines linguistic and linguopragmatic mechanisms of expressing implicit coherence in phatic question-answer adjacency pairs presented in a set of texts of modern domestic media. The methodology of corpus-discursive analysis of dialogic speech is used. The material of the study is a representative sample of contexts from newspaper corpora in the Russian National Corpus. It is shown that media texts actively present such models of implicit coherence in dialogue as the coordination of remarks according to the illocutionary function; the connection of a remark with the felicity conditions of the preceding speech act, bypassing the content of the utterance; the focus of a remark on the presumption of the preceding utterance; the connection of remarks established on the basis of an appeal to discourse implicatures. The language means of expressing these models are lexical markers of speech interaction – communicatives, interrogative words, particles, interjection expressions, etc., set expressions, various repetitions and periphrases, anaphoric connections, elliptical constructions. It is concluded that the analyzed models of implicit coherence, especially in the cases of deliberate violation of pragmatic consistency of remarks are an effective tool of speech influence, including the one of manipulative character, both for the initiator of the dialogue and for the respondent.

Key words: media text, phatic communication, implicit coherence, dialogue models, question-answer adjacency pair, corpus-discursive analysis, Russian speech.

Citation. Kuznetsov I.A. Models of Implicit Coherence in Modern Domestic Media Texts: Corpus-Discursive Analysis of Phatic Dialogic Speech. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 3, pp. 106-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.9>

УДК 811.161.1'322.5

ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 27.11.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

МОДЕЛИ ИМПЛИЦИТНОЙ СВЯЗНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ: КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ФАТИЧЕСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Игорь Александрович Кузнецов

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены языковые и лингвопрагматические механизмы выражения имплицитной связности в фатических вопросно-ответных диалогических единствах, которые представлены в массиве текстов современных отечественных СМИ. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа диалогической речи. Материалом исследования послужила репрезентативная выборка контекстов из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка. В результате исследования установлено, что в медиатекстах широко реализуются такие модели имплицитной связности в диалоге, как согласование реплик по иллокутивной функции; связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, без учета содержания высказывания; направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса. Языковыми средства-

ми выражения данных моделей служат лексические маркеры речевого взаимодействия: коммуникативы, вопросительные слова, частицы, междометные выражения и др., устойчивые речевые формулы, разного рода повторы и перифразы, анафора, неполнота конструкции. Сделан вывод о том, что проанализированные модели имплицитной связности, особенно в случаях осознанного нарушения прагматической согласованности реплик, являются для инициатора диалога и отвечающего эффективным инструментом речевого воздействия, в том числе манипулятивного характера.

Ключевые слова: медиатекст, фатическая коммуникация, имплицитная связность, модели диалога, вопросно-ответное единство, корпусно-дискурсивный анализ, русская речь.

Цитирование. Кузнецов И. А. Модели имплицитной связности в современных отечественных медиатекстах: корпусно-дискурсивный анализ фатической диалогической речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 106–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.3.9>

Введение

Фатическая сторона речевого взаимодействия, начиная с работ Р.О. Якобсона (см., например: [Якобсон, 1975]), находится в центре исследовательского внимания в современном лингвистическом диалоговедении. Фатика, в противовес информатике, трактуется как общение, имеющее целью само общение, то есть ориентированное на установление взаимопонимания между собеседниками, на регулирование межличностных отношений [Винокур, 1993], порою в ущерб необходимости в обмене информацией. Именно фатическая коммуникация играет основополагающую роль в реализации важнейшего принципа нормального общения – принципа вежливости [Leech, 1983]. При этом лингвопрагматические модели дискурсивной организации фатики во многом опираются на имплицитные механизмы языка, на разного рода конвенциональные схемы и прочие средства непрямого выражения информации, которые и являются областью настоящего исследования.

В наших предыдущих работах мы уже говорили о существенном воздейственном потенциале фатической коммуникации в русской речи [Кузнецов, 2024]. Особенно ярко этот потенциал выражается в «дискурсах активного воздействия» [Соколова, 2017], к которым относится и медийный дискурс как среда манифестации активных процессов в языке [Новые тенденции..., 2016]. В прагматике медиаречи, в условиях повышенной эмоциональности и экспрессии [Zappettini, Ponton, Larina, 2021], реализуются самые разнообразные персуазивные коммуникативные стратегии, в том числе манипулятивного типа [Цветова, 2020];

Палехова, 2025], а также разного рода коммуникативные сбои [Cobley, 2004] и коммуникативно-прагматические аномалии [Русский язык..., 2021], и во многом они основаны на имплицитной информации [Carston, 1988; Радбиль, 2023]. Все это характерно и для диалогического компонента медиатекстов.

Непосредственным предметом предпринятого исследования выступают вопросно-ответные диалогические единства как прототипическая разновидность диалогических единств, выступающих в роли минимальных единиц диалогического общения [Баранов, Крейдлин, 1992]. Описываются виды имплицитной связности в диалоге (их типология разработана в трудах Е.В. Падучевой; см., например: [Падучева, 1982]) как воплощение более общих прагмалингвистических механизмов имплицитной предикации [Арутюнова, 1976; Федосюк, 1988].

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в выявлении и интерпретации моделей имплицитной связности в фатических вопросно-ответных диалогических единствах в составе медиатекстов.

Материал и методы

Материал анализа – подкорпус вопросно-ответных диалогических единств, сформированный на основе газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Объем материала составил порядка 300 диалогических единиц.

Теоретическая база исследования опирается на разработки в области зарубежной когнитивной прагматики [Org, Ariel, 2021], экспериментальной прагматики [Noveck, 2021] и

«аффективной прагматики» [Scarantino, 2017], а также на отечественный методологический инструментарий когнитивно-дискурсивного изучения дискурсивных практик разного типа [Чернявская, 2018; Радбиль, Помазов, 2020; Русский язык..., 2021]. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа [Радбиль, 2024].

Принятая в работе аналитическая процедура основана на восходящем к работам Н.Д. Арутюновой теоретическом понятии имплицитно предиктируемых сообщений [Арутюнова, 1976], трактуемых как «информация, которая добавляется к содержанию воспринятого сообщения под влиянием имеющихся в сознании получателя текста знаний о действительности. <...> Как показывают наблюдения, импликации могут нести информацию не только об описываемой в тексте ситуации, но и об отправителе этого текста, а также о ситуации, в которой происходит передача самого текста» [Федосюк, 1988, с. 22]. Последнее обстоятельство, применительно к диалогическим текстам, переводит данную информацию в разряд фатической.

В коммуникативном пространстве диалогического общения информация подобного рода реализуется посредством разных видов прагматических связей реплик в диалоге, описанных в работе Е.В. Падучевой: «Прагматические связи – это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т. п.» [Падучева, 1982, с. 306]. Ученым исследуются четыре типа имплицитной прагматической связности: 1) согласование реплик по иллокутивной функции; 2) связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания; 3) направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; 4) связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса [Падучева, 1982, с. 313]. Языковыми средствами актуализации имплицитных связей служат лексические маркеры речевого взаимодействия – коммуникативы, вопросительные слова, частицы, междометные выражения и др., а также устойчивые рече-

вые формулы разного рода повторы и перифразы, анафорические связи, неполнота конструкции и т. п.

Подчеркнем, что в материал исследования мы включаем также условно фатические диалоги, в которых фатический компонент не отменяет информативный, но присутствует в фоновой, имплицитной зоне в качестве добавочной информации об условиях ведения диалога, об отношениях коммуникантов друг к другу или к ситуации в целом и пр.

Анализируются вопросно-ответные единства, содержащие имплицитно предиктируемые сообщения (как в зоне инициатора диалога, так и в речевой зоне адресата), которые, будучи реально прагматически согласованными, воплощают в себе разные типы формальной, внешней рассогласованности; также в сферу нашего интереса входят и обратные случаи, когда при внешней, формальной согласованности реплик, подчиненных принципу «иллокутивной вынужденности» [Баранов, Крейдлин, 1992], реально, в прагматике общения, возникают коммуникативные провалы [Cobley, 2004].

Результаты и обсуждение

Ниже представлена интерпретация выделенных Е.В. Падучевой четырех видов прагматических связей в диалоге, которые в работе именуются «модели имплицитной связности».

1. Явления согласования реплик по иллокутивной функции, а также разнообразные случаи несогласованности реплик по этому параметру. К явлениям формального согласования реплик по иллокутивной силе, применительно к вопросно-ответным единствам, относятся стандартные модели «вопрос» – «сообщение». В нашем материале, однако, представлены случаи, когда эксплицитная согласованность реплик реально, в имплицитной области, отражает прагматическую несогласованность, точнее – рассогласованность, например:

(1) – Ваши слова: «Магаданец – это навсегда». **Магаданцы – они особенные?** // – Да, куда бы ты ни уехал – ты все равно магаданец (Аргументы и факты. 23.04.2020).

Пропозиция в реактивной реплике не отвечает на вопрос инициатора диалога, особенные ли магаданцы, а подтверждает содержание предшествующей пропозиции: 'Магаданец – это навсегда'.

(2) – Актер – не творческая единица, он инструмент? // – **Такого я не говорил.** Кино – это совместное творчество (Ведомости. 23.05.2014).

В ответной реплике адресатом отрицается сам факт утверждения им информации, которая содержится в пропозиции вопроса инициатора диалога: 'Актер – не творческая единица, он инструмент'; но ведь при этом инициатор и не приписывал эти слова отвечающему, он просто запрашивал недостающую информацию. Явления такого рода можно назвать «ложное имплицитно предиктируемое сообщение» со стороны адресата.

Ниже приводится распространенный случай, когда при внешней согласованности по иллокутивной силе имеет место прагматическое рассогласование, когда в ответе содержится не та информация, которая запрашивается:

(3) *Иванова:* – Поэтому условия, которые предлагают школы, на данном текущем этапе проекта не очень выгодны для нас. // *Зюзяев:* – **Сколько они хотят?** // *Иванова:* – Все **хотят разного** (Комсомольская правда. 21.02.2013).

В вопросе содержится запрос о количестве необходимых средств, а в ответе – констатирующая информация о том, что субъекту необходимы разные вещи.

В нашем материале имеются примеры, в известном смысле противоположные рассмотренным выше, когда внешнее рассогласование реплик по иллокутивной силе, например часто встречающиеся модели ответа вопросом на вопрос, при этом имеет прагматическую мотивированность в интенциональной сфере говорящего, при использовании им особых коммуникативных стратегий, зачастую манипулятивного типа:

(4) *Черных:* – Что происходит в **Минобороны, что в ЖКХ происходит?** // *Делягин:* – А что происходит в **местных органах власти?** (Комсомольская правда. 15.02.2013).

В данном примере использована манипулятивная стратегия перемена темы, когда

адресат вместо ответа на неудобный для него по каким-то причинам вопрос сам задает вопрос по «зеркальной модели», тем самым перехватывая инициативу в коммуникативной ситуации. В наших работах это именуется «манипулятивное передразнивание» («стратегия отзеркаливания») [Кузнецов, 2024].

(5) [*Боец – водителю фуры*]: – Груз есть? // – **А вы имеете право спрашивать?** (Московский комсомолец. 03.02.2016).

Здесь использована стратегия «выход на метауровень» [Кузнецов, 2024], когда адресат, вместо предоставления в запрашиваемой в вопросе информации, переходит на личности, то есть на выяснение прав и возможностей инициатора диалога, границ его компетенции.

2. Связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания. Под условиями успешности (*felicity conditions*) речевого акта Дж.Р. Серль понимает совокупность сопутствующих высказыванию невербальных компонентов смысла, содержащих информацию об объективных и субъективных условиях, при которых иллокутивная сила речевого акта будет успешно реализована в коммуникативной ситуации. Дж.Р. Серль выделил четыре группы условий успешности: предварительные условия, существенное условие, условие искренности и условие ограничения на пропозициональное содержание [Серль, 1986]. Здесь мы ограничимся только двумя типами: предварительные условия и условие искренности, потому что именно они в нормальных условиях общения не вербализуются, то есть опускаются в область имплицитных смыслов.

Часто имплицитная связность реализуется за счет апелляции отвечающего к условию искренности в пропозиции вопроса, которое заключается для речевого акта вопроса в следующем: 'Говорящий искренне хочет иметь информацию'. Прагматическое рассогласование на имплицитном уровне может состоять в том, что отвечающий сомневается в искренности спрашивающего, не верит в нее, как в следующих примерах:

(6) – У вас очень много компаний. Можете назвать цифру единиц вашего бизнеса? Сколько у

вас фирм? // – **А вам это зачем?** (Новый регион 2. 14.11.2007);

(7) – Девушка, а как вас зовут? // – **А вам это зачем?** (Коммерсант. 18.11.2002).

В другой разновидности адресат, вместо информативного ответа, запрашивает подтверждение, что условие искренности инициатором диалога выполнено – имплицитно преддицируемое сообщение: ‘Подтверди, что ты на самом деле хочешь получить от меня эту информацию’, например:

(8) – Лучано, вы определились, что делать с арендованными футболистами? // – Да. **А вы тоже хотите знать, что я решил?** (Советский спорт. 22.07.2011).

Как видим, это выражается в устойчивых типизированных речевых схемах типа *А тебе / вам это зачем (знать)?* Или *А ты / вы это хочешь / хотите знать?* и т. п.

Имплицитная связность может реализоваться посредством обращения адресата к предварительному условию успешности речевого акта вопроса: ‘Говорящий не знает информации, которую запрашивает в вопросе’. В этих случаях прагматическое рассогласование в зоне имплицитной связности актуализируется в экспликации отвечающим пропозиции, содержащей информацию о том, что инициатору диалога уже известен ответ на его вопрос, например:

(9) – Можем мы стать чемпионами мира в 2018 году? Извини за бредовый вопрос. // – **Ну вы ведь сами знаете ответ!** (Советский спорт. 09.11.2011);

(10) – Но почему мы врачей сейчас видим в таких «средствах гигиены»? // – Полагаю, **ответ вы и сами знаете**. СИЗ появились не вчера – это вековая история (Аргументы и факты. 24.04.2020);

(11) – Они здесь на каких правах? – интересуется стоящими киосками корреспондент. // – **Сами знаете** на каких, – отвечает женщина. Не подмажешь – не подъедешь (Vesti.ru. 09.02.2016).

Еще одна разновидность подобных нарушений предварительного условия успешности вопроса может выражаться в модели ответа вопросом на вопрос, но при этом вопрос в ответной реплике является косвенным сильным утверждением, например:

(12) На вопрос: «В чем дело?» – они отвечали одно и то же: «**Вы разве не знаете?**» (Аргументы и факты. 10.11.2004);

(13) – А они во МХАТе бывали? // – **Ты разве не знаешь?** Не интересовался? (Известия. 08.07.2001);

(14) Я спросил ее: «Что это такое?» // – «**Вы разве не знаете?** Свежее молоко» (Российская газета. 07.05.2018).

Это тип имплицитной связности задается в ответной реплике посредством типизированных речевых формул типа *Ты / вы же сам / сами знаете (ответ)* или *Ты / вы разве не знаешь / не знаете?* и т. п. При внешней тавтологичности подобный тип нарушения предварительных условий успешности может быть прагматически мотивирован специфическими установками отвечающего, которые заключаются в выражении косвенным образом его убежденности в неуместности вопроса или общеизвестности ответа, а также нежелания продолжать коммуникацию на озвученную тему и пр.

3. Направленность реплики на презумпцию (пресуппозицию) предшествующего высказывания, когда ответная реплика содержит информацию, относящуюся не к эксплицированной части пропозиции вопроса, а к его пресуппозиционному компоненту. Пресуппозиция как условие осмысленности высказанной пропозиции является необходимым имплицитным компонентом высказывания обладающим свойством неустраимости при отрицании пропозиции [Федосюк, 1988]. Пресуппозиции делятся на семантические и прагматические [Падучева, 1982].

Семантическая пресуппозиция имплицитруется значением слов или содержанием выражений, образующих эксплицированную пропозицию. Реакцию на семантическую пресуппозицию видим в следующем примере:

(15) *КП*: – Как же **через границу** прорывались? // *А. Л.*: – Да **не было** тогда никакой **границы** (Комсомольская правда. 19.04.2012).

Здесь в ответной реплике об отсутствии границы содержится реакция не на пропозицию вопроса, а на его пресуппозицию: ‘Имела место граница’.

Возможны и прагматические нарушения при реализации имплицитной связности по-

средством направленности реплики отвечающего на семантическую пресуппозицию реплики инициатора диалога:

(16) *Деягин*: – **Кто ж его посадит** с 6 миллиардами? // *Смирнов*: – За то, что он подвел страну (Комсомольская правда. 12.02.2013).

В реплике инициатора диалога содержится пресуппозиция: ‘Его никто не посадит’, а в ответной реплике в имплицитной зоне утверждается, что его посадят, при экспликации, за что посадят.

(17) – **Материнство** вас сильно изменило? // – Во мне очень многое поменялось, когда **умерла моя мама**, царствие ей небесное. Мне было очень тяжело. И я тогда поняла одно: самое главное – это семья (Комсомольская правда. 07.11.2013).

В пресуппозиции реплики инициатора диалога содержится смысл: ‘вы являетесь матерью’, а в ответной реплике речь идет о матери адресата, но не о ней как матери. Имеет место реакция на значение лексемы *мать*, а не на ее ситуативную референциальную отнесенность.

Прагматическая пресуппозиция имплицуруется общей информацией, известной и адресанту, и адресату из контекста или ситуации. Реакция на прагматическую пресуппозицию отражена в примере:

(18) *Хрущев*: – Ты что ж меня **без подарка оставил**, генерал? // *Серов*: – А как же ваза, Никита Сергеевич? **Я же вам вазу подарил**. Вон она на столе красуется (Комсомольская правда. 18.04.2013).

Здесь имплицитная связность создается на основе известного обоим коммуникантам обстоятельства, что для адресата, имеющего определенные финансовые возможности, ваза – слишком простой и дешевый подарок. Это подтверждается продолжением диалога:

Хрущев: – Красуется, говоришь?! А украденная тобой бельгийская корона где красуется? (Комсомольская правда. 18.04.2013).

В этих случаях также возможны прагматические нарушения, когда адресат реагирует на прагматическую пресуппозицию реплики инициатора диалога с разного рода отклонениями от ее содержания, например:

(19) – И в нем найдется работа каждому. Все должно зацвести, завибрировать. Огромные деньги, которые есть, должны быть направлены в развитие, в университеты. Все должно быть переименовано // – **Как – опять?** // – **Да я не о том!** В центре страны должен перестать стоять купец, стяжатель, потребитель (Комсомольская правда. 26.02.2013).

Здесь в зоне общей для адресанта и адресата культурно-исторической информации как компонента прагматической пресуппозиции находится факт переименования городов, улиц, организаций и пр., на что отреагировал адресат посредством недоуменной вопросительной реплики. Однако инициатор диалога имел в виду перемены в социальном устройстве государства по существу, но не смену номинаций.

(20) *КП*: – Дорогие подарки получать **не зазорно?** // *Чаплин*: – Если люди любят священника, как любили святого Иоанна Кронштадтского, то ему действительно и машины дарят, и квартиры (Комсомольская правда. 03.09.2012).

В этом примере прагматическая пресуппозиция опирается на общеизвестное расхожее мнение, что священникам, в силу их бескорыстного служения Богу и людям, обычно не свойственно получать дорогие подарки. Именно на эту пресуппозицию и реагирует отвечающий. Манипулятивность данного приема заключается в том, что здесь осуществлена коммуникативная стратегия подмены тезиса: в ассертивной части пропозиции вопроса инициатора диалога эксплицирован запрос о нравственной приемлемости получения дорогих подарков, что отвечающим остается без внимания.

4. Связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к имплицатурам дискурса. Под имплицатурами дискурса обычно понимается невербализованная информация, выводимая из постулатов общения и опирающаяся на соблюдение коммуникантами принципа кооперации [Грайс, 1985], например, говорящий искренне хотел выразить определенную мысль косвенным образом в надежде, что адресат сможет распознать заложенное содержание. По мнению Е.В. Падучевой, именно речевые имплицатуры определяют небуквальное понимание выражений, эксплицитно алогичных, тавтологических или противоречивых [Падучева, 1982].

Прагматические нарушения имплицитной связности, основанные на имплицатурах дискурса, которые связаны с небуквальной интерпретацией алогизма или противоречия, могут быть прагматически мотивированными установкой адресата на иронию:

(21) *Зарецкий*: – Это наш маленький дружный коллектив к вашим услугам. // *Антонов*: – **Четверо**, это полный *состав*? // *Зарецкий*: – Еще **ноутбук**, но сегодня мы без него обойдемся (Комсомольская правда. 16.02.2013).

Здесь иронически обыгрывается буквально бессмысленная ситуация: ноутбук, будучи неодушевленной сущностью, может мыслиться как участник группы музыкантов.

Логическое противоречие может возникать и непреднамеренно, приводя к коммуникативным сбоям:

(22) *КП*: – Давно были в Молдавии? // *В. М.*: – **Физически** – года четыре назад (Комсомольская правда. 13.08.2012).

В примере аномально имплицуруется предположение отвечающего о том, что в каком-либо месте можно находиться как-то иначе, не физически.

Прагматически мотивированным может быть обращение к имплицатурам дискурса, основанным на небуквальной интерпретации тавтологии, что обычно связано с полным или частичным повтором предыдущей реплики или ее компонента адресатом (в нашей терминологии – «стратегия отзеркаливания») [Кузнецов, 2024]:

(23) – Согласны ли вы с тем, что нужно как-то защищать **публичные** фигуры от журналистов, потому что они переходят определенную грань? // – А почему только **публичных**? (Комсомольская правда. 18.02.2013).

Здесь вполне оправданным видится повтор ключевого слова *публичные* в целях расширения круга лиц, потенциально нуждающихся в защите от нападок журналистов.

Иногда с помощью частичного повтора компонентов реплики инициатора диалога отвечающий осуществляет коммуникативную стратегию разъяснения своей позиции, например:

(24) – **Экологи – злодеи**? // – Они прикрываются вывеской **экологов**, а на самом деле отъявленные **злодеи** (Комсомольская правда. 24.07.2012).

Вполне мотивирована прагматически мена формы ключевого глагола с 3-го лица в возвратном употреблении в реплике инициатора диалога на 1-е лицо в активном залоге в реплике адресата в примере:

(25) – *Но* – главное – завод **сохранится**? // – Завод **сохраним** (Vesti.ru. 26.12.2015).

«Отзеркаливание» с изменением залоговой формы глагола подчеркивает, что адресант берет на себя ответственность за совершение указанного действия в будущем.

Иногда установка на осознанное обыгрывание в ответе метафорической семантики употребленных инициатором диалога слов маркируется в ответной реплике кавычками, например:

(26) – И что теперь? Миллиард – **на ветер**? // – Вот когда будет принято решение, что делать с домами, тогда мы поговорим про «**ветер**», – говорит глава Березников Сергей Дьяков (Комсомольская правда. 11.04.2013).

Однако и в этих случаях мы иногда можем фиксировать прагматические нарушения в реализации имплицитной связности, основанной на обращении к имплицатурам дискурса посредством повтора компонентов предыдущей реплики:

(27) *Яковлев*: – Нам нужна **приватизация** или нет? // *Ясина*: – И **приватизация тоже** (Комсомольская правда. 05.07.2013).

Здесь в ассертивной части пропозиции вопроса инициатора диалога содержится строгая дизъюнкция – нужна или не нужна приватизация. В ответной реплике происходит переключение на операцию присоединения, причем *приватизация* в этой конструкции попадает в разряд добавочной, присоединительной информации по отношению к основной, неназванной, подразумеваемой. Тем самым в этой модели в реплике адресата незаметно происходит смещение логического акцента с приватизации на что-то более, с его точки зрения, важное, что не соответствует пропозиции вопроса со стороны инициатора диалога.

Заключение

В целом исследование показало, что прагмалингвистические механизмы передачи неявно выраженной информации об условиях общения, коммуникантах, отношении собеседников друг к другу и пр. посредством моделей имплицитной связности в фатических и условно фатических диалогах в составе медиатекстов чрезвычайно богаты и разнообразны и могут вводиться в дискурс с помощью разноуровневых языковых средств.

Охарактеризованные модели имплицитной связности, особенно в случаях осознанного нарушения прагматической согласованности реплик, являются и для инициатора диалога, и для отвечающего эффективным инструментом речевого воздействия, в том числе манипулятивного характера. В этих моделях реализуются такие коммуникативные стратегии, как манипулятивная перемена темы или уход от неудобной темы, манипулятивное «передразнивание», смещение логических акцентов, выход на метауровень и т. д. При актуализации имплицитной связности в диалогическом тексте возможны и немотивированные нарушения прагматической согласованности реплик, что способствует коммуникативным сбоям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1976. Предложение и его смысл. М. : Наука. 383 с.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е., 1992. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. № 3. С. 8–17.
- Винокур Т. Г., 1993. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М. : Наука. С. 5–29.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс. С. 217–237.
- Кузнецов И. А., 2024. Прагматические типы вопросно-ответных единств в фатическом диалогическом взаимодействии на русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. С. 196–202. DOI: 10.52452/19931778_2024_3_196
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века, 2016 / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта : Наука. 304 с.
- Падучева Е. В., 1982. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41, № 4. С. 305–313.
- Палехова О. В., 2025. Прагматика современного немецкоязычного медиадискурса // Дискурс. Т. 11, № 1. С. 127–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-127-137
- Радби́ль Т. Б., 2023. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) // Научный диалог. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
- Радби́ль Т. Б., 2024. «Язык ценностей» в отечественных интернет-СМИ: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 3. С. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>
- Радби́ль Т. Б., Помазов А. И., 2020. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 1. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты, 2021 / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта. 328 с.
- Серль Дж. Р., 1986. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс. С. 151–169.
- Соколова О. В., 2017. Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 19–30.
- Федосюк М. Ю., 1988. Неявные способы передачи информации в тексте. М. : Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина. 83 с.
- Цветова Н. С., 2020. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // Медиалингвистика. № 7. С. 280–292. DOI: 10.21638/spbu22.2020.301
- Чернявская В. Е., 2018. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 31–37.
- Якобсон Р. О., 1975. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. М. : Прогресс. С. 190–230.

- Carston R., 1988. Implicature, Explicature, and Truth-Theoretic Semantics // *Mental Representations: The Interface Between Language and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 155–181.
- Cobley P., 2004. Communication Breakdown // *Language & Communication*. № 24. P. 277–289.
- Leech G. N., 1983. *Principles of Pragmatics*. L.; N. Y.: Longman. 250 p.
- Noveck I., 2021. *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p.
- Orr Sh., Ariel M., 2021. Predicating Truth: An Empirically Based Analysis // *Journal of Pragmatics*. Vol. 185. P. 131–145. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.09.005
- Scarantino A., 2017. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics // *Psychological Inquiry*. № 28 (2-3). P. 65–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951
- Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 25, № 3. P. 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610
- zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16. *Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., pp. 217–237.
- Kuznetsov I. A., 2024. Pragmatische tipy voprosno-otvetnykh yedinstv v faticheskom dialogicheskom vzaimodeystvii na russkom yazyke [Pragmatic Types of Question-Answer Adjacency Pairs in Phatic Dialogical Interaction in Russian]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3, pp. 196–202. DOI: 10.52452/19931778_2024_3_196
- Ratsiburskaya L. V., ed., 2016. *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 304 p.
- Paducheva Ye. V., 1982. Pragmatische aspekty svyaznosti dialoga [Pragmatic Aspects of Dialogue Coherence]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], vol. 41, no. 4, pp. 305–313.
- Palekhova O. V., 2025. Pragmatika sovremennogo nemetskoyazychnogo mediadiskursa [Pragmatics of Modern German-Language Media Discourse]. *Diskurs* [Discourse], vol. 11, no. 1, pp. 127–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-127-137
- Radbil T. B., 2023. Yazykovoye voploshcheniye tsennostey v mediadiskurse interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-khoroshemu) [Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme ‘po-khoroshemu’)]. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 6, pp. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
- Radbil T. B., 2024. «Yazyk tsennostey» v otechestvennykh internet-SMI: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Language of Values” in Domestic Internet Media: Cognitive-and-Discursive Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 3, pp. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>
- Radbil T. B., Pomazov A. I., 2020. Precedentnyye fenomeny kak sredstvo sozdaniya attraktivnosti v polikodovom tekste interneta [Precedent Phenomena as Means of Establishing Attractiveness in Polycode Internet Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 1, pp. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

REFERENCES

- Arutyunova N. D., 1976. *Predlozheniye i yego smysl* [Sentence and Its Meaning]. Moscow, Nauka Publ. 383 p.
- Baranov A. N., Kreydlin G. Ye., 1992. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskiye pokazateli minimalnykh dialogov [Structure of a Dialogical Text: Lexical Indicators of Minimal Dialogues]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Languages], no. 3, pp. 8–17.
- Vinokur T. G., 1993. Informativnaya i faticheskaya rech kak obnaruzheniye raznykh kommunikativnykh namereniy govoryashchego i slushayushchego [Informative and Phatic Speech as the Detection of Different Communicative Intentions of the Speaker and Listener]. Zemskeya Ye. A., Shmelev D. N., eds. *Russkiy yazyk v yego funktsionirovaniy. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5–29.
- Grice H. P., 1985. Logika i rechevoye obshcheniye [Logic and Conversation]. *Novoye v*

- Ratsiburskaya L.V., ed., 2021. *Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Russian Language in Internet Communication: Linguacognitive and Pragmatic Aspects]. Moscow, Flinta Publ. 328 p.
- Searle J.R., 1986. Chto takoye rechevoy akt? [What Is a Speech Act?]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., pp. 151-169.
- Sokolova O.V., 2017. Kognitivnyy mekhanizm i kommunikativnyye strategii diskursov aktivnogo vozdeystviya [Cognitive Mechanism and Communicative Strategies of Discourses of Active Influence]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3, pp. 19-30.
- Fedosyuk M.Yu., 1988. *Neyavnyye sposoby peredachi informatsii v tekste* [Implicit Methods of Transmitting Information in the Text]. Moscow, Izd-vo MGPI im. V.I. Lenina. 83 p.
- Tsvetova N.S., 2020. Kritika mediarechi kak vektor razvitiya medialingvistiki [Criticism of Media Discourse as a Vector of the Development of Medialinguistics]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], no. 7, pp. 280-292. DOI: 10.21638/spbu22.2020.301
- Chernyavskaya V.E., 2018. Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatelnoye zveno? Obyasnitelnyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discourse Analysis and Corpus Methods: Necessary Evidentiary Link? Explanatory Power of Qualitative and Quantitative Approaches]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 31-37.
- Yakobson R., 1975. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. st.* [Structuralism. Pros and Cons: Collection of Articles]. Moscow, Progress Publ., pp. 190-230.
- Carston R., 1988. Implicature, Explicature, and Truth-Theoretic Semantics. *Mental Representations: The Interface Between Language and Reality*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 155-181.
- Cobley P., 2004. Communication Breakdown. *Language & Communication*, no. 24, pp. 277-289.
- Leech G.N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman. 250 p.
- Noveck I., 2021. *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge, Cambridge University Press. 282 p.
- Orr Sh., Ariel M., 2021. Predicating Truth: An Empirically Based Analysis. *Journal of Pragmatics*, vol. 185, pp. 131-145. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.09.005
- Scarantino A., 2017. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, no. 28 (2-3), pp. 65-185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951
- Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 586-610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Information About the Author

Igor A. Kuznetsov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia, igorkuznetz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1683-5507>

Информация об авторе

Игорь Александрович Кузнецов, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, г. Москва, Россия, igorkuznetz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1683-5507>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;
- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;
- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;
- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;
- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;
- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;
- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;
- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;
- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

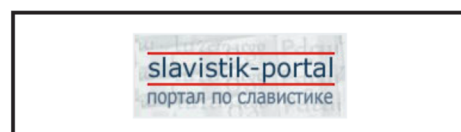
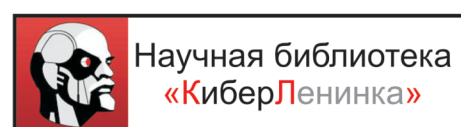
The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

ISSN 1998-9911. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2025. Том 24. № 3. 1–117.